

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ · НАКАЗАНИЕ · ИСПРАВЛЕНИЕ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов В.В. — начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Санташов А.Л. — начальник кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Селиверстов В.И. — начальник НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Беляева Л.И. — профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин и организации профилактики преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Бровкин В.Б. — начальник Санкт-Петербургского института повышения квалификации работников ФСИН России;

Дубровицкий Л.П. — первый заместитель начальника правового управления ФСИН России, кандидат юридических наук;

Ищенко Е.П. — профессор кафедры криминалистики Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Поздняков В.М. — профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, профессор;

Старостин С.А. — профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гаврилов Б.Я. — профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук;

Жалбуров Е.Т. — начальник академии Комитета уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Республики Казахстан, кандидат юридических наук, доцент;

Зубкова В.И. — профессор кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Крымов А.А. — заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по научной работе, кандидат юридических наук, доцент;

Кузьминых А.Л. — доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук;

Лапшин В.Ф. — начальник кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Нагорных Р.В. — заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по учебной работе, кандидат юридических наук, доцент;

Оботурова Н.С. — начальник психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат философских наук, доцент;

Попова И.Н. — начальник редакционно-издательского отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук;

Софийчук Н.В. — ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Спасенников Б.А. — профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор;

Трунигер Л. — директор высшей школы социальной работы г. Ольтен (Швейцария), доктор, профессор;

Шабанов В.Б. — начальник уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор;

Шахов О.А. — начальник инженерно-экономического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат технических наук, доцент

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ	4	АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ	47
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ		А.М. ЧИРКОВ	
В.В. ЛУНЕЕВ		Пенитенциарный стресс	47
Криминологические, виктимологические и пенитенциарные проблемы несовершеннолетних	4	Т.Н. ДЕНИСОВА	
М.Н. КАПЛИН		Особенности отношения ко времени у наркозависимых	56
Уголовная ответственность и наказание: соотношение базовых категорий уголовного права	9	Е.Ф. ШТЕФАН	
А.П. КУЗНЕЦОВ		Психологическая коррекция агрессивного поведения осужденных мужского пола при длительных сроках лишения свободы	60
Ответственность за дезорганизацию нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества	12	ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ	63
И.В. СЕЛИВЕРСТОВ		П.В. МЫТНИК	
К вопросу о социально-правовом назначении института амнистии	16	Уголовная политика в отношении несовершеннолетних в Республике Беларусь	63
Е.С. ПОЧЕТКОВА		А.Ш. АККУЛЕВ	
Терминология как средство законодательной техники при регламентации исполнения наказания в виде штрафа	19	Некоторые вопросы охраны прав человека по уголовному и уголовно-исполнительному законодательству Республики Казахстан	69
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО		ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ	72
Б.А. СПАСЕННИКОВ, А.М. СМИРНОВ		О.В. ЧЕЛЫШЕВА	
Исправление осужденных мужчин в процессе исполнения длительных сроков лишения свободы	23	Проблемы содержания первого раздела криминалистической науки	72
А.В. ИВАНЧИН		О.В. ХОМЯКОВ	
Штраф за совершение преступления: проблемы законодательного регулирования и практики взыскания	25	Процессы социальной либерализации как фактор ужесточения уголовного преследования личности	76
С.П. СЕРЕДА		СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ	81
Особенности исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте	30	Р.В. КОЛОДИН	
УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО И ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ		Об истории становления общественного контроля за деятельностью воспитательных колоний в первые годы советской власти	81
К.К. ГОРЯИНОВ		НАШИ ИССЛЕДОВАНИЯ	84
К вопросу об использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании	34	О.А. БЕЛОВ	
Н.А. ДАНИЛОВА, Т.Г. НИКОЛАЕВА		Компьютерная программа «Методика расследования побегов из исправительных учреждений»	84
Проблемы использования специальных знаний при выявлении и расследовании преступлений экономической направленности	37	НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	85
О.А. БЕЛОВ		НАШИ АВТОРЫ	90
О совершенствовании системы информационного обеспечения раскрытия и расследования пенитенциарных преступлений	38	ОБЗОР ДИССЕРТАЦИЙ	91
А.А. ПЕРВУШИНА		РЕЦЕНЗИИ	92
Элементы криминалистической характеристики преступлений экономической направленности, совершаемых лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы	41	М.Г. ДЕТКОВ	
А.М. КОЛОСКОВ		Рецензия на монографию А.Н. Сирякова «Правовое регулирование воспитательной работы с осужденными к лишению свободы: исторические аспекты и современность»	92
Особенности дисциплинарной ответственности сотрудников уголовно-исполнительной системы	44	НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ	93
		ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ	94
		СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	95

CONTENT

TOPICAL ISSUES OF JURISDICTION	4	TOPICAL ISSUES OF PSYCHOLOGY, PEDAGOGICS AND SOCIAL WORK	47
CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY		A.M. CHIRKOV	
V.V. LUNEEV		Penitentiary stress.....	47
Criminological, victimological and penitentiary problems of the juvenile	4	T.N. DENISOVA	
M.N. KAPLIN		Drug addict dependents` peculiarities of referring to time.....	56
Criminal responsibility and punishment: correlation of the basic categories of the criminal law	9	E.F. SHTEFAN	
A.P. KUZNETSOV		Psychology correction of aggressive behavior of men convicts with long term of imprisonment.	60
Responsibility for disorganization of normal activity of the institutions, providing isolation from society	12	FOREIGN EXPERIENCE	63
I.V. SELIVERSTOV		P.V. MITNICK	
To the problem of the social – legal purpose of the institute of amnesty	16	Criminal policy concerning juveniles in the republic of Belarus	63
E.S. POCHETKOVA		A.SH. AKKULEV	
Terminology as the means of legislative technique by regulation of punishment in the form of fine	19	Some certain issues on the protection of human rights according to the criminal and the criminal-executive leg- islation of the Republic of Kazakhstan	69
CRIMINAL EXECUTIVE LAW		DISCUSSION IS WELCOME	72
B.A. SPASENNIKOV, A.M. SMIRNOV		O.V. CHELYSHEVA	
The Correction of Male Offenders in Serving of Long term Sentences	23	The problems relating to the contents of the first part of Criminal science	72
A.V. IVANCHIN		O.V. KHOMYAKOV	
A Fine for the Crime Committed: the problems of the Legislative Regulation and Practice of Penalty recoverys	25	Social liberalization processes as a reason for toughening of criminal prosecution of an individual	76
S.P. SEREDA		HISTORY PAGES	81
The Peculiarities of Imprisonment Sentences Regarding the Offenders Having Committed a Crime while being minors	30	R.V. KOLODIN	
CRIMINAL COURT PROCEDURE AND ORGANIZATION OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITY		On the history of making of public control over the educative colonies activity in the first years of Soviet government	81
K.K. GORYAINOV		OUR RESEARCHES.....	84
About the Application of Results of the Operative Detec- tive Activity in Proving	34	O.A. BELOV	
N.A. DANILOVA, T.G. NIKOLAEVA		The computer program “The procedure of investigation of escapes from custody”	84
The problems of special knowledge usage while reveal- ing and investigating economic crimes	37	SCIENCE AND LIFE	85
O.A. BELOV		OUR AUTHORS	90
About improving the communication system maintenance in solving and investigating penitentiary crimes	38	DISSERTATIONS REVIEW.....	91
A.A. PERVUSHINA		REVIEWS	92
The elements of criminalistic characteristics of economic crimes committed by people deprived of liberty	41	M.G. DETKOV	
A.M. KOLOSKOV		The review of monograph by A.N.Siryakov “Legal regulation of educational work with the sentenced to imprisonment: the historical and present aspects”. . .	92
Specific features of the penal system’s personnel disci- plinary responsibility.	44	NOVELTIES OF LITERATURE	93
		INFORMATION, ADVERTISEMENTS.	94
		ANNOTATIONS OF ARTICLES AND MATERIALS	95

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Криминологические, виктимологические и пенитенциарные проблемы несовершеннолетних

В.В. ЛУНЕЕВ – главный научный сотрудник сектора уголовного права и криминологии Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

В статье автор указывает на особенности противодействия преступности несовершеннолетних и рассуждает о роли системы исполнения наказаний в этом процессе. Им высказывается мысль о невозможности решения криминологических, виктимологических и пенитенциарных проблем несовершеннолетних только путем формирования и реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении подростков, а также реформирования уголовно-исполнительной системы. В статье приводятся статистические данные, характеризующие преступность несовершеннолетних в мире и России.

Ключевые слова: несовершеннолетние; преступность; противодействие преступности несовершеннолетних.

Молодежь что бабочки: летят на свет и попадают на огонь.

В.О. Ключевский (1841–1911), русский историк

Дети никогда не слушаются взрослых, но зато всегда исправно им подражают.

Дж. Болдуин (1924–1987), американский писатель, публицист, драматург

Оградите от тюрьмы подрастающее поколение, и она умрет сама собой.

Мудрая, но трудно реализуемая идея советских криминологов 20–30-х гг. XX в.

Главной отличительной чертой несовершеннолетних является то, что они объективно – будущее любой страны. Без детей нет будущего. А без укрепления семьи, без серьезной заботы государства и общества о детях нет достойного будущего у них самих. Криминологические, виктимологические и пенитенциарные проблемы несовершеннолетних нельзя решить путем формирования и реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних или реформирования уголовно-исполнительной системы. Сегодня с подачи министра юстиции А.В. Коновалова многие озабочены проблемой сокращения в России числа заключенных по-

средством законодательной эквилибристики. Вместе с тем как может ФСИН России сократить число несовершеннолетних «сидельцев», если в стране есть серьезные причины преступности несовершеннолетних, а количество преступлений несовершеннолетних постоянно растет? В 1991 г. совершалось 279,6 преступлений на 100 тыс. подростков, а в начале нового столетия коэффициент преступности (КП) несовершеннолетних возрос до 2877,5, то есть более чем в 10 раз. Правда, в последние годы учетная преступность несовершеннолетних сокращается. Но это, скорее всего, статистическое мошенничество. Например, преступность несовершеннолетних в

2003 г. сократилась по сравнению с 2001 г. почти вдвое. Такого объективно быть не может. Динамика преступности, в том числе и несовершеннолетних, инерционна. Пятидесятипроцентные скачки повышения или снижения преступности могут быть связаны либо с чрезвычайными обстоятельствами в стране (повышение), либо с отданными сверху противозаконными указаниями «работать на снижение статистики», потому что не могут в одночасье исчезнуть серьезные криминогенные факторы преступности несовершеннолетних по всей стране так же, как все правоохранительные органы заниматься статистическим мошенничеством без указания сверху.

Только профессиональный, нравственно-правовой и криминальный багаж каждого подросткового поколения предопределяет криминологическую обстановку на ближайшие 15–30 лет. А поскольку этот процесс является постоянным и непрерывным, то – и на все обозримое будущее. Мы не случайно привели в качестве одного из эпиграфов фактически несбыточные, но верные слова о том, что, если оградить детей от тюрьмы, она отомрет сама собой.

Даже частичная реализация этой идеи принесла бы ощутимые результаты в повышении правопослушности многонационального и многоконфессионального населения России. Видимо, это осознают многие, но не верят в реализацию данных возможностей в нашей стране. Слишком дорого, хлопотно и непосильно. Куда проще: направил в тюрьму и хотя бы на время избавился от нежелательного субъекта. А он возвращается из тюрьмы более окрепшим, закаленным, обученным и убежденным преступником. Использование тюрьмы зримо и осязаемо, а обеспечение нормальных условий жизни подросткового поколения требует колоссальных вложений. Кроме того, воспитательная «возня» со сложными детьми трудна, а ее последствия далеко не очевидны. Однако, как бы мы ни относились к устранению причин противоправного поведения несовершеннолетних, а также к профилактической и воспитательной работе с ними, противодействие девиациям несовершеннолетних остается самой главной криминологической проблемой любой страны.

Одной из главных задач ФСИН России является «очеловечивание» системы наказания и исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних. На научных форумах рассматриваются вопросы расширения практики применения в отношении несовершеннолетних наказаний и иных уголовно-правовых мер, альтернативных лишения свободы; создания и функционирования воспитательных центров для несовершеннолетних; совершенствования форм и методов психолого-педагогической и социальной работы с несовершеннолетними осужденными; оптимизации структуры и повышения качества подготовки специалистов в образовательных учреждениях ФСИН России, а также изучения зарубежного опыта по данным проблемам.

Предупреждение и противодействие преступности несовершеннолетних ограничивают

размеры и степень общественной опасности взрослой преступности, так как 50–60% рецидивистов начинают свою преступную «карьеру» в несовершеннолетнем возрасте. Это следует отнести к первой особенности преступности несовершеннолетних.

Вторая особенность: предупреждение преступности несовершеннолетних помогает решать важнейшие задачи охраны жизни и здоровья подрастающего поколения, защиты конституционных прав и законных интересов детей и подростков. И хотя это направление деятельности государства имеет определенную самостоятельность, оно в значительной степени зависит от успешного решения криминологических проблем.

Третьей особенностью преступности несовершеннолетних является специфика причинной обусловленности криминального поведения данных субъектов: связь причин с их семейным положением, бытовым и «дворовым» времяпрепровождением; относительная временная и территориальная ограниченность периода формирования личности правонарушителей; сильная зависимость от противоправного окружения, своеобразии личностных, социально-групповых и иных характеристик.

Четвертая особенность: своеобразии преступности несовершеннолетних проявляется в ее уровне, структуре, динамике, детерминантах и мотивации. Соответственно, имеется и специфика в организации предупреждения правонарушений несовершеннолетних, противодействия их антисоциальным поступкам.

Преступность несовершеннолетних характеризуется возрастными границами, указанными в законе. В России это 14–17 лет. Вместе с тем ряд процессов, влияющих на тенденции развития рассматриваемой преступности, наличествует в среде младших подростков (10–13 лет), которые не являются субъектами преступлений, но реально совершают уголовно наказуемые деяния.

Приведем статистические данные, характеризующие преступность несовершеннолетних в мире и России, для возможного анализа.

Таблица 1
Возраст уголовной ответственности несовершеннолетних в некоторых странах

Страна	Минимальный возраст	Максимальный возраст
1	2	3
Албания	14	18
Австралия	7	16
Бельгия	18(16)	18
Канада	12	18
Китай	16	16
Коста Рика	12	18
Дания	15	18
Англия	10	18
Финляндия	15	21
Германия	14	18
Ирландия	7(14)	18

1	2	3
Италия	14	18
Мальта	9(14)	18
Норвегия	15	18
Польша	17(16)	18
Россия (СНГ)	16(14)	18
Словакия	15	18
Судан	Ниже 18	18
Швейцария	7(15)	18
США	Ниже 18	18
Лихтенштейн	14	-
Австрия	14	20
Багамы	7	18
Боливия	15	21
Чили	Ниже 18	18
Колумбия	18	18
Чехия	15	18
Египет	Ниже 18	18
Эстония	13	18
Франция	13	19
Индия	Ниже 16	16
Израиль	12	18
Япония	14	20
Нидерланды	12	17
Перу	Ниже 18	18
Португалия	16	20
Сингапур	7	17
Испания	16	18
Швеция	15	21
Турция	11	18
Уругвай	Ниже 18	18
Кения	7	18

Таблица 2

Соотношение числа подозреваемых
несовершеннолетних мужского и женского пола
в 1994 г. на 100 тыс. населения

Страна	Несовершеннолетние мужского пола	Несовершеннолетние женского пола	Соотношение
1	2	3	4
Австрия	21 128	3838	5,5
Багамы	132	21	6,3
Боливия	13 603	5957	2,3

1	2	3	4
Канада	101 675	25 524	4,0
Колумбия	4263	272	15,7
Кипр	52	0	0
Эквадор	3205	230	13,9
Грузия	715	9	79,4
Венгрия	13 331	1148	11,6
Индонезия	3944	50	78,9
Япония	105 260	26 008	4,0
Латвия	1610	118	13,6
Мадагаскар	105	30	3,5
Никарагуа	256	41	6,2
Молдова	2182	172	18,5
Россия	184 582	16 372	11,3
Словения	7122	637	11,1
Швеция	17 621	4062	4,3
США	1 660 549	549 126	3,0
Азербайджан	803	11	73
Бермуды	132	21	6,3
Болгария	10 727	543	19,7
Чили	33 707	6065	5,6
Хорватия	2866	95	30,1
Дания	6625	1189	5,6
Франция	98 934	10 404	9,5
Гонг Конг	13 568	2637	5,1
Индия	15 664	3155	5,0
Ямайка	2932	1468	2,0
Киргизстан	1344	98	29,9
Литва	2843	193	14,7
Марокко	4573	989	4,6
Респ. Корея	102 167	6514	15,7
Румыния	14 012	4600	3,0
Словакия	4855	258	18,8
Судан	38 371	9975	3,8
Сирия	4112	1204	3,4
Украина	30 202	2479	12,2

Данные табл. 2 свидетельствуют об общей закономерности: несовершеннолетние мужского и женского пола в целом существенно различаются по преступной активности. Но различия соотношений по странам существенны: от 0 (Кипр) до 78,9 (Индонезия) и 79,4 (Грузия). Средний показатель – 12,2. Показатели России близки к средним данным (11,3).

Таблица 3

Уровень и динамика преступлений, совершенных несовершеннолетними
и при их участии (1991–2008 гг.)

Показатели / годы	1991	1993	1995	1997	1999	2001	2003	2005	2007	2008
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Всего учтено	173 375	225 746	209 777	182 293	208 313	185 379	145 368	154 734	139 099	116 090
В % к базовому году	100,0	130,2	121,0	195,4	120,2	106,9	83,8	89,2	80,2	66,9
В % к предыдущему году	-	130,2	92,9	86,9	114,3	94,9	78,4	106,4	89,9	83,5
Темпы прироста	-	+30,2	-7,1	-13,1	+14,3	-5,1	-21,6	+6,4	-10,1	-6,4
Выявлено правонарушителей	159 461	203 826	208 096	161 978	183 447	172 811	145 599	149 981	131 965	107 890

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
В % к базовому году	100,0	127,8	102,1	77,8	113,2	94,2	91,3	94,0	82,7	67,7
КП несовершеннолетних правонарушителей	279,6	2636,6	2402,2	2030,2	2183,2	2877,5	1488,8	1671,8	1782,2	1651,0
Общий КП на 100 тыс. населения	1463,2	1887,8	1862,7	1629,3	2051,4	1877,5	1926,2	2477,6	2519,0	2260,3
Доля преступлений несовершеннолетних в структуре преступности	8,0	8,0	7,6	7,6	6,9	6,2	5,3	4,3	3,9	3,6

В России в середине 1992 г. был зарегистрирован самый высокий темп прироста всей преступности (около +30%). Это напугало высокие инстанции. Была дана волонтаристская команда снизить уровень преступности. Не имея возможности реально этого добиться, правоохранительные органы пошли давно испытанным путем снижения преступности методом выборочной регистрации деяний. Данная практика в большей мере распространялась на несовершеннолетних.

С 1993 г. уровень преступности из месяца в месяц интенсивно, как по плану, стал снижаться. В 1993–1997 гг. кризисная Россия со слабо действующими правоохранительными органами по всем важным показателям (уровню преступности, темпам ее снижения, уровню раскрываемости) в 4–5 раз превосходила индустриально развитые государства (США, Великобританию, Германию, Францию, Японию и другие страны). Фиктивность названных показателей была очевидна.

Таблица 4

Структура преступности несовершеннолетних в России по данным 1991, 1995 и 1998, 2008 гг. (в процентах от общего числа)

Преступления / Годы	1991	1995	1998	2008
Убийство и покушение на убийство	0,3	0,6	0,5	2,7
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	0,6	0,9	2,9	«-»
Изнасилование	1,4	0,8	-	«-»
Разбой	1,4	2,4	2,5	17,3
Грабеж	6,9	8,3	8,1	«-»
Кража	64,6	61,4	59,0	52,3
Хулиганство	6,4	7,5	5,9	0,3
Вымогательство	-	1,5	2,1	1,8
Наркотизм	-	2,4	1,9	3,1
Иные	18,5	16,6	15,2	22,5

Территориальное распределение преступности несовершеннолетних имеет существенные различия. Различаются и темпы прироста. По данным 2008 г., коэффициент преступности в расчете на 100 тыс. населения в возрасте 14–17 лет выглядел следующим образом:

- Центральный округ – 1224,2 (внутри округа выделяются Ярославская обл. – 2209,3; Владимирская обл. – 2104,0);
- Северо-Западный округ – 1686,1 (Новгородская обл. – 2569,6; Республика Коми – 2822,6);
- Южный округ – 892,8 (Астраханская обл. – 2388,1);
- Приволжский округ – 1552,3 (Пермский край – 2514,9);
- Уральский округ – 1985,1 (Курганская обл. – 2315,0);
- Сибирский округ – 2477,1 (Забайкальский край – 3087,0; Республика Бурятия – 3151,4);
- Дальневосточный округ – 2853,3 (Хабаровский край – 3223,3; Еврейская АО – 3594,0);
- всего по России – 1651,0.

Традиционно наиболее высокая преступность несовершеннолетних отмечается в Дальневосточном и Сибирском округах, а самый высокий уровень преступности несовершеннолетних – в Еврейской автономной области. Самый низкий коэффициент – в Санкт-Петербурге (601,4), Москве (576,9), Чеченской Республике (56,2) и Республике Ингушетии (20,3). Максимальный коэффициент преступности (Еврейская АО – 3594,0) превышает минимальный (Республика Ингушетия – 20,3) в 177 раз. Эти существенные различия трудно объяснить только объективными условиями. Здесь кроется большая доля субъективизма и статистического мошенничества.

Таблица 5

Характеристика несовершеннолетних, совершивших преступления в России в 2008 г.

1	Число выявленных несовершеннолетних, совершивших преступления					Доля в общем числе выявленных преступлений в (%)
	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	По данным 2008 г.
Всего	151 890	149 981	148 595	131 965	107 890	100%
1) из них:						
- мужчин	139 909	137 122	134 719	119 131	96 762	89,7
- женщин	11 981	12 859	13 876	12 834	11 128	10,3

1	2	3	4	5	6	7
2) по возрасту:						
- 14–15 лет	46 004	44 559	44 124	38 080	29 615	27,4
- 16–17 лет	105 886	105 422	104 471	93 885	78 275	72,6
3) по социальной принадлежности:						
- рабочих	5981	5196	4332	3927	2946	2,7
- служащих	132	127	116	127	77	0,1
- работники сельского хозяйства	293	229	131	113	71	0,1
- учащихся, студентов (16–17 лет)	78 700	79 686	82 833	76 837	66 002	61,2
4) из общего числа выявленных лиц:						
- без постоянного источника дохода	49 633	48 327	45 382	39 256	30 706	28,5
- безработных	3477	3744	3301	2603	1701	1,6
- ранее совершавших преступления	22 250	24 095	23 717	22 414	18 972	17,6
5) совершено преступлений в группе:	85 005	79 106	72 375	63 497	48 614	45,1
- в том числе организованной	601	470	470	334	257	0,2
- в состоянии алкогольного опьянения	24 478	21 468	18 207	13 944	10 820	10
- наркотического, токсического	371	319	371	364	298	0,3

Данные, выделенные в последней графе (2008 г.) полужирным шрифтом, особо тревожны: почти 90% преступлений совершают подростки мужского пола в возрасте 16–17 лет, из них с достаточным интеллектом (учащиеся и студенты) – 61,2%. Одна треть правонарушителей не имеет постоянного источника дохода. Около половины совершили преступления в группе, в том числе и организованной, а каждый десятый – в состоянии опьянения. В этих условиях формируются группы не только бытовых насильственных и корыстных преступников, но и экстремистски и террористически ориентированных. Таким образом, несовершеннолетние преступники становятся надежной базой для более опасных «идейных» преступников.

Личностная характеристика большинства несовершеннолетних правонарушителей сомнительна:

- в большинстве своем они почти не читают книг;

- увлекаются низкопробной телевизионной продукцией (боевиками, фильмами криминальной, сексуальной направленности и т.д.);

- предпочитают информацию, идущую по «своим» каналам референтных микрогрупп;

- круг их интересов ограничен интересами пассивно-потребительского досуга, у них преобладают негативные формы времяпрепровождения: распитие алкогольных напитков, употребление наркотиков, курение, секс «с общими девочками», азартные игры и т.д.;

- многие подростки не имеют интереса к учебе, не принимают требований образовательного учреждения;

- равнодушны к проблемам общественной жизни и деятельности, готовы примкнуть к экстремистским и другим криминальным образованиям;

- у многих искажено понимание дозволенного и недозволенного поведения, имеет место враждебно-недоверчивое отношение к правоохранительным органам, чему нередко способствует распущенное поведение последних;

- большинство несовершеннолетних правонарушителей характеризуются слабо выражен-

ным, а то и полным отсутствием чувства стыда, в поведении доминируют лживость, грубость, жестокость;

- многие несовершеннолетние правонарушители отличаются психологической неустойчивостью, психическими заболеваниями, недостаточным физическим развитием.

Анализируя личностные свойства несовершеннолетних преступников, нельзя все объяснять их возрастом и недостаточной зрелостью. Основные причины лежат в условиях социальной жизни и гнетущем социальном неравенстве, что особенно болезненно воспринимается подростками.

Особую роль в криминогенной направленности подростков играет растущая в мире, и особенно в России, преступность против детей. За 10 лет у нас было изнасиловано 100 тыс., убито 20 тыс., изуродовано 25 тыс. детей. Только в 2008 г. в результате различных преступлений у нас пострадали 126 тыс. несовершеннолетних, 62 тыс. были подвергнуты насилию, более 9 тыс. мальчиков и девочек были изнасилованы, около 2 тыс. несовершеннолетних убиты и 2,5 тыс. изуродованы, им были причинены различные повреждения здоровью. Только за первое полугодие 2009 г. в отношении детей было совершено более 40 тыс. преступлений, из которых 4,5 тыс. составляют преступления сексуального характера. Почти 300 малолетних было убито.

В настоящее время в стране реализуется федеральная целевая программа «Дети России» на 2007–2010 гг. с подпрограммами «Дети и семья», «Здоровое поколение», «Одаренные дети», «Психические расстройства». Профилактическое значение имеет выделение бюджетных денег на федеральную целевую программу «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2008–2015 годы», федеральную программу «Повышение безопасности дорожного движения в 2006–2012 годах», а также на финансирование детских школьных и дошкольных учреждений.

Важное место в этих программах занимают федеральная целевая программа «Комплексные меры противодействия злоупотреблению нарко-

тиками и их незаконному обороту на 2005–2009 годы», а также мероприятия по пропаганде вреда наркотиков в СМИ. Большое значение имеют предусмотренные в бюджете «Мероприятия по патриотическому воспитанию граждан России», мероприятия по оздоровительной кампании детей, федеральная целевая программа «Предупреждение и борьба с социально значимыми заболеваниями» (2007–2011 гг.), программы по

поддержке санаториев для детей и подростков, а также Федеральная целевая программа развития образования на 2006–2010 гг.

В то же время в бюджете нет общей программы противодействия преступности в стране и нет федеральной программы по предупреждению правонарушений среди подростков и молодежи.

Уголовная ответственность и наказание: соотношение базовых категорий уголовного права

М.Н. КАПЛИН – доцент кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, кандидат юридических наук

В предлагаемой статье анализируется сущность категорий «уголовная ответственность» и «наказание». Рассматривая историю становления понятия уголовной ответственности в отечественном уголовном законодательстве, автор приходит к выводу о нецелесообразности разграничения уголовной ответственности и наказания, поскольку в правовом значении они являются равнозначными.

Ключевые слова: уголовная ответственность; наказание; обязанность нести ответственность за преступление; уголовное правоотношение; меры уголовно-правового характера.

Тезис о том, что уголовная ответственность и наказание – понятия близкородственные, в уголовно-правовой науке практически никем не оспаривается. Дискуссионным является характер соотношения этих двух базовых категорий соответствующей отрасли. С позиций формальной логики возможны три варианта такого родства: понятия могут совпадать по объему, могут пересекаться или быть смежными.

Изначально в теории российского уголовного права проблемы специфического понятия уголовной ответственности не существовало. Как отмечал Л.В. Багрий-Шахматов, «ни употреблявшие этот термин Н.С. Таганцев, С.В. Познышев, ни создатели “Уложения о наказаниях уголовных и исправительных” 1885 г. (§ 15 ст. 1; § 20) не проводили различия между понятиями уголовной ответственности и наказания»¹. Аналогичная ситуация наблюдалась и в советской науке уголовного права в период действия УК РСФСР 1922 и 1926 гг. В своем исследовании В.И. Курляндский пришел к выводу, что в учебниках по Общей части уголовного права 1943, 1959 и 1960 гг. нет четкого разграничения между вышеуказанными понятиями².

Однако с принятием Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и УК РСФСР 1960 г., в которых законодатель разграничил институты освобождения от

уголовной ответственности и освобождения от наказания, начался отход от прежних представлений. Например, М.Д. Шаргородский, изначально понимавший ответственность как меру государственного принуждения³, под влиянием критики пришел к выводу, что «нельзя ставить знак равенства между юридической ответственностью и самими мерами государственного принуждения»⁴. Юридическая наука попыталась объяснить это расхождение, в результате чего появился целый спектр точек зрения.

Наиболее широкое признание в теории получило понимание ответственности как правовой обязанности. В общем виде данная концепция выглядит следующим образом: уголовная ответственность – это «обязанность отвечать за... преступление»⁵. Признав данное положение в качестве ключевого, его сторонники расходятся во взглядах относительно содержания и момента возникновения данной обязанности. Одни авторы связывали ее с действием исключительно уголовного закона. Так, Я.М. Брайнин признавал ответственностью «основанную на нормах советского уголовного права обязанность лица, совершившего преступление, подлежать действию закона»⁶. По мнению М.Д. Шаргородского, обязанность преступника претерпеть наказание составляет содержание ответственности⁷. А.А. Пионтковский считал, что ответственность

– это обязанность нести за совершенное преступление определенный личный или имущественный вред, указанный в санкции статьи уголовного закона⁸. Более широкое понимание было предложено М.П. Карпушиным и В.И. Курляндским. По их мнению, обязанность «подвергнуться правоограничениям, вытекающим из процессуального порядка, быть осужденным и понести соответствующее наказание»⁹ составляет содержание уголовной ответственности. Расходились данные авторы и в вопросе о начальном моменте ответственности¹⁰.

Поскольку сторонники концепции «обязанности» в первую очередь ставили перед собой цель найти объяснение законодательному разграничению уголовной ответственности и наказания, их выводы, как представляется, носят искусственный характер. Косвенно это подтверждается допускаемыми данными авторами противоречивыми утверждениями.

Неподлежит сомнению, что лицо, совершившее преступление, с определенного момента должно подвергнуться наказанию. Однако, как справедливо заметил Н.А. Огурцов, «это совсем не означает, что оно несет уголовную ответственность»¹¹. В противном случае виновный будет считаться «отвечающим за преступление» и в ситуации, когда его личность даже не установлена органами следствия. Чтобы объяснить этот парадокс, одни авторы вынуждены признать началом ответственности привлечение в качестве обвиняемого, как это делал Я.М. Брайнин, другие – выделять ответственность нереализованную (до установления лица) и реализованную (после его установления). Однако, как верно указывал Н.А. Огурцов, «уголовная ответственность нереализованная не есть и наличная ответственность, это состояние безответственности лица, совершившего преступление»¹². Лицо отвечает за преступление лишь тогда, когда подвергается мерам принуждения.

Рассматриваемая теория, на наш взгляд, оказалась не в состоянии объяснить, почему законодатель разграничивает уголовную ответственность и наказание. С точки зрения этой концепции, освобождение от ответственности должно трактоваться как разрешение не выполнять обязанность подвергнуться наказанию. Однако очевидно, что лицо, которому назначено определенное наказание, также несет какую-то обязанность, а именно: отбыть данное наказание. Поэтому освобождение от наказания тоже является «разрешением не выполнять обязанность подвергнуться наказанию». Таким образом, ответственность и наказание все равно выступают в качестве тождественных понятий.

Отмеченные недостатки, а также ряд своих собственных имеет концепция ответственности – правоотношения. Констатация факта, что «лицо имеет не только обязанности, но и гарантированные законом права, которым корреспондируют определенные обязанности государства и его карательных органов»¹³, привела некоторых исследователей к такому пониманию уголовной ответственности.

В настоящее время практически никто не оспаривает факта существования уголовно-правовых отношений. Как известно, любое общественное отношение включает в свою структуру участников (субъектов), предмет (то, по поводу чего оно возникло), юридическую (права и обязанности) и фактическую (реальное поведение людей) связи. Уголовная ответственность как последствие совершения преступления входит в состав уголовного правоотношения в качестве его предмета. С нашей точки зрения, является совершенно непонятным, зачем нужно отождествлять часть и целое. В структуру уголовной ответственности тогда будут попадать не только права преступника, но и он сам, а также государство. Кроме того, неясно, как лицо может нести правоотношение, подвергаться ему, освобождаться от него?

Искусственный характер рассматриваемой концепции проявляется в некоторых суждениях и высказываниях авторов. Подводя итог своим рассуждениям, Л.В. Багрий-Шахматов заявляет, что: а) по своему характеру уголовная ответственность является одним «из видов государственного принуждения... Свое выражение... находит в различных мерах уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного, а порою даже административного принуждения»; б) «по своей сущности... является совокупностью определенных общественных отношений»; в) «по форме уголовная ответственность выражается в особом порядке ее реализации, установленном нормами... уголовно-процессуальной (судебный порядок), исправительно-трудовой, административной и военно-административной (административный порядок) правовых отраслей»¹⁴. Руководствуясь такими указаниями, очень сложно понять, что же такое ответственность на самом деле: мера принуждения, правовое отношение или процедура?

Более логичными представляются позиции, высказанные Н.А. Огурцовым и А.И. Санталовым. Справедливо отмечая недостатки концепций «ответственность – обязанность» и «ответственность – правоотношение», Н.А. Огурцов определил ответственность как «бремя принудительно-воспитательных мер, фактически возлагаемое органами социалистического правосудия на лицо, совершившее преступление – преступника»¹⁵, А.И. Санталов – как «вынужденное претерпевание виновным лицом последствий преступления в форме осуждения (государственное порицание) и принуждения преступника к этому уполномоченными государственными органами»¹⁶.

Таким образом, теория уголовного права 1960–1980-х гг. оказалась не в состоянии предложить окончательное определение уголовной ответственности, отличное от классического отождествления ее с наказанием. Указанная концепция, на наш взгляд, имеет несомненное достоинство: подавляющее большинство специалистов признают, что наказание является хотя бы формой реализации, этапом или частью уголовной ответственности. Иными словами,

научное сообщество частично принимает ее основную постулат.

К числу недостатков данной теории относят ее внешнее противоречие уголовному закону, который:

1) разграничивает институты освобождения от уголовной ответственности и освобождения от наказания;

2) предусматривает не только наказание, но и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений.

Следует заметить, что детально анализируя употребление в УК РФ термина «уголовная ответственность», встречающегося там около ста раз, мы ранее приходили к выводу о синонимичности рассматриваемых понятий¹⁷. Замена в большинстве уголовно-правовых норм «ответственности» «наказанием» (разумеется, с учетом того, что эти существительные относятся к разным родам) не влечет изменения смысла данных предписаний.

Различие институтов освобождения от уголовной ответственности и освобождения от наказания, на наш взгляд, носит чисто процессуальный характер. Вопрос лишь в том, когда это происходит: до вынесения приговора суда, либо одновременно с ним, либо после. Отсутствие различий в материально-правовой природе рассматриваемых институтов проявляется в существовании таких «сквозных» оснований освобождения, как амнистия (ст. 84 УК РФ), а также в возможности законодателя свободно перенести нормы об освобождении из одной главы в другую (как это произошло применительно к изменению обстановки в 2003 г.). Кроме того, сам правотворец иногда не видит различий между рассматриваемыми феноменами, в частности, признавая психическое расстройство, наступившее после совершения лицом преступления, основанием освобождения не от уголовной ответственности, а от наказания (ч. 1 ст. 81 УК РФ).

С точки зрения уголовного материального права, и в том и в другом случае лицо освобождается от возникшей в момент совершения преступления обязанности подвергнуться наказанию, то есть освобождается от него. Разницу можно увидеть лишь в том, что при освобождении от уголовной ответственности грозящее наказание абстрактно, оно может быть любым в пределах санкции уголовно-правовой нормы, а при освобождении лица от наказания данная мера уже назначена в конкретном виде, сроке или размере.

Поскольку понятие «ответственность» с позиций формальной логики является абстрактным, а «наказание» – конкретным¹⁸, законодатель обоснованно употребляет первый термин в значении относительно определенной санкции за совершение преступления, а второй – в значении конкретной меры принуждения. Таким образом, разграничение законодателем понятий «наказание» и «ответственность» не является аргументом против признания их тождественными явлениями.

Что касается мер уголовно-правового характера, то закон их понятие не определяет. Исходя из нового названия VI раздела УК РФ, к их числу однозначно относятся принудительные меры медицинского характера и конфискация имущества. Кроме того, на роль таких мер могут претендовать принудительные меры воспитательного воздействия, освобождение от уголовной ответственности, условное осуждение, условно-досрочное и другие виды освобождения от наказания¹⁹, а также судимость.

Не вдаваясь в дискуссию относительно содержания понятия «меры уголовно-правового характера», отметим, что ни одно из перечисленных явлений не может признаваться формой или видом уголовной ответственности по следующим основаниям:

1) принудительные меры медицинского характера применяются к лицам, которые либо не подлежат уголовной ответственности (п. «а» ч. 1 ст. 97, ст. 21 УК РФ), либо могут подлежать уголовной ответственности и наказанию лишь после выздоровления (п. «б» ч. 1 ст. 97, ч. 4 ст. 81 УК РФ), либо подлежат и уголовной ответственности, и принудительному лечению (п. «в» ч. 1 ст. 97, ст. 22 УК РФ);

2) принудительные меры воспитательного воздействия применяются к лицу, освобожденному от уголовной ответственности (ч. 1 ст. 90 УК РФ);

3) освобождение от уголовной ответственности и наказания не может быть формой ее реализации, поскольку является не негативным, а благоприятным последствием для виновного;

4) судимость является юридическим фактом, «сама по себе взятая отдельно она не является уголовно-правовой обязанностью; не влечет никаких уголовно-правовых последствий»²⁰.

Таким образом, уголовная ответственность и наказание выступают в качестве тождественных понятий, а саму уголовную ответственность можно определить как *предусмотренное уголовным законом последствие совершения преступления в виде наказания*.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Багриль-Шахматов Л.В. Уголовная ответственность и наказание. Минск, 1976. С. 18.

² См.: Курляндский В.И. Уголовная ответственность и меры общественного воздействия. М., 1965. С. 21.

³ См.: Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 318.

⁴ Курс советского уголовного права. Часть Общая / Под ред. Н.А. Беляева и М.Д. Шаргородского. Л., 1968. Т. 1. С. 217–218.

⁵ Курляндский В.И. Уголовная ответственность и меры общественного воздействия. С. 20.

⁶ Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963. С. 25.

⁷ См.: Курс советского уголовного права. Часть Общая / Под ред. Н.А. Беляева и М.Д. Шаргородского. С. 222.

⁸ См.: Курс советского уголовного права: В 6 т. / Под ред. А.А. Пионтковского, П.С. Ромашкина, В.М. Чхиквадзе. М., 1970. Т. III. С. 7.

⁹ Карпушин М.П., Курляндский В.И. Уголовная ответственность и состав преступления. М., 1974. С. 39.

¹⁰ См., напр.: Курс советского уголовного права. Часть Общая / Под ред. Н.А. Беляева и М.Д. Шаргородского. Т. 1. С. 237; Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. С. 27–28.

¹¹ Огурцов Н.А. Правоотношения и ответственность в уголовном праве. Рязань, 1975. С. 157.

¹² Там же. С. 159.

¹³ Багрий-Шахматов Л.В. Уголовная ответственность и наказание. С. 27.

¹⁴ Там же. С. 27–28.

¹⁵ Огурцов Н.А. Правоотношения и ответственность в уголовном праве. С. 177.

¹⁶ Санталов А.И. Теоретические вопросы уголовной ответственности. Л., 1982. С. 18.

¹⁷ См.: Каплин М.Н. Дифференциация уголовной ответст-

венности за преступления против жизни и здоровья: Дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2002. С. 11–22.

¹⁸ См.: Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика: Учеб. для юрид. вузов. 5-е изд. М., 1999. С. 37.

¹⁹ См., напр.: Звечаровский И. Меры уголовно-правового характера: понятие, система, виды // Законность. 1999. № 3. С. 36–39.

²⁰ Черданцев А.Ф., Кожевников С.Н. О понятии и содержании уголовной ответственности // Правоведение. 1976. № 5. С. 47. Следует заметить, что С.С. Алексеев по одному из оснований подразделяет юридические факты на факты: 1) однократного и 2) непрерывного действия (состояния). Именно к разряду последних и следует относить судимость (см.: Алексеев С.С. Общая теория права: В 2 т. М., 1982. Т. II. С. 177).

Ответственность за дезорганизацию нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества

А.П. КУЗНЕЦОВ – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Института ФСБ России (Н. Новгород), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации

Статья посвящена характеристике состава преступления в виде дезорганизации нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Автор рассматривает элементы данного состава преступления, его квалифицирующие признаки, а также ответственность по уголовному праву России. Комментируя положения ст. 321 УК РФ, автор опирается на действующее уголовно-исполнительное законодательство.

Ключевые слова: дезорганизация деятельности; исправительные учреждения; учреждения, обеспечивающие изоляцию от общества; состав преступления; ответственность.

Общественная опасность рассматриваемого преступления заключается в том, что оно подрывает основы системы управления, дезорганизует деятельность уголовно-исполнительных органов, причиняет вред как сотрудникам этих учреждений, так и осужденным. Непосредственным объектом преступления выступают общественные отношения, регулирующие нормальную деятельность уголовно-исполнительной системы, дополнительным – жизнь и здоровье сотрудников учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, либо осужденных.

В уголовно-правовой литературе высказываются различные мнения в отношении непосредственного объекта анализируемого состава: это общественные отношения, складывающиеся в сфере нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества¹; нормальная деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию осужденных и лиц, содержащихся под стражей, а также здоровье и неприкосновенность лиц, указанных в ч. 1 и 2 ст. 321 УК РФ²; нормальная деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от об-

щества³; законная деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию осужденных от общества – мест лишения свободы и содержание под стражей, то есть их нормальное функционирование, а также безопасность сотрудников мест лишения свободы и содержания под стражей, лиц, осужденных к такому отбыванию лишения свободы вступившим в законную силу приговором суда⁴. Одновременно с этим вызывает резкую критику со стороны ученых и название самой статьи «Дезорганизация нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества». Так, А.И. Бойко считает, что на сегодняшний день не существует наказаний с элементами изоляции осужденных от общества, а следовательно, не может быть и «учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества», поскольку после упразднения в конце XIX в. филаделфийской и оборонской системы одиночного заключения (США), абсолютно исключая контакты лишенных свободы лиц даже с тюремной стражей, юрист и законодатель вправе говорить лишь о наказаниях (и пенитенциарных учреждениях), связанных «с изоляцией

осужденных от прежней социальной среды»⁵. Следует согласиться с данной точкой зрения, так как законодатель в процессе конструирования уголовно-правовых норм (в том числе и формулирования названий) должен не только строго руководствоваться юридико-техническими требованиями и правилами, но и обращать особое внимание на исторические и социальные предпосылки, складывающиеся в обществе.

Потерпевшими от преступления могут быть сотрудники места лишения свободы или места содержания под стражей, его близкие, а также осужденные.

К работникам уголовно-исполнительной системы относятся лица, имеющие специальное звание сотрудников уголовно-исполнительной системы, рабочие и служащие учреждений, исполняющих наказания, объединений учреждений с особыми условиями хозяйственной деятельности, федеральных государственных унитарных предприятий уголовно-исполнительной системы, федерального органа уголовно-исполнительной системы и его территориальных органов, а также следственных изоляторов, предприятий, научно-исследовательских, проектных, лечебных, учебных и иных учреждений, входящих в уголовно-исполнительную систему⁶.

Сотрудниками уголовно-исполнительной системы являются граждане Российской Федерации, проходящие службу в уголовно-исполнительной системе, которым в установленном законом порядке присвоены специальные звания рядового или начальствующего состава уголовно-исполнительной системы. Указанная категория работников имеет своей задачей осуществление нормальной деятельности органов, обеспечивающих изоляцию от общества.

Законодатель в Уголовном кодексе Российской Федерации предусматривает ответственность за посягательства не на любых работников уголовно-исполнительной системы, а только на сотрудников этой системы. Таким образом, посягательства на рабочих и служащих учреждений, исполняющих наказание, следует рассматривать как посягательства на личность и квалифицировать по соответствующим статьям о преступлениях против личности. Преступления, совершаемые в отношении представителя власти в местах лишения свободы, не являющегося сотрудником уголовно-исполнительной системы (например, применение насилия в отношении прокурора, посещающего места лишения свободы в связи с осуществлением своих должностных полномочий), должны квалифицироваться по ст. 318 УК РФ.

К сотрудникам мест содержания под стражей относятся лица рядового или начальствующего состава органов внутренних дел, сотрудники учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, военнослужащие органов Федеральной службы безопасности и Вооруженных сил Российской Федерации, исполняющие обязанности по обеспечению режима содержания под стражей. На период исполнения обязанно-

стей по обеспечению режима содержания под стражей капитаны морских судов и начальники зимовок, а также уполномоченные ими лица не несут обязанности и пользуются правами, предоставленными сотрудникам мест содержания под стражей⁷.

Под категорией «близкие сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей» понимаются родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и сестры, дед, бабушка, внуки, а также супруг, в исключительных случаях и иные лица, жизнь, здоровье, благополучие которых, как заведомо известно виновному, дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений⁸.

Осужденные – это лица, в отношении которых приговор вступил в законную силу. Следует отметить, что в ст. 77.1 УК РСФСР 1960 г. законодатель относил к числу потерпевших лишь осужденных, вставших на путь исправления⁹. Действующая редакция ст. 321 УК РФ предусматривает ответственность за посягательство на осужденных с целью воспрепятствовать его исправлению или из мести за исполнение им общественной обязанности. Таким образом, законодатель признает потерпевшим любого осужденного, в отношении которого вынесен обвинительный приговор.

Согласно ст. 74 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации учреждения, исполняющие наказания в виде ареста, лишения свободы и пожизненного лишения свободы, являются составной частью уголовно-исполнительной системы¹⁰. Местами отбывания лишения свободы являются исправительные учреждения, к которым относятся исправительные колонии, воспитательные колонии, тюрьмы, лечебные исправительные учреждения. Следственные изоляторы выполняют функции исправительных учреждений в отношении осужденных, оставленных для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию. Исправительные колонии предназначены для отбывания лишения свободы осужденными, достигшими совершеннолетия, и подразделяются на колонии-поселения, исправительные колонии общего режима, исправительные колонии строгого режима, исправительные колонии особого режима. В колониях-поселениях отбывают наказания лица, осужденные к лишению свободы за преступления, совершенные по неосторожности, умышленные преступления небольшой и средней тяжести, а также осужденные, переведенные из исправительных колоний общего и строгого режимов. В тюрьмах отбывают наказание осужденные к лишению свободы на срок свыше пяти лет за совершение особо тяжких преступлений, при особо опасном рецидиве преступлений, а также осужденные, являющиеся злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, переведенные из исправительных колоний. В лечебных исправительных учреждениях и лечебно-профилактических учреждениях отбывают наказание осужденные, нуждающие-

ся в медицинском обслуживании, в больницах, специальных психиатрических и туберкулезных больницах и медицинских частях – больные открытой формой туберкулеза, алкоголизмом и наркоманией. В воспитательных колониях отбывают наказание несовершеннолетние осужденные, а также осужденные, оставленные в воспитательных колониях до достижения ими возраста 21 года. В уголовно-исполнительную систему по решению Правительства Российской Федерации могут входить следственные изоляторы, предприятия, специально созданные для обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы, научно-исследовательские, проектные, лечебные, учебные и иные учреждения¹¹.

В соответствии с диспозицией ст. 321 УК РФ преступление может совершаться и в местах содержания под стражей: в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы; следственных изоляторах органов Федеральной службы безопасности; изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел; изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых Пограничных войск Российской Федерации; учреждениях уголовно-исполнительной системы, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы, и на гауптвахтах.

В случаях, когда задержание по подозрению в совершении преступления осуществляется в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации капитанами морских судов, находящихся в дальнем плавании, или начальниками зимовок в период отсутствия транспортных связей с зимовками, подозреваемые содержатся в помещениях, которые определены указанными должностными лицами и приспособлены для этих целей¹².

Объективная сторона преступления (ч. 1 ст. 321 УК РФ) выражается в применении насилия, неопасного для жизни или здоровья осужденного, либо в угрозе применения насилия в отношении его с целью воспрепятствовать исправлению осужденного или из мести за оказанное им содействие администрации учреждения или органу уголовно-исполнительной системы.

Насилие, неопасное для жизни или здоровья потерпевшего, предполагает противоправное воздействие на него, выраженное в нанесении легких телесных повреждений, не повлекших кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты трудоспособности, а также иные насильственные действия, связанные с причинением физической боли либо ограничением свободы (побои, удары, удержание, связывание, изоляция от окружающих, воспрепятствование передвижению и тому подобные действия, не повлекшие реального причинения вреда).

Под угрозой применения насилия понимается оказание психического воздействия на потерпевшего, высказанное в форме устрашения указанного лица. Формы выражения угрозы могут

быть различными: письменная или устная, непосредственная или высказанная через третьих лиц, жестами или мимикой, форма действительного или мнимого намерения нанести побои, причинить вред здоровью или лишить жизни и т.п. Угроза должна носить действительный и реальный характер, то есть объективно существующий, а не мнимый, создавать у потерпевшего все основания опасаться осуществления намерения виновного. Угроза будет реальной при демонстрации виновным различных предметов или применении определенных средств и способов, создающих условия для реализации высказанного намерения. О реальной угрозе может свидетельствовать обстановка, в которой она высказывается, формы ее выражения (ультимативность, жесткость), наличие оружия и предметов, характер прежних взаимоотношений виновного и потерпевшего, личность (неоднократная судимость). Обязательным элементом преступления в отношении осужденного является связь угрозы или насилия с воспрепятствованием его исправлению, а также за оказанное содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы. Угрозой применения насилия в отношении осужденного охватываются как угроза убийством, так и угроза причинения любого вреда здоровью потерпевшего, и дополнительной квалификации по другим статьям не требуется.

Преступление считается оконченным в момент высказывания угрозы, независимо от наступления вредных последствий в виде дезорганизации нормальной деятельности уголовно-исполнительной системы либо причинения вреда здоровью осужденного. В данном случае достаточно установить, что у потерпевшего создано впечатление о реальности приведения угрозы в исполнение.

Деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 321 УК РФ, наказывается лишением свободы на срок до пяти лет (преступление средней тяжести).

Ответственность по ч. 2 ст. 321 УК РФ наступает за применение насилия, неопасного для жизни или здоровья, либо угрозы применения такого насилия в отношении сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей в связи с осуществлением им служебной деятельности либо его близких. Обязательным элементом преступления в отношении сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей является связь с его служебной деятельностью. Не образуют состав преступления действия виновного, вызванные личными неприязненными отношениями с потерпевшим либо его неправомерным поведением, а также не связанные с его профессиональной деятельностью. Соответствующие действия должны квалифицироваться как преступления против личности. Деяния, предусмотренные ч. 2 ст. 321 УК РФ, наказываются лишением свободы на срок до пяти лет (преступления средней тяжести).

Ответственность по ч. 3 ст. 321 УК РФ устанавливается за квалифицированный состав

рассматриваемых преступлений, то есть за деяния, предусмотренные ч. 1 и 2 ст. 321 УК РФ и совершенные организованной группой либо с применением насилия, опасного для жизни или здоровья.

В соответствии со ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. Устойчивость группы характеризуют следующие признаки: длительность деятельности; определение членами группы механизма ее функционирования; наличие постоянных связей между ее членами; распределение между ними ролей; их совместная деятельность по подготовке и совершению преступлений, выражающаяся, например, в составлении плана одного или нескольких преступлений; тщательный подбор и вербовка соучастников; четкое распределение ролей и функций между ними; приобретение орудий, средств совершения преступления или иного технического оснащения; строгое соблюдение групповой дисциплины и подчинение указаниям организатора и т.д.¹³ Согласно разъяснениям Верховного Суда Российской Федерации качественное отличие организованной группы от соисполнительства состоит в наличии признака устойчивости, означающего, что участник организованной группы объединяет цель совместного совершения многих преступлений (многих эпизодов преступного поведения) в течение продолжительного времени. В такой группе по общему правилу имеется руководитель, координирующий действия участников группы, подбирающий и вербующий соучастников, распределяющий роли между ними, планирующий совершение преступлений¹⁴. Судебной практике известны примеры, когда суды необоснованно отказываются инкриминировать такой квалифицирующий признак, как «совершение преступлений организованной группой», поскольку количество участников групп было небольшим, никто из них не работал в органах государственной власти, а планы совершения ими преступлений разрабатывались недостаточно детально. Однако не принимались во внимание и другие обстоятельства дела, свидетельствующие об устойчивости группы виновных: планирование осужденными разбойных нападений, подготовка к их совершению, распределение ролей и использование технических средств¹⁵.

Насилием, опасным для жизни и здоровья, следует признавать насилие, повлекшее причинение легкого, средней тяжести вреда здоровью, либо непричинение вреда здоровью, но в момент его применения, исходя из наличия способа, создавалась реальная угроза для жизни и здоровья потерпевшего.

Ответственность за применение насилия, опасного для жизни и здоровья, в отношении сотрудника мест лишения свободы или места содержания под стражей в связи с осуществле-

нием им служебной деятельности либо его близких наступает только при условии исполнения потерпевшим законной деятельности. Применение насилия, опасного для жизни и здоровья, вне исполнения служебных обязанностей необходимо квалифицировать по статьям уголовного закона о преступлениях против личности.

Субъект преступления специальный, то есть лицо, содержащееся в местах лишения свободы или местах содержания под стражей, достигшее 16-летнего возраста. Лица в возрасте от 14 до 16 лет, совершившие деяния, указанные в ст. 321 УК РФ, привлекаются к ответственности за преступления против личности.

Субъективная сторона преступления предполагает вину в форме прямого умысла: виновный осознает общественную опасность угрозы применения насилия к сотруднику места лишения свободы или места содержания под стражей в связи с выполнением им своих служебных обязанностей (ч. 2 ст. 321 УК РФ) либо в отношении осужденного (ч. 1 ст. 321 УК РФ) и желает так действовать. Обязательным условием ответственности является наличие специальной цели и специального мотива. Цель – воспрепятствование исправлению осужденного или воспрепятствование служебной деятельности должностного лица. Мотив – месть за оказанное содействие администрации уголовно-исполнительной системы. Совершение виновным действий, не преследующих указанной цели, или по другим мотивам влечет квалификацию по статьям о преступлениях против личности.

Ответственность за угрозу применения насилия в отношении сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей в связи с их законной деятельностью образует состав преступления и квалифицируется по ч. 2 ст. 321 УК РФ независимо от наличия специальной цели – дезорганизовать нормальную деятельность данных учреждений.

В случаях применения насилия вне связи со служебной деятельностью сотрудников учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, либо служебной, но незаконной, действия виновного необходимо квалифицировать как преступление против личности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Полный курс уголовного права: В 5 т. / Под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2008. Т. 5. С. 394–395.

² См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 1198.

³ См.: Курс уголовного права: Учеб. для вузов / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комисарова. М., 2002. Т. 5. Особенная часть. С. 234.

⁴ См.: Ветров Н.И. Уголовное право. Особенная часть: Учеб. для вузов. М., 2000. С. 458; Уголовное право России. Особенная часть: Учеб. / Отв. ред. Б.В. Здравомыслов. М., 1996. С. 484.

⁵ См.: Бойко А.И. Проблемы эффективности наказаний без изоляции осужденных от прежней социальной среды: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1981.

⁶ См.: Закон РФ от 21.07.1993 г. № 5473-1 (ред. от 25.11.2009 г.) «Об учреждениях и органах, исполняющих уго-

ловные наказания в виде лишения свободы» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1316.

⁷ См.: Федеральный закон от 15.07.1995 г. № 103-ФЗ (ред. от 27.09.2009 г.) «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления» // СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2759.

⁸ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1999. № 3.

⁹ См.: Уголовный кодекс РСФСР // Ведомости РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

¹⁰ По мнению А.И. Бойко, в диспозициях данной статьи нечетко обозначены сами «учреждения, обеспечивающие изоляцию от общества». Так, в ч. 1 упоминаются «учреждения и органы уголовно-исполнительной системы», тогда как в ст. 16 названы только «учреждения». В силу этого разночтения возможна ответственность и за воспрепятствование деятельно-

сти учреждений, исполняющих наказания без элемента изоляции. Не вносит ясности и диспозиция ч. 2, где говорится о посягательстве на сотрудника мест лишения свободы, а не учреждений (см.: Бойко А.И. Система и структура уголовного права: В 3 т. Ростов н/Д, 2007. Т. 2. Системная среда уголовного права. С. 576).

¹¹ См.: Федеральный закон от 21.07.1993 г. № 5473-1 (ред. от 25.11.2009 г.) «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы».

¹² См.: Федеральный закон от 15.07.1995 г. № 103-ФЗ (ред. от 27.09.2009 г.) «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

¹³ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2002. № 6. С. 11; 2006. № 4. С. 20–21.

¹⁴ См.: Там же. 2003. № 9. С. 22.

¹⁵ См.: Там же. № 8. С. 17.

К вопросу о социально-правовом назначении института амнистии

И.В. СЕЛИВЕРСТОВ – главный специалист Аппарата Уполномоченного по правам человека в Московской области, аспирант Современной гуманитарной академии

Данная статья посвящена вопросам социально-правового назначения института амнистии. Материалы публикации содержат описание научных подходов к институту амнистии, определения ее целей и содержания. Автором сформулированы предложения, направленные на достижение целей амнистии в Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовная политика; амнистия; лишение свободы; освобождение от наказания.

Социально-правовое назначение амнистии проявляется в тех целях, которые стоят перед данным правовым институтом. Они довольно детально были исследованы в юридической литературе, в том числе в работах современных ученых.

Так, в качестве одной из целей института амнистии вполне обоснованно выделяют решение текущих внутренних или внешних политических задач. Например, П.И. Люблинский в числе других указывал на политическую форму амнистий, принимаемых в целях укрепления солидарности граждан для решения иных политических и государственных задач. Он подразделял такие амнистии на четыре группы: после гонений, после революции, в период крепостного государственного строя, после массовых преступлений¹.

По мнению Н.С. Таганцева, амнистия играет роль предохранительного клапана права. Объясняется это тем, что когда происходят, например, попытки государственных переворотов, общественные бедствия, войны и другие явления, порождающие значительное число преступлений, тогда для восстановления общественного спокойствия и безопасности требуется применение строгой и неуклонной кары. Со временем жизнь нормализуется, и необходимость

в применении строгой и неуклонной кары отпадает. Правосудие понимает, что нужно открыть клапан для «удаления» элементов, бесцельно обременяющих его деятельность². Такие же последствия характерны и для массовых преступлений (восстаний, нарушений воинской дисциплины отрядами и пр.), когда виновность каждого теряет индивидуальный характер. В этом случае амнистия является инструментом власти, с помощью которого она привлекает к ответственности не каждого участника, а именно тех, кого считает более виновными. Это в некоторой степени подтверждает мнение о том, что амнистия имеет особенное значение для преступлений политического характера и служит своеобразным политическим оружием, применяемым к поверженным противникам после переворотов или их попыток.

Решение политических задач с помощью амнистии не отрицают и современные исследователи. Так, А.Я. Гришко и А.М. Потапов отмечают, что амнистии в большей степени, чем помилованию, присущи политические мотивы³. Они рассматривают амнистию как средство корректировки долговременной уголовной политики. Действительно, это так, ибо все юридическое в своей основе имеет политическое значение. Ам-

ности, особенно если они принимаются часто, являются свидетельством наличия крупных нерешенных проблем в механизме уголовно-правового регулирования. Как правило, эти проблемы связаны с достаточно жесткой системой наказаний, либо с неадекватной потребностям общественного развития судебной практикой, либо с тем и другим вместе взятыми. Осознание этого факта может повлечь коррективы в уголовной политике вплоть до пересмотра системы уголовных наказаний, основных начал их назначения и исполнения.

Однако только корректировкой уголовной политики государства политические мотивы в принятии амнистии не исчерпываются. Имеется ряд амнистий, применение которых было вызвано необходимостью разрешения некоторых политических, в том числе вооруженных, конфликтов. Так, в соответствии с Постановлением Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 23.02.1994 г. № 65-1 ГД «Об объявлении политической и экономической амнистии» были амнистированы все участники политического кризиса и вооруженного противостояния августа 1991 г. и октября 1993 г. На снижение остроты противостояния различных политических сил межнационального конфликта направлены все амнистии, принятые в связи с вооруженным конфликтом в Чеченской Республике и на других территориях Северного Кавказа⁴.

В качестве следующей цели института амнистии, на наш взгляд, следует рассматривать демонстрацию силы государства и укрепление его авторитета. П.И. Люблинский считал, что возвышение авторитета власти характерно для амнистии в абсолютной монархии, поэтому называл такие амнистии династическими⁵. Однако интересы любого государства, его авторитет независимо от формы правления и политического режима всегда учитывались при принятии актов амнистии. Так, в ходе проведенного нами опроса экспертов 33% респондентов выделили в качестве цели амнистии демонстрацию силы и укрепление авторитета государства⁶.

22% опрошенных нами экспертов отдали предпочтение цели по разгрузке исправительных учреждений или сокращению числа лиц, содержащихся под стражей, и лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы.

В юридической литературе по данному вопросу сложилась иная позиция. Так, А.Я. Гришко и А.М. Потапов считают сомнительным ставить перед амнистией цель решения проблемы переполненности мест лишения свободы по тем причинам, что ни одно из постановлений об объявлении амнистии указанную задачу в буквальном смысле не декларирует и любая амнистия влечет сокращение тюремного населения⁷.

С этим мнением трудно согласиться. Во-первых, не всегда для выявления социально-правового назначения амнистии необходимо его буквальное отражение в актах амнистии. Сами названные авторы приводят в своей работе

Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 18.06.1999 г. № 4147-II ГД «Об объявлении амнистии», в котором вообще не указаны цели. К данному виду актов амнистии (без определения цели) следует отнести и Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 24.12.1997 г. № 2038-II ГД «Об объявлении амнистии».

Следует учесть, что за короткий период времени (с 1999 по 2001 гг.) были приняты три акта амнистии: от 18.06.1999 г. № 4147-II ГД «Об объявлении амнистии», от 26.05.2000 г. № 398-III ГД «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», от 30.11.2001 г. № 2172-III ГД «Об объявлении амнистии в отношении несовершеннолетних и женщин».

Появление данных актов амнистии было вызвано тем положением, которое сложилось в уголовно-исполнительной системе в конце 90-х гг. прошлого столетия. В этот период в результате принятия нового Уголовного кодекса Российской Федерации, по своим санкциям более жесткого, чем ранее действовавший, в России рост судимостей, включая лишение свободы, стал значительно опережать рост преступности. Так, в 1991 г. в России было осуждено 593,5 тыс. чел., в том числе к лишению свободы – 207,3 тыс. чел. Эти показатели постепенно возрастали и достигли в 2001 г. уровня в 1244 тыс. осужденных, из них 368 тыс. – к лишению свободы. В то же время преступность возросла всего на треть⁸. В результате этого к 2000 г. в местах лишения свободы содержалось более 1 млн чел.

Как отмечает В.И. Радченко, в результате произошедших в 2002 и 2003 гг. изменений в уголовном, уголовно-процессуальном и административном законодательстве число судимых в 2003 г. сократилось до 774 тыс. чел., а лишенных свободы – до 252 тыс. чел. В итоге в 2003–2004 гг. в России было самое низкое число лиц, содержащихся в местах лишения свободы, – около 750 тыс. чел. Признавая предложенные В.И. Радченко причины сокращения численности осужденных в местах лишения свободы, отметим, что их список не является исчерпывающим. Главной причиной снижения количества заключенных в тот период времени были амнистии.

Только в результате трех амнистий были освобождены от наказания в виде лишения свободы 259 893 чел., в отношении 112 685 чел. была сокращена неотбытая часть наказания в виде лишения свободы⁹. В результате самой крупной акции, проведенной в 2000 г., были амнистированы 764,2 тыс. чел., из них 206,2 тыс. осужденных освобождены из исправительных учреждений, около 50 тыс. – из следственных изоляторов¹⁰.

Оценивая данную практику, И.В. Нестеренко констатирует, что благодаря принятым амнистиям Россия, наконец, утратила первенство по числу осужденных к лишению свободы на 100 тыс. чел., пропустив вперед США¹¹.

Закономерно, что о необходимости амнистии начинают говорить лишь тогда, когда численность осужденных к лишению свободы начинает резко расти или уже достигла критического уровня.

Во время существования СССР неоднократно издавались акты амнистии с направлением освободившихся осужденных на стройки народного хозяйства. При той системе политической власти считалось, что делается это для сокращения численности осужденных в исправительных учреждениях. Так стоит ли маскировать рассматриваемую цель при принятии амнистии в условиях демократической России? Тем более что сами авторы (А.Я. Гришко и А.М. Потапов) признают, что последствием любой амнистии выступает сокращение тюремного населения.

В качестве еще одной цели института амнистии называют повышение эффективности борьбы с преступностью. При этом не всеми учеными поддерживается мысль о необходимости существования этого института в целом именно потому, что он отрицательно влияет на эффективность борьбы с преступностью. Еще Бентам отмечал, что вместо амнистии необходима система наказаний, достаточно гуманных, согласованных, позволяющих точно оценить поведение человека и не наказывать его сверх меры¹².

Современные ученые вместо амнистии предлагают минимизировать преступность путем снижения ее причин и оптимизации борьбы с ней. Амнистия не есть благо, она лишает население страны, жертв преступлений и преступников веры в торжество правосудия, подрывает уважение граждан к справедливости правосудия¹³.

Действительно, отмеченные недостатки при сути институту амнистии, однако это не свидетельствует о необходимости полного отказа от амнистий в современный период времени. В сфере борьбы с преступностью и в иных социально-правовых отношениях нет правовых институтов, обладающих только положительным вектором действия. Все они обнаруживают как позитивные, так и негативные стороны.

В теории уголовного права и криминологии сложилось мнение о том, что наказанием не решить проблему борьбы с уголовной преступностью. Необходимы меры, стимулирующие правопослушное поведение осужденных не только путем наказания за содеянное, но и путем освобождения от уголовно-правовых санкций и запретов. Известный русский юрист П.И. Люблинский отмечал: «Преступность, коренясь в тайниках общественной жизни, требует для своего искоренения более глубокой и приспособленной социальной реакции, нежели та, которую может доставить репрессия, понимаемая в смысле применения к виновному мер, специально предназначенных причинять ему страдания или ущерб... На смену страха привлекаются иные мотивы человеческой психики, с помощью которых желательное для общества поведение достигается с большей легкостью»¹⁴.

В науке уголовного права такие стимулирующие меры рассматриваются в аспекте уголов-

но-правового поощрения¹⁵ либо уголовно-правового компромисса¹⁶. Однако независимо от терминологии следует признать, что амнистия как раз является одним из правовых инструментов, с помощью которых реакция государства на совершенные преступления становится более глубокой и приспособленной к реалиям современности.

Отдельные ученые отмечают направленность амнистии на исправление осужденных, выделяя наряду с политической, уголовно-политической и разгрузочно-корректирующей амнистию исправительную¹⁷. Данная позиция является вполне обоснованной, однако с некоторыми уточнениями, вызванными особенностями уголовно-правового регулирования и современной практикой принятия актов амнистии в Российской Федерации. Уголовное законодательство предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности и наказания вне зависимости от поведения амнистируемых лиц. Акты амнистии в полной мере реализуют данное положение закона, предусматривая прекращение находящихся в производстве органов дознания, органов предварительного следствия и судов уголовных дел о преступлениях, подпадающих под действие амнистии. В этом случае речь не может идти о дальнейшем исправлении освобожденных, так как в основе оценки степени исправления лежит поведение осужденного.

Во же время исправление как одна из целей может ставиться перед институтом амнистии. Это возможно в условиях применения амнистии при освобождении от наказания или сокращении срока наказания в виде лишения свободы. В постановлении высшего органа государственной власти в обязательном порядке включается пункт о неприменении амнистии к осужденным, злостно нарушающим установленный порядок отбывания наказания. Очевидно, что амнистия в таких случаях имеет целью стимулировать правопослушное поведение, иначе говоря, исправление осужденных.

Однако в рамках нашего исследования исправление может рассматриваться лишь в качестве одной из подцелей более общей цели – повышения эффективности борьбы с преступностью.

Таким образом, институт амнистии в Российской Федерации имеет своими целями повышение эффективности борьбы с преступностью, сокращение численности лиц, содержащихся в следственных изоляторах и исправительных учреждениях, демонстрацию силы государства и укрепление его авторитета, разрешение текущих внутренних и внешних политических задач.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Люблинский П.И. Право амнистии: историко-догматическое и политическое исследование. Одесса, 1907. С. 163.

² См.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая: В 2 т. М., 1994. С. 364.

³ См.: Гришко А.Я., Потапов А.М. Амнистия, помилование, судимость. М., 2009. С. 26.

⁴ См., напр.: Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 13.12.1999 г. № 4784-II ГД «Об объявлении амнистии в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния в ходе проведения антитеррористической операции на Северном Кавказе».

⁵ См.: Люблинский П.И. Право амнистии: историко-догматическое и политическое исследование. С. 163.

⁶ В качестве экспертов выступали известные ученые, специалисты в области уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии. Всего в опросе приняли участие 30 респондентов, из них 12 докторов юридических наук.

⁷ См.: Гришко А.Я., Потапов А.М. Амнистия, помилование, судимость. С. 26.

⁸ См.: Радченко В.И. Хорошо сидим // Российская газета. 2008. 2 сент.

⁹ Гришко А.Я., Потапов А.М. Амнистия, помилование, судимость. С. 3–4.

¹⁰ См.: Лунеев В.В. Хорошо выглядим // Новая юстиция. 2009. № 1. С. 63.

¹¹ См.: Нестеренко И.В. Амнистия как институт досрочного освобождения: понятие и последствия исполнения: Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006. С. 108.

¹² См.: Тагнцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая. С. 363.

¹³ См.: Лунеев В.В. Хорошо выглядим. С. 63.

¹⁴ См.: Люблинский П.И. Право амнистии: историко-догматическое и политическое исследование. С. 117–118.

¹⁵ Одним из разработчиков этой теории является профессор Ю.В. Голик (см.: Коробеев А.И., Усс А.В., Голик Ю.В. Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы. Красноярск, 1991. С. 184–186).

¹⁶ См.: Сабитов Р.А. Посткриминальное поведение (понятие, регулирование, последствия). Томск, 1985. С. 8–22.

¹⁷ См.: Зеледова О.С. Роль амнистии в осуществлении советской уголовно-правовой политики: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Одесса, 1987. С. 11.

Терминология как средство законодательной техники при регламентации исполнения наказания в виде штрафа

Е.С. ПОЧЕТКОВА – адъюнкт кафедры уголовного права ВИПЭ ФСИН России

В предлагаемой статье автор исследует проблемы терминологического несоответствия, имеющего место в УИК РФ и Федеральном законе «Об исполнительном производстве». В частности, рассматриваются вопросы об определении срока для добровольного исполнения уголовного наказания в виде штрафа, а также изменения и дополнения действующего уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: законодательная терминология; срок для добровольного исполнения наказания в виде штрафа; штраф; исполнительное производство.

Терминология обоснованно включается большинством ученых в круг средств законодательной техники¹. Она служит одним из способов удовлетворения таких основополагающих требований к языку закона, как ясность, простота и максимальная точность выражения юридических велений, беспристрастность (нейтральность) текста, лаконичность и компактность². Не все слова, употребленные в нормативном акте, следует отнести к терминам³. Юридический термин – это слово или словосочетание, которое не только употреблено в законодательстве, но и обозначает юридическое понятие, является его обобщенным наименованием, имеет точно определенное содержание, отличается функциональной устойчивостью, с его помощью «выражается и закрепляется содержание нормативно-правовых предписаний государства»⁴. Высказанные в научной литературе мнения позволяют сформулировать следующие правила употребления терминологии как средства законодательной техники: а) единство терминологии: недопустимость обозначения разными терминами одного и того же понятия (синонимия) или одним

термином различных понятий (полисемия); б) смысловая однозначность терминов: один и тот же термин должен употребляться в одном и том же значении; одно и то же понятие должно обозначаться одним и тем же термином; в) употребление слов в их прямом и общеизвестном значении в процессе создания терминов; г) доступность понимания терминов для всех носителей языка; д) функциональная устойчивость терминологии; е) стилистическая нейтральность терминов; ж) лаконичность формулирования термина; з) ограниченное использование сокращений (в том числе аббревиатур) в качестве терминов; и) сокращение употребления устаревшей лексики, неологизмов, иностранных слов при создании терминов и др.⁵

В Федеральном законе «Об исполнительном производстве»⁶ (далее – Закон) мы встречаемся с примером полисемии: термин «штраф» в тексте закона употребляется в качестве наказания за совершение и преступления, и административного правонарушения. В филологии такие слова называются омонимами⁷. Законодатель применяет синтаксический способ размежевания

юридических терминов, относящихся к разным отраслям права: омоним «штраф» включается в состав устойчивого словосочетания «штраф, назначенный в качестве наказания за совершение преступления» (в тексте употребляется чаще усеченный вариант – «штраф за преступление»), где он получает однозначный смысл.

Юридическая терминология должна способствовать достижению максимальной лаконичности юридического текста, исключению неоднозначности в понимании правоприменителем текста закона. Проиллюстрируем эти требования на следующем примере. Согласно ч. 1, 3 ст. 31 УИК РФ осужденный к штрафу обязан уплатить весь штраф либо его первую часть (если судом принято решение о рассрочке) в течение 30 дней со дня вступления приговора суда в законную силу. В ч. 1 ст. 32 УИК РФ законодатель называет данный срок как «срок, установленный ч. 1 и ч. 3 ст. 31 настоящего кодекса», в ч. 2 этой же статьи как «предельный срок уплаты». При этом УИК РФ не раскрывает способ подсчета этих 30 дней (календарных или рабочих).

В ст. 103 Закона, которая регламентирует взыскание штрафа, назначенного в качестве наказания за совершенное преступление, употребляются различные словесные обозначения для указания срока, установленного ч. 1 и 3 ст. 31 УИК РФ: «срок для добровольного исполнения» (ч. 5, ч. 10); «установленный срок в соответствии с ч. 1 ст. 32 УИК РФ» (ч. 6); «срок уплаты штрафа (части штрафа), назначенного в качестве основного наказания» (ч. 9). Синонимия⁸ в терминологическом обозначении допустима, если «не приводит к противоречиям и несогласованности в юридической деятельности»⁹. Сравнительный анализ действующего законодательства свидетельствует о терминологическом несоответствии УИК РФ и Закона, которые регламентируют один и тот же процесс – исполнение уголовного наказания в виде штрафа, что порождает противоречия в правоприменительной практике.

В УИК РФ четко обозначена длительность рассматриваемого срока (30 дней) и точка отсчета (со дня вступления приговора суда в законную силу), в указанном Законе ч. 5 ст. 103 предусматривает два порядка исчисления длительности «срока для добровольного исполнения»: или 30 календарных дней со дня вступления приговора в законную силу, или 5 календарных дней со дня возбуждения исполнительного производства, если исполнительное производство было возбуждено через 25 и более календарных дней после вступления приговора в законную силу. Если судом принято решение о предоставлении рассрочки уплаты штрафа за преступление, то срок, в течение которого осужденный обязан заплатить первую часть штрафа, исчисляется со дня вступления в законную силу приговора или решения суда (ч. 3 ст. 31 УИК РФ), только приговора суда (ч. 5 ст. 103 Закона). Таким образом, в Законе не указан порядок исчисления данного срока в случаях, когда рассрочка предоставля-

ется решением суда уже в стадии исполнения приговора.

Часть 6 ст. 103 Закона указывает, что за пределами срока, установленного ч. 1 ст. 32 УИК РФ (то есть по истечении 30 дней), неуплата штрафа, назначенного в качестве основного наказания, является злостным уклонением и влечет замену штрафа другим видом наказания. Одновременно в п. 1 ч. 10 ст. 103 указанного Закона употребляется термин «срок для добровольного исполнения». Таким образом, решение о замене наказания законодатель жестко не привязывает к истечению 30-дневного срока, установленного УИК РФ.

Согласно ч. 9 ст. 103 Закона судебный пристав-исполнитель исчисляет срок (10 календарных дней) для направления в суд представлений о замене штрафа другим видом наказания со дня окончания «срока уплаты штрафа (части штрафа), назначенного в качестве основного наказания». Из текста Закона остается неясным: это срок, предусмотренный ч. 1 и ч. 3 ст. 31 УИК РФ (то есть 30 дней), или «срок для добровольного исполнения», предусмотренный ч. 5 ст. 103 Закона (например, 5 календарных дней со дня возбуждения исполнительного производства)? Кроме того, в данном случае наблюдается расхождение с ч. 2 ст. 32 УИК РФ, где указан иной порядок определения срока для направления в суд представления о замене штрафа другим видом наказания.

Представляется полезным выяснить, какой из указанных синонимов может стать унифицированным термином для обозначения срока, рассматриваемого нами, в обоих законодательных актах. Анализ норм Закона позволяет утверждать, что термин «срок для добровольного исполнения» многозначен – законодатель применяет его к двум различным процедурам исчисления срока: в общем порядке (ст. 30, 15, 68, 22 и 37) и в особом порядке (ст. 103). Различия между ними состоят: 1) в перечне оснований для приостановления, прекращения или окончания хода течения рассматриваемых сроков (ст. 103, 39, 40, 43); 2) методике подсчета дней, входящих в срок (штраф за преступление – календарные дни, общий порядок – рабочие дни); 3) сфере применения (общий порядок установлен для большинства исполнительных документов, кроме указанных в ч. 14. ст. 30, а особый порядок – только в отношении штрафа за преступление); 4) порядке исчисления сроков (в общем порядке – срок либо не превышает 5 дней со дня получения должником постановления о возбуждении исполнительного производства (ч. 12 ст. 30), либо соответствует сроку, указанному в исполнительном документе¹⁰, либо не превышает 5 дней со дня возбуждения исполнительного производства, если исполнительный документ предъявлен к исполнению по истечении срока, указанного в нем для исполнения (ч. 13 ст. 30); в особом порядке – либо не превышает 30 календарных дней со дня вступления

приговора в законную силу, либо не превышает 5 календарных дней со дня возбуждения исполнительного производства¹¹, при условиях, указанных в ч. 5 ст. 103; 5) юридической силе документа, устанавливающего длительность срока (в *общем порядке* – это постановление судебного пристава-исполнителя о возбуждении основного исполнительного производства при поступлении исполнительного документа в службу судебных приставов впервые (ч. 11 и 14 ст. 30); в *особом порядке*, на наш взгляд, это должен быть УИК РФ, так как в первую очередь именно в нем законодатель формирует конструкцию (модель, схему) исполнения наказания, гарантирующую реализацию прав осужденных), судебным приставом-исполнителем данный срок должен только фиксироваться в постановлении о возбуждении основного исполнительного производства по впервые поступившим исполнительным документам в соответствии с положениями УИК РФ и с учетом судебных решений о предоставлении рассрочки или отсрочки исполнения.

Требование однозначности к языку нормативно-правового акта подразумевает, что слова и словосочетания будут использованы в нем только в одном значении и будут сохранять это значение в тексте в целом. В связи с этим целесообразно в Законе отграничить друг от друга эти два порядка исчисления срока для добровольного исполнения требований, а именно: термин «срок для добровольного исполнения должником требований, содержащихся в исполнительном документе» (или усеченная модель «срок для добровольного исполнения»), употребляя только для обозначения исполнения требований в *общем порядке* и ввести термин «срок для добровольного исполнения требования об уплате штрафа, назначенного в качестве наказания за совершение преступления» (или усеченная модель – «срок для добровольного исполнения штрафа за преступление»), который будет использоваться для обозначения исполнения требований в *особом порядке*.

Единая терминология должна использоваться не только в рамках какого-то одного нормативно-правового акта, но и в других законодательных текстах, развивающих и конкретизирующих его положения, поэтому обозначение рассматриваемого нами срока термином «срок для добровольного исполнения штрафа за преступление» следует унифицировать для всех законодательных актов, регламентирующих исполнение уголовного наказания в виде штрафа. Это позволит избежать противоречий между ними. Примеры изложения норм в новой, терминологически единой редакции приведены в приложении к статье.

Конкуренцию между ч. 2 ст. 32 УИК РФ и ч. 9 ст. 103 Закона о порядке исчисления срока для направления в суд представления о замене штрафа за преступление другим видом наказания возможно решить в пользу установлений Закона, который конкретизирует исполнение

штрафа через регламентацию действий судебных приставов-исполнителей. Также было бы верным указать в УИК РФ, что «срок для добровольного исполнения штрафа за преступление» исчисляется в календарных днях, как это предусмотрено положениями ст. 103 Закона. Будет целесообразно ввести в тексты УИК РФ, УК РФ и ст. 103 Закона термин «*отсрочка исполнения приговора*» для обозначения основания, которое изменяет течение срока для добровольного исполнения штрафа за преступление, поскольку применение отсрочки исполнения приговора предусматривается ч. 2 ст. 398 УПК РФ и указано п. 38 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11.01.2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 03.04.2008 № 5)¹².

Подводя итог изложенному, следует сказать, что законодатель недооценил значимость терминологии при конструировании норм, регламентирующих исполнение уголовного наказания в виде штрафа. Однако в общей теории права справедливо подчеркивается следующая мысль: полное и правильное использование средств законодательной техники на основе отработанных правил обеспечивает наиболее точное выражение воли законодателя¹³.

Приложение

В науке уголовно-исполнительного права недостаточно четко сформулированы правила распределения нормативного материала между кодексом и федеральными законами, регламентирующими процесс исполнения наказаний (или его отдельные вопросы). Нам представляется три возможных варианта изложения норм: либо порядок исчисления «срока для добровольного исполнения штрафа за преступление» полностью представить в УИК РФ; либо применить в кодексе такой прием законодательной техники, как бланкетный способ изложения отдельных элементов нормы, сделав отсылку к нормам Закона; либо ввести понятие «срок для добровольного исполнения штрафа за преступление» в текст УИК РФ и применить технико-юридический прием конкретизации: раскрыть порядок исчисления этого срока в Законе. Приведем примеры первого варианта изложения норм в терминологически единой редакции.

Изложить ч. 1 ст. 31 УИК РФ в следующей редакции: «Осужденный к штрафу без рассрочки выплаты обязан уплатить его *в срок для добровольного исполнения штрафа за преступление* – в течение 30 календарных дней со дня вступления приговора суда в законную силу, за исключением случаев, предусмотренных законодательством об исполнительном производстве».

Изложить ч. 2 ст. 31 УИК РФ в следующей редакции: «В случае если осужденный не имеет возможности одновременно уплатить штраф,

суд по его ходатайству может рассрочить или отсрочить уплату штрафа на срок до трех лет».

Изложить ч. 3 ст. 31 УИК РФ в следующей редакции: «Осужденный к штрафу с рассрочкой выплаты, а также осужденный, в отношении которого суд в соответствии с частью второй настоящей статьи принял решение о рассрочке уплаты штрафа, обязаны уплатить первую часть штрафа в течение *срока для добровольного исполнения штрафа за преступление* – 30 календарных дней со дня вступления приговора или решения суда в законную силу, за исключением случаев, предусмотренных законодательством об исполнительном производстве... (далее по тексту действующей редакции)».

Ввести ч. 4 ст. 31 УИК РФ: «В случае предоставления осужденному к штрафу отсрочки исполнения приговора суда возобновление течения *срока для добровольного исполнения штрафа за преступление* переносится на день, следующий за днем окончания срока отсрочки».

Изложить ч. 1 ст. 32 УИК РФ в следующей редакции: «Злостно уклоняющимся от уплаты штрафа признается осужденный, не уплативший штраф либо часть штрафа в *срок для добровольного исполнения штрафа за преступление*, установленный частями первой и третьей статьи 31 настоящего кодекса».

Изложить ч. 2 ст. 32 УИК РФ в следующей редакции: «В отношении осужденного, злостно уклоняющегося от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания, судебный пристав-исполнитель *не ранее 10 дней* со дня истечения *срока для добровольного исполнения штрафа за преступление* направляет в суд... (далее по тексту действующей редакции)».

Изложить ч. 5 ст. 103 Закона в следующей редакции: «В постановлении о возбуждении исполнительного производства *для добровольного исполнения требования об уплате штрафа за преступление* устанавливается срок, предусмотренный ч. 1 ст. 31 УИК РФ (для уплаты первой части штрафа, если судом принято решение о рассрочке – срок, предусмотренный ч. 3 ст. 31 УИК РФ). Если исполнительное производство возбуждается через двадцать пять и более календарных дней после вступления приговора или решения суда в законную силу, то *срок для добровольного исполнения штрафа за преступление* составляет пять календарных дней со дня получения должником копии постановления о возбуждении исполнительного производства... (далее по тексту действующей редакции)».

Изложить ч. 9 ст. 103 Закона в следующей редакции: «Если по истечении десяти календарных дней со дня окончания *срока для добровольного исполнения требования об уплате штрафа (части штрафа) за преступление*, назначенного в качестве основного наказания, у судебного пристава-исполнителя... (далее по тексту действующей редакции)».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Горшенев В.М. Нетипичные нормативные предписания в праве // Советское государство и право. 1978. № 3. С. 113, 116–117; Алексеев С.С. Проблемы теории права. Свердловск, 1973. Т. 2. С. 273; Красавчиков О.А. Советская наука гражданского права (понятие, предмет, состав и система) // Учен. тр. Свердл. юрид. ин-та. Т. 6. Гражданское право. Свердловск, 1961. С. 171; Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. С. 50 и др.

² См. подр.: Хабибуллина Н.И. Политико-правовые проблемы семиотического анализа языка закона (теоретико-методологическое исследование): Дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2001. С. 279; Язык закона / Под ред. А.С. Пиголкина. М., 1990; Власенко Н.А. Язык права. Иркутск, 1997.

³ См.: Пиголкин А.С. Подготовочка проектов нормативно-правовых актов. М., 1968. С. 153.

⁴ См.: Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. М., 2003. С. 695.

⁵ См.: Тихомиров Ю.А. Законодательная техника. М., 2000, С. 268; Язык закона / Под ред. А.С. Пиголкина. М., 1990. С. 107; Шаргородский М.Д. Терминология уголовного закона // Избр. тр. по уголовному праву. СПб., 2003. С. 169–170; Хайретдинова М.Д. Законодательная дефиниция (проблемы теории и практики): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008. С. 22–23 и др.

⁶ Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849 (в ред. Федерального закона от 27.09.2009 № 226-ФЗ «О внесении изменений в статью 74 Федерального закона «Об исполнительном производстве»» // СЗ РФ. 2009. № 39. Ст. 4540).

⁷ Под омонимами понимают разные лексические единицы с тождественными означающими, не имеющими общего значения, или слова, совпадающие с другими по звучанию, но полностью расходящиеся с ними по значению (см.: Шмелев Д.И. Современный русский язык. М., 1977. С. 77–78; Ожегов С.И. Словарь русского языка М., 1990).

⁸ Синонимия определяется способностью разных языковых форм обозначать одну и ту же реалию, соотноситься с одинаковым внеязыковым содержанием. Синонимия в языке нормативно-правовых актов заключается в параллельном использовании нескольких словесных форм для выражения одного и того же предметного содержания. См.: Т.В. Губаева. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М., 2007. С. 62, 63.

⁹ См.: Законотворчество в Российской Федерации: Науч.-практ. и учеб. пособие / Под ред. А.С. Пиголкина. М., 2000. С. 537, 578.

¹⁰ Формулировка ч. 13 ст. 30 Закона не способствует четкому выражению законодательной воли: «Если в исполнительном документе указан срок исполнения, то срок для добровольного исполнения *определяется в соответствии со сроком* (курсив мой. – Е.С.), указанным в исполнительном документе». Целесообразнее в тексте закона указать, что в качестве окончания срока для добровольного исполнения должна указываться дата окончания срока, названного в исполнительном документе. Иначе возникает иллюзия о праве судебного пристава-исполнителя изменять судебный акт в части срока исполнения, что не соответствует действительности.

¹¹ Исчисление данного срока необходимо начинать не со дня возбуждения исполнительного производства, а со дня получения должником копии постановления о возбуждении исполнительного производства. Иначе нормы ч. 6 и 7 ст. 103 Закона, обеспечивающие гарантии реализации прав осужденного на этапе исполнения наказания, обесцениваются.

¹² См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2007. № 4; 2008. № 6.

¹³ См.: Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. С. 51.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Исправление осужденных мужчин в процессе исполнения длительных сроков лишения свободы

Б.А. СПАСЕННИКОВ – профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор;

А.М. СМИРНОВ – преподаватель кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России

В статье обращается внимание на понимание сущности и содержания исправления осужденных в условиях лишения свободы. Авторы определяют возможность исправления мужчин, отбывающих длительные сроки изоляции от общества в исправительных колониях, используя такие показатели, как отношение к труду и проводимым воспитательным мероприятиям, поддержание социально полезных связей, рецидив после освобождения. Кроме того, в работе представлен анализ влияния длительной изоляции от общества на личность осужденных мужчин.

Ключевые слова: цели наказания; исправление; лишение свободы на определенный срок; длительные сроки лишения свободы; осужденные мужчины; рецидив; эффективность уголовного наказания.

Вопрос о достижении цели исправления осужденных в процессе исполнения уголовного наказания не раз возникал в истории русского и советского уголовного и уголовно-исполнительного права. Слово «исправление» обозначает нейтрализацию и видоизменение того, что нежелательно или вредно¹.

Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации отказался от формулировки «исправление и перевоспитание осужденных» и заменил ее сочетанием «исправление осужденных». Это было связано с тем, что, согласно современным исследованиям, осужденному в период отбывания наказания должны прививаться только элементарные навыки социально полезного поведения. В силу этого ставить перед органами и учреждениями, исполняющими наказания в виде лишения свободы, задачу перевоспитания осужденных, особенно в условиях изоляции от общества, просто нереально².

Правовое определение исправления осужденных дано в ст. 9 УИК РФ, в соответствии с ч. 1 которой исправление осужденных – это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения.

Однако исправление личности – это не столько правовая, сколько нравственно-психологическая категория. В соответствии с этим его мож-

но понимать как личностно-психологическую коррекцию – исправление отдельных психорегуляционных дефектов, коренное изменение системы ценностных ориентаций криминализованной личности³.

В таком контексте интересно мнение С.Н. Смирнова, который замечает, что дефиниция ч. 1 ст. 9 УИК РФ дает нам только лишь общее представление о человеке, отбывшем уголовное наказание и вернувшемся в социальную среду правопослушных граждан, и определяет основные направления и ориентиры деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, по воздействию на личность осужденного⁴.

Это совершенно справедливо, поскольку отечественная пенитенциарная практика свидетельствует о невозможности категорично ответить на вопрос, исправился человек к моменту окончания срока наказания или нет, так как нет критериев, позволяющих судить об этом, или они слишком дискуссионны по своему содержанию.

Анализ взглядов ученых свидетельствует о том, что хотя все и рассматривают исправление как наиболее важную цель наказания, но достижение ее не может быть гарантировано ни законом, ни условиями и порядком отбывания наказания⁵.

Что касается исправительного потенциала непосредственно лишения свободы, то нали-

чие его всегда подвергалось сомнению в трудах дореволюционных, советских и российских ученых-пенитенциаристов.

В дореволюционных работах распространено отрицание возможности изменения внутренних убеждений преступника⁶. Советские ученые, понимая невозможность превращения преступника в безопасного и безвредного для общества человека в ходе отбытия им наказания в виде лишения свободы, также сомневались в эффективности изоляции от общества⁷. Однако отдельные исследователи все же выражали надежду, что можно исправить каждого осужденного без исключения, при этом сетуя на то, что, к сожалению, исправительно-трудовая наука не предоставляет пока соответствующих средств⁸.

Современные авторы также не оригинальны в вопросах возможности исправления человека в условиях лишения свободы. Так, например, С.В. Полубинская утверждает, что, определяя в качестве цели наказания исправление осужденных, мы преувеличиваем возможности уголовного права, основными методами которого выступают принуждение и убеждение (последнее пока является ведущим). Она считает, что показателем исправления может служить только поведение человека после освобождения, причем даже в этом случае практически невозможно проследить причину несовершения последующих преступлений – страх перед наказанием или изменение взглядов и убеждений⁹. В свою очередь А.В. Минин и И.Я. Козаченко категорично утверждают, что исправление осужденных нереально и в целом утопично в нынешних условиях, а следовательно, недостижимо в рамках современной отечественной уголовно-правовой политики¹⁰.

Не вдаваясь в дальнейшую дискуссию по данной проблеме, можно констатировать, что результаты многих исследований позволяют говорить о неэффективности лишения свободы с точки зрения исправления личности.

Исходя из этого можно презюмировать неэффективность длительных сроков лишения свободы для исправления мужчин, их отбывающих. Однако попробуем доказать или опровергнуть данный вывод, опираясь в том числе и на данные собственных научных разработок.

Объективность результатов позволяет обеспечить наиболее приемлемая, по нашему мнению, система критериев исправления, предложенная В.М. Литвишковым и А.В. Митькиной. Она включает в себя следующие отношения: к окружающему миру, в первую очередь к обществу; общественно полезному труду; различным видам собственности; сотрудникам колонии; другим людям; правилам, законам и требованиям морали; совершенному преступлению и наказанию; самому себе; средствам исправления¹¹.

Как оказалось, максимальный срок, в течение которого мужчины, осужденные на длительные сроки лишения свободы, могут сохранять свои

положительные характеристики, позитивно воспринимать средства и методы воспитательного воздействия, саморазвиваться, а также активно участвовать в исправительном процессе и общественной жизни исправительной колонии, поддерживать социально полезные связи, не утрачивать социальной активности, противостоять негативным воздействиям условий и порядка отбывания наказания, а также обычаям и традициям колонийской субкультуры, то есть исправляться, составляет 5–6 лет. По истечении данного периода времени обнаруживает себя ухудшение практически всех социально-демографических, социально-психологических и пенитенциарных характеристик личности мужчин, осужденных к продолжительной изоляции от общества, что существенно осложняет организацию в отношении их исправительного процесса, а также снижает его результативность. В связи с этим только 29,9% опрошенных нами осужденных изучаемой группы с уверенностью смогли ответить, что они полностью исправились, осознали вину в совершенном преступлении и никогда больше не совершат общественно опасного деяния.

Результаты исследований, проведенных в рамках данной проблематики в конце прошлого века, свидетельствуют о том, что предел восприятия карательно-воспитательного воздействия, за которым основные показатели исправления не только не улучшаются, но порой и ухудшаются (трудовая и общественная активность осужденных, осознание справедливости вынесенного судом наказания, их отношение к воспитательным мероприятиям и т.д.), равен 8–10 годам¹².

На невозможность исправления мужчин, осужденных к длительным срокам лишения свободы, указало 84% опрошенных нами работников ИК. Достижение данной цели, по их мнению, осложняется условиями функционирования уголовно-исполнительной системы. Исправительному процессу все еще препятствуют недостаточные социально-бытовые, финансовые и негативные морально-психологические условия отбывания наказания, снижение социальной активности осужденных, вызываемое регламентом режимных ограничений в местах лишения свободы. Длительная изоляция от общества способствует дополнительной криминализации и деградации личности осужденных.

Предпринятое нами исследование вскрыло двойственную природу длительных сроков лишения свободы. С одной стороны, изоляция на продолжительный срок освобождает общество от опасного преступника, карает его за совершение преступления повышенной степени общественной опасности, а с другой – влечет за собой через утрату социально полезных связей, снижение социальной активности, дезадаптацию к жизни на свободе и активное усвоение криминальной субкультуры отрицание социально одобряемых стереотипов поведения и дальнейшую криминализацию личности.

Таким образом, единственным реальным критерием, позволяющим говорить об эффективности лишения свободы в части исправления осужденных, является правопослушное поведение после освобождения, то есть отсутствие рецидива преступлений. Согласно данным некоторых современных исследователей около 40% лиц, ранее отбывавших лишение свободы, являются рецидивистами¹³, а среди мужчин, осужденных на длительные сроки лишения свободы, по нашим сведениям, данный показатель еще более высок – 65,7%.

Следует признать, что говорить о реализации цели исправления мужчин, отбывших длительные сроки лишения свободы в условиях исправительного учреждения, в той степени ее достижимости, ради которой данное наказание было назначено, практически невозможно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Худoley В., Черевко И. Новый подход к исправлению осужденных // Преступление и наказание. 1998. № 8. С. 25.

² См.: Уголовно-исполнительное право: Учеб.: В 2 т. / Под общ. ред. Ю.И. Калинина. 2-е изд., испр. и доп. М.; Рязань, 2006. Т. 1. Общая часть. С. 394.

³ См.: Еникеев М.И. Юридическая психология: Учеб. для вузов. М., 2002. С. 341.

⁴ См.: Постатейный научно-практический комментарий к УИК РФ / Под общ. ред. А.Я. Гришко. М., 2005. С. 30–31.

⁵ См.: Комментарий к УК РФ / Под ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. М., 1996. С. 125.

⁶ См.: Баршев С. О мере наказаний. М., 1840. С. 26; Фойницкий И.Я. Уголовное право. Учение о наказании. СПб., 1886. С. 42.

⁷ См. об этом: Ной И.С. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве. Саратов, 1962. С. 41; Беляев Н.А. Цели наказания и средства их достижения. М., 1971. С. 48.

⁸ См.: Байдаков Г.П. Основные принципы исправления и перевоспитания осужденных // Личность преступника и исполнение уголовных наказаний: Сб. науч. тр. М., 1991. С. 62.

⁹ См.: Полубинская С.В. К вопросу о целях наказания // Проблемы совершенствования уголовного закона. М., 1984. С. 103.

¹⁰ См.: Минин А.В. О социальной справедливости как цели уголовного наказания // Власть: криминологические и правовые проблемы. М., 2000. С. 201; Козаченко И.Я. Понятие наказания // Реализация уголовной ответственности: материально-правовые и процессуальные аспекты: Межвузовский сб. науч. ст. Самара, 1992. С. 72.

¹¹ См.: Литвишков В.М., Митькина А.В. Пенитенциарная педагогика: Курс лекций. М., 2004. С. 11–12.

¹² См.: Бобылева И.Ю. Длительные сроки лишения свободы. М., 1992. С. 57.

¹³ См.: Ткачевский Ю.М. Российская прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. М., 2007. С. 152.

Штраф за совершение преступления: проблемы законодательного регулирования и практики взыскания

А.В. ИВАНЧИН – доцент кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматриваются законодательное регулирование и практика исполнения наказания в виде штрафа, разрешаются коллизии между УИК РФ и Федеральным законом от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», даются рекомендации приставам-исполнителям. Кроме того, подробно анализируется порядок привлечения лиц, уклонившихся от уплаты штрафа за совершение преступления, показывается его несовершенство и обозначаются пути оптимизации. В статье доказывается, что исполнительный лист о взыскании штрафа за совершение преступления есть не обычный исполнительный документ, а документ со специфическим правовым режимом, обусловленным спецификой уголовно-исполнительного регулирования.

Ключевые слова: штраф; злостное уклонение от уплаты штрафа; исполнительный лист; ответственность за уклонение от уплаты штрафа; розыск должника; постановление о возбуждении исполнительного производства; принудительное взыскание штрафа.

Прежде чем указать на конкретные проблемы и предложить пути их устранения, представляется необходимым обрисовать механизм исполнения штрафов, назначенных за совершение преступлений. Этот механизм закреплен в первую очередь в ст. 31, 32 УИК РФ и ст. 103 Федерального закона от 02.10.2007 г.

№ 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», вступившем в силу 1 февраля 2008 г. (далее – ФЗ № 229)¹. Содержание штрафа раскрыто в ст. 46 УК РФ, а процессуальные аспекты исполнения приговора, по которому назначено наказание в виде штрафа, регламентированы УПК РФ.

После оглашения приговора о назначении штрафа суд разъясняет осужденному его обязанность в течение 30 дней со дня вступления приговора в законную силу уплатить всю сумму штрафа или первую ее часть (если судом предоставлена рассрочка на срок до 3 лет по ч. 3 ст. 46 УК РФ). После вступления приговора в законную силу судья направляет исполнительный лист в службу судебных приставов по месту жительства осужденного. Пристав-исполнитель не позднее 3 дней со дня поступления исполнительного листа в подразделение судебных приставов выносит постановление о возбуждении исполнительного производства или об отказе в его возбуждении. В постановлении о возбуждении исполнительного производства осужденному разъясняется его обязанность в течение 30 дней со дня вступления приговора в законную силу уплатить всю сумму штрафа или первую ее часть. Если исполнительное производство возбуждается через 25 и более календарных дней после вступления приговора в законную силу, то предоставляется 5-дневный срок для добровольной уплаты. Помимо этого, пристав должен уведомить осужденного об ответственности за неуплату штрафа.

Если штраф назначен без рассрочки выплаты, но осужденный не имеет возможности одновременно его уплатить, он до истечения 30-дневного срока ходатайствует перед судом о рассрочке платежа. Суд с учетом заключения судебного пристава-исполнителя может предоставить рассрочку уплаты штрафа на срок до 3 лет (ч. 2 ст. 31 УИК РФ). Опять-таки в течение 30 дней после вступления в силу решения суда о рассрочке осужденный обязан выплатить первую часть штрафа. Оставшиеся части штрафа осужденный вносит ежемесячно не позднее последнего дня каждого последующего месяца. Таким образом, рассрочка предоставляется как на стадии назначения, так и на стадии исполнения наказания².

При неуплате в установленный законом срок штрафа или его части (в течение 30 дней со дня вступления приговора или решения о рассрочке в законную силу) осужденный признается злостно уклоняющимся от его уплаты. Злостное уклонение от уплаты штрафа влечет неблагоприятные для осужденного последствия, которые дифференцируются в зависимости от того, назначен штраф в качестве основного или же дополнительного наказания.

Если не уплачен штраф, назначенный в качестве основной меры, то судебный пристав не ранее 10 дней, но не позднее 30 дней с момента неуплаты направляет в суд представление о замене штрафа другим видом наказания в пределах санкции статьи, по которой осуждено лицо (ч. 2 ст. 32 УИК РФ).

Если не уплачен штраф, назначенный в качестве дополнительного наказания, то судебный пристав взыскивает его в принудительном порядке в соответствии с ФЗ № 229. Пристав-ис-

полнитель вправе обратиться взыскание на денежные средства, ценные бумаги и иное имущество должника, периодические выплаты, получаемые должником-осужденным в силу трудовых, гражданско-правовых или социальных правоотношений, имущественные права должника, в том числе на право получения платежей по исполнительному производству, а также может наложить арест на имущество и т.д.

Обратим внимание, что до принятия ФЗ № 229 нельзя было принудительно взыскивать штраф, назначенный в качестве основного наказания, если суд отказал в его замене более суровым наказанием. УИК РФ прямо не регламентирует эту ситуацию, указывая, что в принудительном порядке подлежит взысканию лишь штраф как дополнительное наказание. Часть 10 ст. 103 ФЗ № 229 устранила данный пробел, предписав, что пристав-исполнитель принимает меры по принудительному взысканию штрафа за преступление в общем порядке обращения взыскания на имущество должника, установленном ФЗ № 229, в случае когда штраф за преступление, назначенный в качестве основного наказания, не уплачен должником в срок для добровольного исполнения и суд отказал в замене штрафа другим видом наказания. Иными словами, пристав-исполнитель при таких обстоятельствах взыскивает штраф в принудительном порядке, как и при злостном уклонении от уплаты штрафа в виде дополнительного наказания.

Теперь перейдем к конкретным проблемам, которые возникают в практике.

Взыскание штрафа, назначенного в качестве основного наказания, осуществляется в общем порядке, установленном для обычных исполнительных листов. Эта практика, не основанная на законе, имеет место в большинстве регионов России, включая Ярославскую область. Пристав-исполнитель, получив исполнительный лист с приговором о назначении штрафа и распоряжением о его исполнении, выносит постановление о возбуждении исполнительного производства. Но постановление это по своему содержанию является типовым, рассчитанным на обычный исполнительный лист. В нем пристав разъясняет существование общего 5-дневного срока для добровольной уплаты штрафа, обязанность уплаты исполнительского сбора при его нарушении, ответственность по ст. 315 УК РФ за неисполнение решения суда, встречается еще и упоминание об ответственности по ст. 177 УК РФ. Остается только добавить, что все эти пункты постановления – грубейшее нарушение закона.

Во-первых, в силу ст. 31, 32 УИК РФ и ст. 103 ФЗ № 229 пристав должен, как уже упоминалось, указать в постановлении на 30-дневный добровольный срок уплаты штрафа с момента вступления приговора или судебного решения о рассрочке в силу. Как правило, исполнительный лист приходит к приставам в течение 10 дней с этого момента, поэтому фактически около 20

дней для добровольной уплаты штрафа у осужденного есть. Если исполнительный лист получен поздно и исполнительное производство возбуждается через 25 и более календарных дней после вступления приговора в законную силу, то лишь в этом единственном случае в силу ч. 5 ст. 103 ФЗ № 229 пристав предоставляет осужденному срок в 5 дней с момента возбуждения исполнительного производства для добровольной уплаты штрафа. Отметим также, что общее положение ч. 2 ст. 15 ФЗ № 229 о том, что в сроки, исчисляемые днями, не включаются нерабочие дни, в этих случаях неприменимо, поскольку не основано на предписаниях УИК РФ (ст. 31, 32) и УПК РФ, являющихся в данной ситуации специальными нормами по отношению к общей норме исполнительного законодательства.

Во-вторых, в постановлении, на наш взгляд, не может идти речи ни о каком исполнительском сборе. Здесь наступают другие последствия неуплаты штрафа, оговоренные в ст. 32 УИК РФ и ст. 103 ФЗ № 229. В силу ч. 13 ст. 103 ФЗ № 229 исполнительский сбор взыскивается лишь при отказе суда в замене штрафа другим видом наказания, если только причины неуплаты штрафа в установленный законом срок не признаны уважительными.

В-третьих, необходимо не предупреждать об ответственности по ст. 315, 177 или другим статьям УК РФ, а уведомлять о замене штрафа другим наказанием. На это прямо указано в ч. 6 ст. 103 ФЗ № 229 и п. 5.1 Методических рекомендаций о порядке использования примерных форм процессуальных документов, необходимых для учета, ведения, формирования и хранения материалов исполнительного производства, утвержденных Приказом ФССП России от 30.01.2008 г. № 26³. Без этого уведомления суд может отказать в замене штрафа более суровым наказанием по формальным основаниям (что уже встречалось в практике).

На наш взгляд, в сознании пристава-исполнителя должен быть искоренен стереотип о том, что исполнительный лист по взысканию уголовного штрафа – это обычный исполнительный лист. Это не так, поскольку данный документ имеет особый правовой режим, обусловленный наличием в законодательстве специальных норм – ст. 31 и 32 УИК РФ, а также ст. 103 ФЗ № 229. Здесь действует старое римское правило: специальный закон отменяет действие общего (*lex specialis derogat generali*). Поэтому общая стандартная процедура в данной ситуации не применима. Эффективными мерами по изменению сложившейся незаконной практики являются, на наш взгляд, проведение учебных занятий с приставами, специализирующимися на взыскании штрафов, разработка методических указаний по взысканию уголовных штрафов (а на их основе – кратких «напоминалок»), а также утверждение специальных бланков постановлений о возбуждении исполнительного производства по взысканию уголовных штрафов.

Невыполнение предписания ч. 2 ст. 32 УИК РФ и ч. 9 ст. 103 ФЗ № 229 о необходимости направления в суд представления о замене штрафа, назначенного в качестве основного наказания, другим наказанием. Напомним, что в силу ч. 2 ст. 32 УИК РФ судебный пристав не ранее 10, но не позднее 30 дней с момента неуплаты направляет в суд представление о замене штрафа другим видом наказания. Согласно ч. 9 ст. 103 ФЗ № 229 если по истечении 10 календарных дней со дня окончания срока уплаты штрафа (части штрафа), назначенного в качестве основного наказания, у судебного пристава-исполнителя отсутствуют сведения об уплате должником соответствующих денежных сумм, то он направляет в суд, вынесший приговор, представление о замене штрафа другим видом наказания. Примерная форма данного представления приведена в приложении № 57 к упомянутому выше Приказу ФССП России от 30.01.2008 г. № 26.

С учетом положений ст. 32 УИК РФ получается, что у пристава есть 20 дней для направления в суд представления о замене штрафа более суровым наказанием. На практике несоблюдение приведенного положения стало нормой. Иногда представление не направляется ввиду пропуска указанного срока, чаще это происходит из-за вероятного отказа в удовлетворении представления, реже – по другим причинам. Сразу же отметим, что если 20-дневный срок обращения в суд пропущен, то это обстоятельство, на наш взгляд, не может служить основанием для невыполнения требования закона о направлении в суд представления. Дело в том, что этот срок не является пресекательным, он служебный. Его пропуск может влечь дисциплинарную ответственность пристава или иные меры ответственности (частное определение суда, применение прокурорских мер реагирования и др.), но за рамками срока вполне возможно обращение в суд с представлением о замене. В пользу этого свидетельствует и обширная практика принятия судами представлений о замене по истечении 30 дней с момента неуплаты штрафа. Более того, анализ закона приводит к выводу о том, что приставы-исполнители вправе обращаться в суд до истечения сроков давности обвинительного приговора суда (ст. 83 УК РФ, ч. 2 ст. 103 ФЗ № 229).

Итак, пропуск срока, установленного ч. 2 ст. 32 УИК РФ и ч. 9 ст. 103 ФЗ № 229, не является помехой для обращения в суд. Чаще пристав-исполнитель считает малопродуктивным обращение в суд ввиду повсеместных отказов в удовлетворении представлений. Убеждены, что подобная позиция несостоятельна. И дело даже не в том, что УИК РФ и ФЗ № 229 обязывают пристава при формальной неуплате штрафа внести в суд представление. Речь идет о неблагоприятных последствиях неисполнения этой обязанности. Без представления, в удовлетворении которого отказано, невозможно по закону применить меры принудительного исполнения: обратиться

взыскание на заработную плату осужденного, арестовать его имущество и пр. Согласно ст. 103 ФЗ № 229 эти меры при взыскании штрафа как основного наказания применяются только при одном условии – отказе суда в замене штрафа другим наказанием. Этот отказ как раз и нужен для «запуска» всех принудительных мер. В некоторых ситуациях без этого отказа вообще трудно что-либо сделать. Например, по одному из исполнительных производств должник с уголовным штрафом находился долгое время в СИЗО в качестве подследственного. В такой ситуации пристав-исполнитель должен был обратиться в суд с представлением о замене, получить отказ и лишь потом реализовывать принудительные меры, предусмотренные ФЗ № 229.

На практике нередко принудительные меры по взысканию штрафа как основного наказания реализуются приставами-исполнителями без направления в суд упомянутого представления⁴, что является грубым нарушением закона. В итоге следуют жалобы осужденных в управления ФССП или прокуратуру и адекватная реакция данных структур не заставляет себя ждать.

Отметим также, что обращение в суд необходимо именовать представлением (на практике встречаются «обращение», «заявление», «ходатайство» и т.д.). Обращаться же следует либо в суд, постановивший приговор (ч. 1 ст. 396 УПК РФ), либо, если не совпадают места вынесения и исполнения приговора, в суд по месту приведения приговора в исполнение (нередко и в последнем случае приставы направляют документы о замене в суд, постановивший приговор, что противоречит ч. 2 ст. 396 УПК РФ). Правда, в ч. 9 ст. 103 ФЗ № 229 указано, что представление о замене штрафа в любом случае направляется в суд, вынесший приговор. Однако это предписание ФЗ № 229 дублирует общую норму о подсудности, установленную ч. 1 ст. 396 УПК РФ. Специальная же норма, содержащаяся в ч. 2 ст. 396 УПК РФ, имеет приоритет, тем более что решение вопросов о подсудности – очевидная прерогатива уголовно-процессуального закона.

Неопределенность признака злостности при неуплате штрафа. В настоящее время суды в абсолютном большинстве случаев отказывают в замене штрафа другим наказанием из-за недоказанности злостности его неуплаты, по-разному понимая эту самую злостность. Лишь отдельные судьи формально трактуют злостность как неуплату штрафа или его части в установленный законом срок, буквально толкуя ч. 1 ст. 32 УИК РФ. В большинстве же своем суды требуют установить возможность осужденного заплатить штраф. Иногда суды злостность связывают с неуважительными причинами неуплаты и предупреждением пристава-исполнителя, возможно ориентируясь на старую редакцию ч. 1 ст. 32 УИК РФ. До 8 декабря 2003 г. под злостным уклонением от уплаты штрафа в ч. 1 ст. 32 УИК РФ понимались случаи, когда осужденный не платил штраф, скрывая свои доходы и имуще-

ство, несмотря на предупреждение судебного пристава-исполнителя. Разумеется, такой разницей в судебной практике недопустим, закон един, а потому единой должна быть и практика его применения.

Подчеркнем, что по закону (ч. 1 ст. 31 УИК РФ) для констатации злостности достаточно установить сам факт неуплаты, независимо от причин этого – уважительных или неуважительных. На таком понимании злостности настаивает сегодня и основная масса приставов-исполнителей. Однако мы считаем недопустимой такую сугубо формальную трактовку злостности и не поддерживаем практику тех судей, которые проводят в жизнь данный подход.

На наш взгляд, при толковании ч. 1 ст. 32 УИК РФ необходимо следовать общепризнанной правовой истине, согласно которой ответственность за неисполнение юридической обязанности допустима лишь при наличии у лица возможности ее исполнить. Иными словами, наличие реальной возможности заплатить штраф – конститутивное свойство уклонения от его уплаты. Поэтому следует признать верной практику тех судов, которые уклоняющимися от уплаты штрафа признают лиц, не просто не уплативших его, а не уплативших при наличии реальной возможности сделать это. Только такое толкование ч. 1 ст. 31 УИК РФ является, на наш взгляд, обоснованным и законным. Многократные неявки к приставу-исполнителю, смена места жительства и тому подобные действия осужденного к штрафу – это сами по себе не признаки уклонения, а лишь «довески» к нему. Основа же уклонения, повторим, наличие у должника реальной возможности уплатить штраф.

Добавим также, что в силу ст. 103 ФЗ № 229 в постановлении о возбуждении исполнительного производства пристав-исполнитель обязан уведомить должника-осужденного о замене штрафа, назначенного в качестве основного наказания, более суровым наказанием при неуплате его в установленный срок. Без этого уведомления, предусмотренного законом, будет поставлена под сомнение легитимность привлечения должника к ответственности в виде замены штрафа более суровым наказанием.

Из изложенного выше ясно, что употребление в ч. 1 ст. 31 УИК РФ термина «злостно уклоняющийся» некорректно. Достаточно использовать понятие «уклоняющийся», которое адекватно отражает содержание ч. 1 ст. 32 УИК РФ, то есть ситуацию неуплаты штрафа при наличии возможности его заплатить. Оценочное понятие «злостность» только запутывает правоприменителя, и в ходе совершенствования УИК РФ его целесообразно устранить, оставив понятие уклонения.

Итак, реально рассчитывать на замену штрафа можно лишь при условии, если к представлению о замене штрафа другим наказанием приложены документы, подтверждающие возможность осужденного заплатить штраф. Это, например,

ответы из банков и иных кредитных учреждений о наличии средств на счете должника-осужденного, из налоговой инспекции – о его доходах, из фонда обязательного медицинского страхования – о наличии зарплаты и т.д. В реальной действительности к штрафам зачастую осуждаются лица «маргинального типа», не имеющие денег и доходов. Получается, в их действиях нет злостности. В этом случае, по нашему мнению, на замену штрафа более строгой мерой рассчитывать нельзя, необходимо пройти формальную процедуру отказа в замене и попытаться принудительно взыскать штраф (разыскать имущество, источники доходов). Да, мы сталкиваемся при этом с фактической безнаказанностью лица, осужденного за совершение преступления. Но это уже проблема совсем другого плана: либо проблема суда, который назначил штраф, не приняв во внимание фактическую невозможность его уплаты⁵, либо проблема объективная (после вынесения приговора ухудшилось материальное положение лица и т.д.).

Наконец, завершая рассмотрение проблемы злостности, отметим, что представление судебного пристава-исполнителя рассматривается в судебном заседании, на которое вызываются лица, указанные в ст. 399 УПК РФ, а также законный представитель, если вопрос о замене штрафа иным наказанием поставлен в отношении несовершеннолетнего осужденного. На наш взгляд, суд может признать участие осужденного в судебном заседании по данному вопросу необязательным. Заочное рассмотрение представления судебного пристава-исполнителя о замене штрафа другим наказанием допустимо в силу положений ч. 3 ст. 399 УПК РФ, согласно которой решение об участии или неучастии осужденного в судебном заседании принимает суд.

Сложности практической реализации ч. 4 ст. 32 УИК РФ. Согласно ч. 4 ст. 32 УИК РФ злостно уклоняющийся от уплаты штрафа осужденный, местонахождение которого неизвестно, объявляется в розыск и может быть задержан на срок до 48 часов, причем срок этот может быть продлен судом до 30 суток. Приставам сложно «запустить» соответствующий механизм, поскольку ни в УИК РФ, ни в ФЗ № 229 не регламентирована его процедура. На практике не прекращаются споры о том, какой орган должен объявлять осужденного в розыск. Представляется, что этот вопрос необходимо решать путем вынесения самостоятельного постановления приставам-исполнителям. В таких ситуациях, правда, нередки случаи отказа органов внутренних дел в исполнении указанных постановлений о розыске. Поэтому в ряде регионов России приставы-исполнители обращаются в суд с представлением о розыске осужденного-должника, а уже судебное решение направляется для исполнения в милицию.

Не разработаны и бланки документов, которыми оформляются объявление в розыск и задержание «беглецов». Непонятен сам поря-

док розыска. «Служба судебных приставов в соответствии с законом не осуществляет розыск граждан и не имеет для этого ни средств, ни возможностей. Мы не отнесены к субъектам оперативно-розыскной деятельности. Органы внутренних дел после создания Федеральной миграционной службы прямо отказываются осуществлять розыск ввиду отсутствия регулирования этого вопроса ведомственными нормативными актами МВД России», – справедливо сетует по этому поводу заместитель руководителя УФССП по Ярославской области А.П. Чирков. Отсутствуют в подразделениях ФССП России и места для содержания задержанных⁶.

Но согласно ч. 10 ст. 64 ФЗ № 229 пристав-исполнитель вправе производить розыск должника, его имущества, розыск ребенка самостоятельно или с привлечением органов внутренних дел. Руководствуясь этим предписанием (рассчитанным, правда, на «гласный» розыск), остается лишь рекомендовать приставам проводить в жизнь положения ч. 4 ст. 32 УИК РФ с помощью органов внутренних дел. Следовательно, и постановление о розыске необходимо направлять в орган внутренних дел. Таким образом, сегодня эта проблема должна решаться преимущественно за счет энтузиазма судебных приставов-исполнителей и их личных контактов с сотрудниками милиции. В ближайшей же перспективе очевидна необходимость законодательного решения данной проблемы, вариант которого будет предложен ниже.

Рассогласованность между ст. 31, 32 УИК РФ и ст. 103 ФЗ № 229. Между названными предписаниями нормативных актов есть определенные расхождения. Например, ч. 2 и 3 ст. 32 УИК РФ не разрешает применять принудительные меры исполнения штрафа, назначенного в качестве основного наказания, а ч. 10 ст. 103 ФЗ № 229 позволяет это делать. При разрешении подобных коллизий предпочтение, на наш взгляд, необходимо отдавать ст. 103 ФЗ № 229. При первом приближении может показаться, что ст. 31, 32 УИК РФ – это специальные нормы по отношению к предписаниям ст. 103 ФЗ № 229. Однако по предмету своего регулирования ст. 103 ФЗ № 229 не менее специальная норма в сравнении со ст. 31, 32 УИК РФ, она также устанавливает особый порядок регулирования по отношению к общим положениям ФЗ № 229. Глава 12 ФЗ № 229, в которой она размещена, называется «Взыскание штрафа, назначенного в качестве наказания за совершение преступления. Порядок исполнения исполнительного документа о конфискации имущества», а ст. 103 – «Взыскание штрафа, назначенного в качестве наказания за совершение преступления».

Кроме того, в соответствии с ч. 1 ст. 1 УИК РФ уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации состоит из УИК РФ и других федеральных законов, в том числе ФЗ № 229. В силу же ст. 3 ФЗ № 229 нормы федеральных законов, регулирующие условия и по-

рядок принудительного исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц, должны соответствовать ФЗ № 229. Наконец, упомянем, что к числу критериев выбора законов при их коллизии судебная практика традиционно относит время принятия закона. Принцип, установленный еще Законами XII таблиц, гласит: *lex posterior derogat prior* (позднейший закон отменяет закон предшествующий). И до сих пор при прочих равных условиях предпочтение на практике отдается закону с более поздним сроком вступления в законную силу. ФЗ № 229, как известно, введен в действие более чем на 10 лет позднее УИК РФ. Исходя и из этого критерия при коллизии между ст. 31, 32 УИК РФ и ст. 103 ФЗ № 229 приоритет имеют положения последней статьи.

Надеемся, что предложения и рекомендации, высказанные в настоящей публикации, облегчат работу приставов-исполнителей по взысканию уголовных штрафов и рано или поздно окажутся востребованными в процессе совершенствования законодательного регулирования в данной области.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

² Заметим, что между УК РФ и УИК РФ, указывающими на возможность рассрочки уплаты штрафа, и УПК РФ имеется несогласованность. В соответствии с ч. 2 ст. 398 УПК РФ уплата штрафа может быть не только рассрочена судом, но и отсрочена на срок до 3 лет. На это обстоятельство уже обращалось внимание специалистами (см.: Скиба А.П. Некоторые коллизии норм УК РФ, УИК РФ и УПК РФ при исполнении уголовного наказания в виде штрафа // Исполнительное право. 2008. № 4. С. 37).

³ См.: Бюллетень Минюста России. 2008. № 3.

⁴ См. об этом: Рябович С.А. О практике исполнения наказания в виде штрафа (на примере Ярославской области) // Актуальные вопросы реализации уголовного наказания в виде штрафа: Сб. материалов межведомственного науч.-практ. семинара / Отв. ред. Е.О. Лукьянчук. Вологда, 2009. С. 76.

⁵ К сожалению, в настоящее время суды редко выясняют, за счет каких средств неработающий осужденный будет оплачивать штраф (см. об этом подр.: Грицай О.В. Актуальные проблемы применения штрафа как меры имущественного взыскания, установленной приговором суда // Российская юстиция. 2008. № 10. С. 32).

⁶ Чирков А.П. Вопросы, связанные с назначением и исполнением наказания в виде штрафа (на примере Ярославской области) // Актуальные вопросы реализации уголовного наказания в виде штрафа / Отв. ред. Е.О. Лукьянчук. С. 72–73.

Особенности исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте

С.П. СЕРЕДА – старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

Статья посвящена актуальным проблемам в сфере исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних. Автор рассматриваются факторы, оказывающие негативное влияние на процесс исправления несовершеннолетних осужденных к лишению свободы; обсуждаются и предлагаются возможные направления совершенствования законодательства, регулирующего деятельность воспитательных колоний; затрагиваются вопросы, связанные с преобразованием воспитательных колоний в воспитательные центры.

Ключевые слова: воспитательная колония; воспитательный центр; несовершеннолетние осужденные; лишение свободы; исправление; исправительное учреждение; ресоциализация.

Необходимость обеспечения особого подхода к несовершеннолетним правонарушителям при исполнении наказания в виде лишения свободы признавалась в отечественной пенитенциаристике еще в XIX в.¹ В это время в науке и практике утверждается идея раздельного содержания несовершеннолетних и взрослых преступников и создания для подростков особых учреждений, большей частью осуществляющих педагогическое, а не карательное воздействие. Как отмечал А.М. Богдановский, «тюремное заключение в тех

условиях, в каких оно исполняется над взрослыми, в отношении к ребенку, вступившему на путь порока, очевидно, имело бы последствием окончательную порчу и гибель»². Некоторые ученые призывали подходить к детям, совершившим преступление, с «ласковым вниманием и заботливой любовью», а целью суда видели «не возмездие, а исправление малолетнего и сохранение для общества работника-гражданина»³.

В Советском Союзе мысль о создании исправительных учреждений особого типа для несо-

вершеннолетних, осужденных к лишению свободы, получила широкое развитие как в науке, так и на практике. Советскими учеными отмечалась необходимость изолирования молодых правонарушителей от взрослых преступников, ограждения от их вредного влияния, придания деятельности трудовых колоний для несовершеннолетних более выраженного педагогического характера⁴.

В соответствии с действующим российским законодательством подростки, осужденные к лишению свободы, содержатся в отдельных исправительных учреждениях – воспитательных колониях. Однако воспитательные колонии испытывают значительные трудности в достижении таких целей, как исправление несовершеннолетних осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. В отдельных случаях пребывание несовершеннолетних осужденных в воспитательных колониях приводит к еще большей криминализации их сознания, что в свою очередь негативно сказывается на общем состоянии подростковой преступности. М.Н. Гернет еще сто лет назад отмечал: «Волны детской преступности до сих пор почти не знали отлива: одна за другой они катятся на нас и разбиваются о гранит и камень наших тюрем только для того, чтобы слиться с новой волною и удариться с еще большей силою»⁵. Эти слова равно применимы и к современной ситуации в сфере борьбы с преступностью несовершеннолетних.

Официальная статистика фиксирует ежегодное снижение общей подростковой преступности. Так, если в 1999 г. было зарегистрировано 201 313 преступлений, совершенных несовершеннолетними, то в 2008 г. – 116 090⁶. Соответственно сокращается и численность осужденных, содержащихся в воспитательных колониях (с 11 207 чел. в 2002 г. до 8550 чел. – в 2008 г.)⁷. Однако создающееся впечатление благополучия в указанной сфере ложно. Снижение абсолютных показателей детской преступности во многом объясняется общим сокращением численности населения, в том числе и количества несовершеннолетних⁸. На самом деле в подростковой среде получают свое развитие негативные тенденции. Так, если в 2002 г. в расчете на 100 тыс. населения несовершеннолетними в возрасте 14–17 лет было совершено 1416 преступлений, то в 2008 г. – 1651⁹. Продолжается рост подростковой рецидивной преступности (с 16,8% в 1999 г. до 17,6% в 2008 г.), а также доли насильственных преступлений¹⁰. Значительно увеличилась доля несовершеннолетних осужденных, имеющих неснятую и непогашенную судимость (с 9% в 2002 г. до 23% в 2008 г.), в том числе ранее осужденных к лишению свободы (с 5% в 2002 г. до 16% в 2008 г.)¹¹.

Ежегодно через воспитательные колонии проходит более 20 тыс. несовершеннолетних. В большинстве этих учреждений криминогенная обстановка остается достаточно сложной.

Так, в 2008 г. в воспитательных колониях было совершено 13 преступлений, 6186 нарушений установленного порядка отбывания наказания (в 2002 г. – 4573)¹². Ежегодно предотвращается около 2,5 тыс. преступлений¹³.

Сложная криминогенная обстановка в воспитательных колониях, значительные трудности в достижении целей исправления несовершеннолетних осужденных во многом обусловлены недостатками как правового регулирования деятельности данных исправительных учреждений, так и применяемых на практике методов и форм работы с содержащимися в них осужденными.

Во-первых, следует отметить, что дифференциация исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении лиц, содержащихся в воспитательных колониях, носит ограниченный характер. Это препятствует осуществлению индивидуализации в полной мере и достижению целей уголовного наказания в целом. Сегодня в воспитательных колониях совместно пребывают лица, впервые осужденные к лишению свободы и ранее отбывавшие данный вид наказания. На конец 2008 г. в воспитательных колониях содержался 391 осужденный, ранее отбывавший наказание в ВК (4,5%)¹⁴. Совместно в ВК находятся осужденные к различным срокам наказания, в том числе: 21% осужденных на срок до 2 лет включительно, 30% – на срок от 2 до 3 лет, 32% – на срок от 3 до 5 лет, 14,5% – на срок от 5 до 8 лет, 2,5% – на срок от 8 до 10 лет¹⁵. Не обеспечивается раздельное содержание в зависимости от тяжести совершенного преступления, формы вины. В ряде учреждений (Саратовская ВК УФСИН России по Саратовской области, Юргамышская ВК УФСИН России по Курганской области, Ленинск-Кузнецкая ВК ГУФСИН России по Кемеровской области, ТВК–1 УФСИН России по Томской области) злостные нарушители установленного порядка отбывания наказания находятся в общей массе воспитанников. В результате отрицательно характеризующиеся, а также имеющие высокую степень общественной опасности осужденные получают возможность оказывать негативное влияние на окружающих.

В частности, как показывают результаты проведенного нами исследования в Вологодской, Колпинской, Брянской и Архангельской воспитательных колониях, отрицательное влияние со стороны ранее отбывавших лишение свободы лиц на остальных осужденных в воспитательных колониях достаточно велико, несмотря на немногочисленность рецидивистов. Так, 22% из опрошенных нами содержащихся в ВК осужденных, впервые отбывающих лишение свободы, сообщили, что испытывают негативное воздействие со стороны ранее отбывавших лишение свободы воспитанников, 15% хотели бы отбывать наказание отдельно от последних. При этом 17% респондентов указали, что берут пример с отрицательно характеризующихся осужденных.

Во многом отмеченное нарушение принципа дифференциации исполнения наказания в виде

лишения свободы в отношении несовершеннолетних осужденных обусловлено наличием только одного вида исправительных учреждений. Обеспечивать отдельное содержание осужденных, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы, позволяло существовавшее до принятия Федерального закона от 09.03.2001 г. деление воспитательных колоний на колонии общего и усиленного режима, что в науке оценивалось положительно¹⁶. Сегодня же раздельное содержание в воспитательных колониях осужденных с разной степенью криминальной зараженности является невыполнимой задачей. Это объясняется и непродолжительностью содержания осужденных в строгих условиях, и совместным содержанием осужденных, находящихся на обычных, облегченных и льготных условиях, и отсутствием в большинстве воспитательных колоний льготных условий содержания за пределами ВК.

Вторая группа факторов, существенно осложняющих работу воспитательных колоний, связана с негативным влиянием, оказываемым на несовершеннолетних осужденных со стороны взрослых преступников, имеющих значительный криминальный опыт. Несмотря на то что несовершеннолетние осужденные к лишению свободы содержатся в отдельных исправительных учреждениях, сами воспитательные колонии не выведены за рамки общей системы пенитенциарных учреждений, с последними они имеют неразрывную организационно-правовую связь. Несовершеннолетние в большинстве случаев поступают в воспитательные колонии из общих следственных изоляторов и, достигнув совершеннолетия, переводятся для отбытия оставшегося срока наказания в исправительные колонии общего режима. Подростки, хотя и содержатся в следственных изоляторах отдельно от взрослых, тем не менее испытывают с их стороны значительное влияние, составляя для себя представление о криминальных традициях. Возможности для такого влияния в общих следственных изоляторах существуют. В этой связи положительно оценивается опыт работы помещений, функционирующих в режиме следственных изоляторов (далее – ПФРСИ), существующих в ряде воспитательных колоний, в частности Брянской воспитательной колонии. Как отмечают сотрудники данного учреждения, уровень криминальной зараженности несовершеннолетних, поступающих в воспитательную колонию из общих следственных изоляторов, намного выше, чем тех, кто поступает из ПФРСИ.

Значительные трудности в работе с подростками, осужденными к лишению свободы, возникли после законодательного снижения предельного возраста нахождения осужденных в ВК до 19 лет. Это существенно затруднило процесс исправления той части осужденных, которой предстоит перевод в колонию общего режима. В результате была нарушена непрерывность исправительного процесса. Перевод осужден-

ных из ВК в колонию общего режима связан с угрозой их личной безопасности, усилением влияния криминальной субкультуры, что негативно сказывается на морально-психологическом состоянии подростков, вынуждает их намеренно избирать модель отрицательного поведения. Проведенный нами опрос сотрудников Брянской, Вологодской, Колосовской и Архангельской воспитательных колоний позволил выявить отрицательное отношение значительной части респондентов (93%) к законодательному снижению предельного возраста содержания в ВК до 19 лет. При этом 67% опрошенных считают необходимым и возможным оставлять в ВК положительно характеризующихся осужденных до достижения 21 года. А 54% респондентов выступают за содержание лиц в возрасте от 18 лет до 21 года, переведенных из ВК, в отдельных колониях общего режима либо в изолированных участках, функционирующих в режиме колонии общего режима.

Третья группа факторов, оказывающих негативное влияние на работу ВК, связана с тем, что к несовершеннолетним, осужденным к лишению свободы, применяются те же методы и формы работы, что и к взрослым. В большинстве случаев воспитанник, содержащийся в ВК, воспринимается как обычный преступник, находящийся в системе криминальных субкультурных связей и традиций. Эти связи и традиции зачастую не только не пресекаются, но и используются сотрудниками ВК. Безусловно, это объясняется и ранее названными нами проблемами, в частности влиянием взрослой преступности на несовершеннолетних, а также несовершенством законодательства в указанной сфере.

Как справедливо отмечают некоторые ученые, воспитательная колония является типичным исправительным учреждением¹⁷. Специфика условий содержания, существующих в ВК и других ИУ, большей частью заключается в количестве предоставляемых свиданий, размере денежных средств, разрешенных для расходования, применяемых мерах поощрения и взыскания. Эти различия в основном носят количественный, а не качественный характер. В результате воспитательные колонии не в полной мере учитывают психолого-педагогические особенности самих подростков, что снижает эффективность их функционирования. В связи с этим требуется совершенствование как законодательного регулирования деятельности воспитательных колоний, так и применяемых на практике форм и методов работы с несовершеннолетними, осужденными к лишению свободы. При этом, как справедливо отмечает Л.И. Беляева, необходимо обеспечить полную «педагогизацию» всего процесса исполнения наказания в отношении рассматриваемой категории осужденных¹⁸.

В рамках предстоящего реформирования уголовно-исполнительной системы России предусмотрено преобразование воспитательных колоний в исправительные учреждения нового

типа для несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы. Так, на базе существующих 62 воспитательных колоний предполагается создание 33 воспитательных домов (воспитательных центров) двух видов – с обычным и усиленным наблюдением¹⁹. Планируется, что воспитательные центры помимо основного участка для содержания подростков будут включать также ПФРСИ для несовершеннолетних; изолированный участок для осужденных, которым исполнилось 18 лет в период нахождения в воспитательном центре; социально-реабилитационный центр (льготные условия отбывания наказания) за пределами учреждения под надзором, но без охраны. Создание подобных центров следует оценить положительно, поскольку оно направлено на решение проблем, которые сегодня существуют в работе воспитательных колоний.

Между тем вопросы, связанные с преобразованием воспитательных колоний в воспитательные центры либо иные виды учреждений, требуют всестороннего изучения и детальной проработки. Некоторые из намеченных планов в этой сфере вызывают определенные сомнения. В частности, представляется, что предусмотренное сокращение количества воспитательных колоний приведет к целому ряду неблагоприятных последствий, в том числе отдалению места отбывания наказания несовершеннолетними осужденными от места их прежнего проживания. По нашему мнению, это осложнит процесс ресоциализации подростков, нарушит связь воспитательных колоний с системой социальной профилактики на местах.

Кроме того, любое преобразование воспитательных колоний должно быть сопряжено не только с изменением их структуры, но и с перестройкой методов и форм воспитательной, психологической и социальной работы с осужденными, признанием приоритета²⁰ воспитательных мер воздействия над репрессивными, реализацией комплексных программ социально-психологической реабилитации несовершеннолетних.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Богдановский А.М. Молодые преступники. Вопросы уголовного права и уголовной политики. СПб., 1871. С. 8.

² Там же. С. 101.

³ См.: Емельянов А. Меры борьбы с детской преступностью // Дети-преступники: Сб. ст. / Под ред. М.Н. Гернета. М., 1912. С. 234.

⁴ См.: Астемиров З.А. Трудовая колония для несовершеннолетних. М., 1969. С. 24, 27; Шамис А.В. Порядок и условия исполнения наказания в воспитательно-трудовых колониях. М., 1981. С. 5 и др.

⁵ Дети-преступники / Под ред. М.Н. Гернета. С. 5.

⁶ См.: Преступность и правонарушения в России (1999–2003): Статистический сб. МВД России. М., 2004. С. 48; Преступность и правонарушения в России (2004–2008): Статистический сб. МВД России. М., 2009. С. 49.

⁷ См.: Отчет о работе воспитательных колоний за первое полугодие 2003 года. ФГУ НИИИИПТ ФСИН России; Отчет о работе воспитательных колоний за второе полугодие 2008 года. ФГУ НИИИИПТ ФСИН России.

⁸ За последние пять лет численность населения России уменьшилась почти на 3 млн чел., или на 3%: со 145 166 731 чел. (на 9 октября 2002 г.) до 142 008 838 чел. (на 1 января 2008 г.). При этом в большей степени сократилась численность представителей именно несовершеннолетнего возраста (почти на 2 млн чел., или на 6%). <http://www.gks.ru>

⁹ См.: Преступность несовершеннолетних в России (2002–2004 гг.): Статистический сб. МВД России. М., 2005. С. 5; Преступность и правонарушения в России (2004–2008). С. 55.

¹⁰ См.: Преступность и правонарушения в России (1999–2003). С. 48; Преступность и правонарушения в России (2004–2008). С. 49.

¹¹ См.: Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, за 12 месяцев 2002 г.: Ведомственное статистическое наблюдение Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. М., 2003. С. 1–2; Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, за 12 месяцев 2008 г.: Ведомственное статистическое наблюдение Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. М., 2008. С. 1–2.

¹² См.: Отчет о работе воспитательных колоний за 2003 год, подготовленный ГУИН Минюста России; Отчет о работе воспитательных колоний за второе полугодие 2008 года. ФГУ НИИИИПТ ФСИН России.

¹³ См.: Сведения о преступлениях в уголовно-исполнительной системе: Информ.-аналит. сб. НИИИИПТ ФСИН России. Тверь, 2008. С. 15, 29.

¹⁴ См.: Отчет о работе воспитательных колоний за второе полугодие 2008 года. ФГУ НИИИИПТ ФСИН России.

¹⁵ См.: Там же.

¹⁶ См.: Бриллиантов А.В. Дифференциация наказания: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные проблемы: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998. С. 224; Невский В.В. Теория и практика исполнения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних: Моногр. Домодедово, 1998. С. 75.

¹⁷ См., напр.: Беляева Л.И. Воспитательная колония как вид исправительного учреждения // Цели и средства уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних: Сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (Вологда, 26–27 ноября 2009 г.): В 2 ч. Вологда, 2009. Ч. 1. С. 148; Кашуба Ю.А., Пономарев С.Н. Основы современной уголовно-исполнительной политики России в отношении несовершеннолетних. СПб., 2009. С. 145 и др.

¹⁸ См.: Беляева Л.И. Несовершеннолетний в ВК: что полезно знать воспитателю. М., 1997. С. 7.

¹⁹ См.: Реформирование уголовно-исполнительной системы: теоретический проект / Под общ. ред. А.А. Реймера. М.; Рязань, 2009. С. 22–23.

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО И ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

К вопросу об использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании

К.К. ГОРЯИНОВ – главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

В статье автор анализирует положения действующего уголовно-процессуального законодательства и Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», регламентирующих вопросы, связанные с возможностью использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам. При этом обращается внимание на коллизии норм ст. 89 УПК РФ и ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и предлагается внести соответствующие изменения и дополнения в действующее законодательство.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное законодательство; оперативно-розыскные мероприятия; результаты оперативно-розыскной деятельности; доказательства; доказывание.

В российском законодательстве определено, что оперативно-розыскная деятельность является видом социально обусловленной и полезной государственной деятельности уполномоченных субъектов. Она представляет собой систему строго обозначенных средств и методов гласного и негласного характера, условий и механизмов их применения с целью защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.

Из сказанного вытекает несколько существенных положений.

Во-первых, в определенном смысле можно говорить о вынужденном характере такой деятельности, обусловленной реалиями современной преступности, когда цели борьбы с тяжкими преступлениями проявлениями достичь иными законодательно разрешенными способами и средствами затруднительно или невозможно. Поэтому государство допускает возможность осуществления ряда оперативно-розыскных мероприятий, указанных в ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и связанных с ограничением прав и свобод граждан, например: контроль почтовых отправлений, телеграмм и иных сообщений, прослушивание телефонных переговоров, обследование помещений, зданий, сооружений, транспортных средств и др. В силу этого использование опе-

ративно-розыскных средств и методов должно быть исключительным, в строго ограниченных законодателем случаях.

Во-вторых, эта деятельность санкционирована государством, и право ее использования предоставлено оперативным подразделениям государственных органов в пределах их полномочий. Государство в лице Президента Российской Федерации, Федерального Собрания Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, органов прокуратуры в процедурах общего надзора, руководителей органов, в структуре которых имеются уполномоченные оперативные подразделения, осуществляет контроль за правильным и допустимым проведением оперативно-розыскных мероприятий (гл. VI ФЗ «Об ОРД»).

В-третьих, рассматриваемая деятельность регламентирована федеральным законодательством и подзаконными ведомственными и межведомственными нормативными актами, которые детализируют порядок применения законодательных положений. Следовательно, оперативно-розыскное законодательство входит в общую систему законодательных норм, определяющих условия и порядок выявления, предотвращения и раскрытия преступлений, установления виновных в их подготовке и совершении, определении ответственности и наказания, исполнении принятых судебных решений. Поэтому

оперативно-розыскное законодательство, занимая в этой системе свое место, должно гармонично соотноситься с нормами законодательства других отраслей права, не противоречить им, адекватно вписываться в общий процесс уголовного судопроизводства и исполнения решений судов. При этом ОРД, базируясь на общих правовых установлениях, безусловно, на каждой стадии уголовного судопроизводства может иметь особенности применения субъектами с учетом специфики задач, которые ими решаются.

В этой связи, на наш взгляд, заслуживает внимания вопрос о том, как нормы федерального оперативно-розыскного законодательства «вписываются» в нормы уголовно-процессуального законодательства, а результаты оперативно-розыскных мероприятий – в процесс уголовного судопроизводства. Следует отметить, что данная проблема в последние годы, особенно после введения в действие нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, достаточно широко обсуждается в юридической литературе. Внимание многих авторов обоснованно сосредотачивается на редакции ст. 89 УПК РФ, которая вводит запрет на использование в процессе доказывания результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям УПК РФ, предъявляемым к доказательствам. Правильнее эту норму изложить в виде разрешенной возможности использования результатов ОРД в доказывании, а не запрета. Тогда смысловое содержание ст. 89 УПК РФ и ст. 11 ФЗ «Об ОРД», в которой указывается, что результаты ОРД могут использоваться в доказывании по уголовным делам, в большей мере совпадало бы и выглядело логичнее. Разрешение и даже обязательность, а не запрет даны в ст. 140 УПК РФ, устанавливающей в поводах и основаниях для возбуждения уголовного дела в том числе и сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, полученные из иных источников, чем заявление о преступлении или явка с повинной. Документальным отражением такого сообщения является рапорт должностного лица, принявшего сообщение, в котором должны содержаться достаточные данные о признаках преступления (ст. 143 УПК РФ).

Более проблематичным представляется положение о том, что допускается (как возможное решение между разрешением и запретом) использование результатов ОРД в уголовном судопроизводстве, если они отвечают требованиям УПК РФ, предъявляемым к доказательствам. ФЗ «Об ОРД» в ч. 2 ст. 11 представляет это положение несколько иначе: как возможность использования результатов ОРД в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств.

Иными словами, оперативно-розыскное законодательство указывает не только на то, что фактические данные в уголовном судопроизводстве должны отвечать требованиям, предъявляемым

к доказательствам, но и на процесс их собирания, проверки и оценки. Это существенное положение. Действительно, могут ли считаться допустимыми фактические данные, полученные оперативно-розыскным путем, но с нарушением требований ФЗ «Об ОРД», хотя впоследствии подтвержденные в результате следственных действий? Можно ли ввести в уголовное судопроизводство результаты оперативно-розыскных мероприятий, если они не воспроизведены путем проведения следственных действий? Эти и аналогичные вопросы в правоприменительной практике возникают нередко, что заставляет посмотреть на правовую сущность результатов ОРД с содержательной и функциональной сторон.

Согласно УПК РФ результаты оперативно-розыскной деятельности – это сведения, полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывающихся от органов дознания, следствия или суда (п. 36 ст. 5 УПК РФ). Доказательствами же являются сведения, на основе которых устанавливается наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для дела (ст. 74 УПК РФ). Эти сведения касаются обстоятельств события преступления, виновности лиц в их совершении, размера ущерба, обнаружения имущества, нажитого преступным путем, и т.д. (ст. 73 УПК РФ). Из сравнительного анализа данных определений видно, что результаты оперативно-розыскной и следственной деятельности по содержанию фактически совпадают, а полученные сведения – это фактические данные о преступлениях (их признаках) и виновных в их совершении лицах (или отсутствии таковых). Факты или их признаки, которые содержатся в этих сведениях, должны быть воспроизводимы. Они в равной степени должны быть достоверными и допустимыми, полученными с соблюдением требований уголовно-процессуального, оперативно-розыскного и иного законодательства. Это предопределяет возможность их использования в уголовном судопроизводстве при доказывании, установлении вины конкретных лиц, определении формы ответственности и наказания. Поэтому с содержательной стороны результаты оперативно-розыскной деятельности не могут отличаться от результатов следственной деятельности, ибо их собирание, анализ и оценка призваны решать общие задачи – наличие или отсутствие события и состава преступления, наличие или отсутствие вины конкретных лиц, защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (ст. 67 УПК РФ)¹.

Следует учитывать и то обстоятельство, что помимо различных форм государственного контроля за осуществлением ОРД, включая и прокурорский надзор, целый ряд оперативно-розыскных мероприятий, связанных с ограничением конституци-

онных прав человека и гражданина, допускается на основании судебного решения при наличии и оценке информации, свидетельствующей о необходимости и законности таких мероприятий.

Существует схожесть некоторых оперативно-розыскных мероприятий и процессуальных действий. Так, оперативно-розыскное мероприятие «контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений» (п. 9 ст. 6 ФЗ «Об ОРД») и следственное действие, связанное с обнаружением и наложением ареста на почтово-телеграфные отправления (ст. 185 УПК РФ), оперативно-розыскные мероприятия «прослушивание телефонных переговоров» и «снятие информации с технических каналов связи» (п. 10, 11 ст. 6 ФЗ «Об ОРД») и следственное действие «контроль и запись переговоров» (ст. 186 УПК РФ) осуществляются в схожих процедурах и одними и теми же субъектами ОРД. То же можно сказать и о «сборе образцов для сравнительного исследования, исследовании предметов и документов» (п. 3, 5 ст. 6 ФЗ «Об ОРД») и проведении аналогичных следственных действий, когда привлекаются специалисты для дачи соответствующих заключений.

Сведения, полученные оперативно-розыскным путем, могут содержаться в зафиксированных свидетельствах очевидцев и иных лиц, осведомленных о преступлении и лицах, их совершивших, в разного рода документах: протоколах осмотра и исследования различных предметов и веществ, в протоколах осмотра помещений, транспортных средств, конкретных предметов и документов, в аудио- и видеозаписях и других носителях информации, заключениях специалистов и т.п.

Для того чтобы статьи доказательств, указанные результаты необходимо трансформировать, осуществить следственные действия, указанные в уголовно-процессуальном законе: провести допросы, осмотры, освидетельствования и т.п. При этом зачастую новых сведений не прибавляется, а иногда то, что было зафиксировано в результате оперативно-розыскных мероприятий, даже утрачивается: свидетельства очевидцев в силу разных причин (угрозы, подкуп и т.п.) меняются, предметы, содержавшие признаки преступления, портятся или утрачиваются. Не всегда есть возможности допросить свидетелей, дававших объяснения при опросе (тяжелая болезнь, смерть, нахождение в другой стране и т.п.).

В ряде случаев осуществление следственных действий для проверки и подтверждения сведений, полученных оперативно-розыскным путем, вообще исключено, например, в труднодоступной местности, при невозможности длительного хранения предметов или товаров после проведения проверочной закупки или контролируемой поставки и т.д.

Кроме того, такое трансформирование результатов ОРД в доказательства только в силу формальных требований УПК РФ вряд ли целесообразно, поскольку неизбежно ведет к неоправданному увеличению сроков расследования и его удорожанию.

Фактически результаты оперативно-розыскных мероприятий трижды оцениваются с позиций допустимости, достоверности и относимости: в ходе осуществления ОРД, в досудебном производстве и судебных разбирательствах.

Надо учитывать, что осуществление оперативно-розыскных мероприятий является весьма затратным и с точки зрения привлекаемых сил, прилагаемых усилий, и с точки зрения материальных средств. Поэтому такой сложный механизм использования результатов ОРД в уголовном производстве представляется неоправданно избыточным.

На наш взгляд, целесообразны дальнейшие шаги по правовой легализации результатов ОРД в уголовном судопроизводстве. Так, в ст. 74 УПК РФ, определяющей виды доказательств, п. 6 можно было бы изложить в следующей редакции: «результаты оперативно-розыскных мероприятий и иные документы». Такое определение не противоречит ст. 84 УПК РФ, в которой раскрывается понятие иных документов.

Представляется возможным дополнить и ст. 86 УПК РФ отнесением к числу субъектов, которым предоставлено право собирать доказательства в ходе уголовного судопроизводства, оперативных подразделений. Тем самым будет зафиксировано их право в процессе расследования и судебного рассмотрения самостоятельно собирать и предоставлять фактические данные о событии преступления и виновности лиц (или их отсутствии), а не только в порядке исполнения отдельных поручений следователя или суда о проведении тех или иных оперативно-розыскных действий. Следовательно, будет процессуально легализована одна из форм ОРД (по оперативно-розыскному сопровождению (обеспечению) уголовного процесса, а также соблюдено соответствие ст. 11 ФЗ «Об ОРД»).

В этом же контексте следовало бы дополнить ст. 163 УПК РФ (или сформулировать самостоятельную статью) конкретными условиями, правами и обязанностями оперативно-следственной группы для производства предварительного расследования, которые в практике создаются достаточно часто, но их деятельность в лучшем случае регламентируется ведомственными или межведомственными нормативными актами, что представляется недостаточным.

Таким образом, проблема расширения участия результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве рассмотрена в данной статье конспективно и, конечно, нуждается в дальнейшем обсуждении.

Как представляется, расширение отвечает современным реалиям развития теории и практики использования правовых форм в борьбе с преступностью, намечает некоторые решения по развитию уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Разумеется, результаты ОРД могут иметь и другое содержание в зависимости от решения задач, которые определены в ФЗ «Об ОРД» (ст. 2, 7).

Проблемы использования специальных знаний при выявлении и расследовании преступлений экономической направленности

Н.А. ДАНИЛОВА – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, советник юстиции;

Т.Г. НИКОЛАЕВА – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, советник юстиции

В статье рассмотрены проблемы использования специальных бухгалтерских знаний при выявлении и расследовании преступлений экономической направленности, в частности возможность привлечения ревизора в качестве специалиста по уголовному делу, использования актов ревизий в качестве доказательств, отсутствие в уголовно-процессуальном законе указания на полномочия следователя (дознавателя) требовать проведения ревизии (документальной проверки, проверки) в ходе предварительного расследования.

Ключевые слова: специальные знания; ревизия; ревизор; специалист; судебно-бухгалтерская экспертиза.

К числу проблем уголовно-процессуального и криминалистического характера, требующих всестороннего изучения и разработки мер по их разрешению, относится использование специальных знаний в досудебном производстве. Необходимость привлечения лиц, обладающих специальными знаниями, возникает как в процессе проверки информации о совершенном, совершаемом или готовящемся преступлении, так и в ходе досудебного и судебного производства. Вместе с тем привлечение указанных лиц, на наш взгляд, сопряжено с рядом весьма существенных проблем.

1. Одной из наиболее эффективных форм использования специальных знаний при выявлении и расследовании преступлений экономической направленности является производство ревизий, проверок и документальных проверок. Однако в российском законодательстве указанные понятия до настоящего времени не получили своего правового закрепления, и, следовательно, отсутствует единство в их толковании и критериях дифференциации. Данное обстоятельство нередко ставит правоприменителя в затруднительное положение при выборе формы использования специальных бухгалтерских знаний, которая, безусловно, должна быть наиболее целесообразной и эффективной.

2. Согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ к средствам, с помощью которых органы предварительного расследования осуществляют проверку сообщения о преступлении, относятся документальные проверки и ревизии. Однако указанные полномочия не могут быть реализованы из-за отсутствия нормативного акта (актов), во-первых, определяющего цель и основные задачи ревизии (документальной проверки), а также

орган (органы), наделенный правом ее проведения по требованию органов предварительного расследования; во-вторых, регламентирующего полномочия лиц, их проводящих, включая обязанность проводить ревизии (документальные проверки) по требованию органов предварительного расследования; в-третьих, определяющего права и обязанности работников проверяемых хозяйствующих субъектов; в-четвертых, устанавливающего порядок проведения и оформления результатов ревизии (документальной проверки).

3. Следующая проблема связана с отсутствием в уголовно-процессуальном законе указания на полномочия следователя (дознавателя) требовать проведения ревизии (документальной проверки, проверки) в ходе предварительного расследования, поскольку закон предусматривает право требовать производства ревизии (документальной проверки) лишь при проверке сообщения о преступлении (ст. 144 УПК РФ).

Результатом этого является вынужденное со стороны правоприменителя игнорирование данных форм использования специальных знаний на этой стадии уголовного процесса, что в свою очередь не способствует оптимизации расследования.

4. Причиной игнорирования названных форм использования специальных знаний является также и то, что акты ревизий и проверок в ст. 74 УПК РФ не упоминаются в качестве видов доказательств, что нередко дает суду повод не оценивать их как самостоятельный вид доказательств. Каковы же последствия подобной позиции? К сожалению, они скорее негативного, чем позитивного характера. Следователи (дознаватели) вынуждены назначать судебно-бухгалтерскую

экспертизу для разрешения тех же самых вопросов, которые уже были поставлены и разрешены ревизором, только для того, чтобы избежать претензий в том, что не проведена экспертиза. Иными словами, следователя (дознателя) ставят перед необходимостью подтверждать выводы ревизора заключением эксперта. Думается, что данную позицию вряд ли можно считать правильной и оправданной, поскольку налицо необоснованное недоверие к выводам специалиста, который (в отличие от эксперта) в ходе ревизии исследует весьма значительный объем документов ревизуемой организации в их взаимосвязи с хозяйственными операциями. В соответствии с требованием ст. 57 УПК РФ для назначения и производства судебно-бухгалтерской экспертизы требуется представление эксперту достаточно большого массива различных документов, предварительно изъятых следователем (дознателем), поскольку эксперт самостоятельно собирать материалы для экспертного исследования не вправе. Ревизор же, в отличие от эксперта, вправе самостоятельно проверять все документы, связанные с финансово-хозяйственной деятельностью ревизуемой организации. Кроме того, в процессе исследования финансово-хозяйственной деятельности организации в большинстве случаев необходимо наряду с методами документальной проверки применять методы фактической проверки (обследование, инвентаризация, контрольный обмер выполненных объемов работ, контрольный запуск сырья и материалов в производство, контрольный анализ сырья, материалов и

готовой продукции, получение объяснений и справок и др.), которые эксперт использовать не вправе. Стоит также подчеркнуть, что уровень профессиональной подготовки и квалификации ревизора, как правило, не ниже чем у лица, привлеченного в качестве эксперта.

Безусловно, проведение ревизии (проверки) вовсе не исключает возможности и целесообразности назначения судебно-бухгалтерской экспертизы. Однако такая необходимость, как правило, возникает в случае несоответствия выводов проведенной ревизии другим материалам дела.

5. Следующий комплекс проблем использования специальных знаний при выявлении и расследовании преступлений экономической направленности связан с необходимостью более точного определения понятия специалиста как участника уголовного судопроизводства и заключения специалиста как самостоятельного вида доказательств. Можно ли ревизора, проводящего ревизию по требованию следователя, считать специалистом в порядке ст. 58 УПК РФ, а его акт приравнять к заключению специалиста? Если возникает необходимость допросить ревизора, то его следует допрашивать как свидетеля или специалиста? При необходимости получения письменной консультации от сведущего лица как она должна быть процессуально оформлена: как заключение специалиста, протокол допроса или иной документ? Разрешение этих и других вопросов, возникающих в данной области, требует в том числе и законодательного решения. ■

О совершенствовании системы информационного обеспечения раскрытия и расследования пенитенциарных преступлений

О.А. БЕЛОВ – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

Автор рассматривает современное состояние системы информационного обеспечения раскрытия и расследования пенитенциарных преступлений. В статье акцентируется внимание на возможных путях совершенствования информационного обеспечения, а также проблемах взаимодействия в рамках информационного обмена, существующих в практической деятельности органов и учреждений ФСИН России и органов внутренних дел.

Ключевые слова: криминалистически значимая информация; информационное обеспечение; программные комплексы; автоматизированное рабочее место следователя и оперативного работника; электронные базы данных; взаимодействие.

Эффективность борьбы с пенитенциарными преступлениями определяется уровнем организации оперативной, следственной, профилактической работы, проводимой органами и

учреждениями уголовно-исполнительной системы. В свою очередь результаты этой работы зависят от качества информационной поддержки, поскольку основные усилия практических

работников в расследовании, раскрытии и пресечении преступлений так или иначе связаны с получением необходимой информации. Именно эти функции и призвана выполнять система информационного обеспечения, которая поддерживает в настоящее время значительный объем информации.

В самом общем виде информационное обеспечение всегда представляет собой специфическую деятельность, которая направлена на подготовку и доведение информации до ее потребителей.

Специфика информационного обеспечения в конкретной области применения заключается в том, что информация собирается, обрабатывается и предоставляется в определенной форме, а весь процесс подготовки информации направлен на создание информационных ресурсов. Именно информационные ресурсы являются тем самым необходимым компонентом, на основе которого с помощью информационных средств потребитель может получать необходимые сведения¹.

Информационное обеспечение деятельности органов и учреждений ФСИН России – одно из важнейших направлений стратегии и тактики борьбы с пенитенциарными преступлениями. Сбор, обработка, хранение, анализ и оперативная передача информации заинтересованным лицам являются действенными факторами результативной работы уголовно-исполнительной системы.

При расследовании преступлений, в том числе совершенных в условиях исправительного учреждения, каждый следователь (дознатель) должен стремиться к тому, чтобы его деятельность была эффективной. Он обязан объективно, полно и всесторонне расследовать преступление, выявить способствовавшие ему причины и условия, попытаться устранить их и направить дело в суд либо принять по нему иное обоснованное процессуальное решение в сроки, установленные УПК РФ. Для достижения вышеуказанных целей необходимы эффективная работа органов уголовно-исполнительной системы с криминалистически значимой информацией, совершенствование информационных процессов раскрытия и расследования пенитенциарных преступлений.

Основной задачей информационного обеспечения расследования пенитенциарных преступлений на современном этапе является повышение научного и технического уровня практической деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы по обнаружению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений.

В настоящее время применение современных научно-технических средств рассматривается криминалистами как один из эффективных путей разрешения сложных проблемных ситуаций². Возможности их использования должны расширяться, прежде всего, за счет широкого внедрения компьютерных технологий в процесс расследования преступлений³.

В период с 1998 по 2008 гг. ФГУ НИИИИПТ ФСИН России разработаны программные средства автоматизированного карточного учета подследственных и осужденных, предназначенные для ведения специальных учетов в учреждениях ФСИН России с применением средств вычислительной техники.

Программно-технические комплексы автоматизированного карточного учета (далее – ПТК АКУС), позволяющие использовать базы данных, оснащены средствами получения электронных фотографий (АРМ «Фотомастер») и бесцветных дактилоскопических карт (АРМ «Дактомастер»), которые дают возможность решить ряд важных задач в интересах подразделений территориальных органов ФСИН России, как то:

- сократить сроки поиска местонахождения, анкетных данных и другой информации о подследственных и осужденных до 1–2 минут;
- в случае побега сформировать силами дежурной части пакет документов, необходимых для проведения розыскных мероприятий, в течение 5–10 минут в требуемых количествах;
- сократить время исполнения запросов из прокуратуры и других правоохранительных органов;
- исключить побег методом подмены.

Программное средство АРМ «Дактомастер», используемое совместно с ПТК АКУС СИЗО, предназначено для формирования библиотеки бесцветных дактилокарт, контроля на выходе из учреждения, сличения и поиска по отпечаткам. «Дактомастер» разработан ФГУ НИИИИПТ ФСИН России совместно с ООО «Папилон» (ведущим поставщиком оборудования для МВД России в области работы с бесцветными дактилокартами) и по формату совместим с системой АДИС «Папилон», применяемой в МВД России.

Основными возможностями «Дактомастера» являются:

- получение бесцветных дактилокарт;
- печать бесцветных дактилокарт;
- поиск и сличение абонентов специального учета по бесцветным дактилокартам.

Возможность сличения отпечатка абонента с дактилокартой, хранящейся в базе данных ПТК АКУС СИЗО, позволяет обеспечить дополнительный контроль выхода из учреждения и исключить побег методом подмены.

Кроме ПТК АКУС в настоящее время создана электронная база данных по учету преступлений среди личного состава УИС. Картоотека «Учет преступлений среди личного состава уголовно-исполнительной системы» разработана в целях ведения упорядоченного сбора, систематизированного учета, удобства поиска и выдачи своевременной и достоверной информации о сотрудниках уголовно-исполнительной системы, совершивших преступления. Кроме того, подготовлена соответствующая инструкция для оказания содействия сотрудникам подразделений УИС по заполнению карточек «Учет преступлений среди личного состава уголовно-исполнительной системы»⁴.

Картотека состоит из трех частей:

1) «Карточка учета преступления», включающая в себя первоначальные сведения о возбужденном уголовном деле в отношении сотрудника УИС;

2) «Карточка о предъявлении обвинения», содержащая сведения о предъявленном сотруднику УИС обвинительном заключении;

3) «Карточка о результатах расследования преступления», включающая в себя результаты расследования по уголовному делу в отношении сотрудника УИС.

В карточках представляются фактические сведения о возбужденных уголовных делах, результатах проведения расследования по факту совершения преступлений сотрудниками УИС.

Для унификации заполнения отдельных строк карточек разработаны специальные справочники с необходимой информацией, из которых нужно выбрать соответствующий показатель.

Затрагивая вопрос о возможностях использования программного обеспечения, разрабатываемого в целях повышения эффективности следственной работы, нельзя не акцентировать внимание на перспективах создания специализированных АРМ следователя и оперативного работника информационно-методического характера. В настоящее время такие АРМ включают в себя подсистемы, содержащие типовые (автоматизированные) методики расследования отдельных видов преступлений. В зависимости от конкретной следственной ситуации данные подсистемы предлагают алгоритм следственных действий с изложением процессуального порядка и особенностей их производства.

Одним из примеров подобных АРМ может служить компьютерная программа «Методика расследования побегов из исправительных учреждений», разработанная в Вологодском институте права и экономики ФСИН России.

Компьютерная программа включает в себя алгоритм действий следователя и оперативного сотрудника при совершении осужденными побегов из исправительных учреждений, а именно:

1) порядок осуществления следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий при различных следственных ситуациях;

2) выдвигаемые следственные версии;

3) особенности тактики отдельных следственных и иных действий (осмотра места происшествия, задержания, допросов, назначения судебных экспертиз и т.д.);

4) особенности взаимодействия следователя и оперативных сотрудников исправительного учреждения;

5) типовые планы расследования по уголовному делу при различных следственных ситуациях (с возможностью их корректировки под конкретную ситуацию);

6) электронные бланки процессуальных документов;

7) иллюстрационный материал по данной тематике (фотоматериалы, таблицы статистики, видеосюжеты);

8) перечень учебной и учебно-методической литературы по проблемам расследования побегов.

На наш взгляд, создание и внедрение в практическую деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы аналогичных программных комплексов является приоритетным направлением совершенствования системы информационного обеспечения расследования пенитенциарных преступлений.

Говоря о путях повышения уровня информационной поддержки оперативной и следственной работы в исправительных учреждениях, следует также отметить, что немаловажным фактором в этой области являются вопросы тесного взаимодействия органов и учреждений ФСИН России с информационными подразделениями органов внутренних дел.

В соответствии с Приказом МВД России от 12.07.2007 г., утвердившим Наставление по формированию и ведению оперативно-справочных, криминалистических и розыскных учетов органов внутренних дел, и совместным указанием МВД России от 03.12.2001 г. № 1/22061 и Минюста России от 07.12.2001 г. № 18/11975-ЮК «О повышении полноты, достоверности и эффективности использования оперативно-справочных учетов» органы и учреждения ФСИН России оформляют на подозреваемых, обвиняемых алфавитные карточки и дактилоскопические карты, а на осужденных, помимо этого, извещения об осужденном (заключенном под стражу). Источниками пополнения оперативно-справочных учетов являются следственные изоляторы, исправительные учреждения и уголовно-исполнительные инспекции ФСИН России.

Проводимый информационными центрами органов внутренних дел (далее – ИЦ) анализ поступающих учетных документов указывает на ряд нарушений в данном направлении взаимодействия. Наиболее распространенное из них – нарушение сроков направления в ИЦ извещений об осужденных. Так, суды направляют решения о результатах рассмотрения уголовных дел в подразделения ФСИН России через 1,5–2 месяца после принятия таковых⁵. Последние в свою очередь нарушают сроки направления учетных документов в ИЦ. Как показывает практика, нарушение установленного срока постановки документов на централизованный учет связано с выжидательной позицией руководства ИЦ и нерегулярными сверками сведений контрольных картотек с результатами рассмотрения дел в суде⁶.

Другим нарушением является некачественное заполнение учетно-регистрационного материала, поступающего из следственных изоляторов, исправительных учреждений: извещения на осужденных (арестованных) заполняются неразборчивым почерком; при условно-досрочном освобождении осужденного, изменении меры пресечения не указывается статья, на основании которой принята мера; отсутствие даты вступления приговора в законную силу, ошибки

в анкетных данных, датах ареста, сроках наказания.

Помимо этого, на практике имеются факты несвоевременного предоставления информации, а порой и ее отсутствия о передвижении осужденных.

Имеющиеся недостатки в формировании подразделениями ФСИН России централизованных пофамильного и дактилоскопического оперативно-справочных учетов значительно снижают эффективность использования дактилоскопического учета в раскрытии и расследовании преступлений, а низкое качество оформления дактилоскопических карт, несоответствие сведений в представляемых учетных и корректирующих документах существенно затрудняют, а порой делают невозможной идентификацию личности проверяемого по оперативно-справочным учетам.

На наш взгляд, основные причины указанных недостатков – это слабое взаимодействие с территориальными органами ФСИН России и отсутствие жесткого контроля за полнотой, качеством и своевременностью направления корректирующих документов на арестованных и осужденных лиц из подразделений ФСИН России в ИЦ.

Решение вышеперечисленных проблем возможно без совершенствования нормативно-правового регулирования информационного обеспечения правоохранительной деятельности. С целью выработки мер по улучшению ин-

формационного взаимодействия давно созрела необходимость в подготовке совместного нормативно-правового документа МВД и ФСИН России по вопросам повышения полноты, достоверности и эффективности использования оперативно-справочных учетов в раскрытии и расследовании преступлений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Зуев С.В. Информационное обеспечение уголовного процесса: Метод. рекомендации. Челябинск, 2004. С. 19.

² См.: Ищенко Е.П. Ситуационный подход к применению научно-технических средств на первоначальном этапе расследования неочевидных преступлений // Следственная ситуация. М., 1985. С. 47.

³ См.: Шаталов А.С. Криминалистические алгоритмы и программы. Теория. Проблемы. Прикладные аспекты. М., 2000. С. 220.

⁴ См.: Приказ ФСИН России от 14.03.2008 г. № 150 «О создании электронной базы данных “Учет преступлений среди личного состава уголовно-исполнительной системы”».

⁵ См.: Пинков В.П. Практика и проблемы информационного взаимодействия между органами внутренних дел, прокуратуры и Министерства юстиции по формированию и использованию централизованных оперативно-справочных и криминалистических учетов // О задачах информационных центров МВД, ГУВД, УВД субъектов Российской Федерации по реализации Концепции развития информационно-вычислительной системы МВД России на 2002–2006 гг. М., 2003.

⁶ См.: Бушув А.В. Состояние и перспективы автоматизации оперативно-справочных учетов // Материалы всероссийского семинара-совещания руководителей информационных центров МВД, ГУВД, УВД субъектов Российской Федерации (18–22 сентября 2006 г., г. Новочеркасск, Ростовская обл.). М., 2006.

Элементы криминалистической характеристики преступлений экономической направленности, совершаемых лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы

А.А. ПЕРВУШИНА – адъюнкт кафедры уголовного процесса и криминалистики ВИПЭ ФСИН России

В статье автор раскрывает элементы криминалистической характеристики преступлений экономической направленности, совершаемых осужденными, содержащимися в исправительных учреждениях (так называемых телефонных мошенничеств, вымогательств, краж и пр.). В частности, рассматриваются особенности объекта и предмета преступлений, входящих в данную группу; сведения о лицах, совершающих преступления экономической направленности в период отбывания наказания в виде лишения свободы; сведения о способах подготовки, совершения и сокрытия преступлений экономической направленности; обстоятельства, характеризующие обстановку, время и место совершения преступлений.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика; преступления экономической направленности; мошенничества, совершаемые осужденными; средства сотовой связи.

Вопросы криминалистической характеристики преступления на сегодняшний день являются одной из тем, активно обсуждаемых в научной литературе.

Понятие «криминалистическая характеристика» давно и прочно вошло в науку. Его появление как научной категории связано с именем А.Н. Колесниченко¹. Однако до сих пор нет пол-

ной ясности по всему спектру связанных с ним вопросов – понятию, элементам, видам и значению (функциям).

Принято считать, что криминалистическая характеристика преступлений представляет собой совокупность криминалистически значимой информации, в которой находят отражение сведения о личности преступника, данные о способе, обстановке и других обстоятельствах совершения преступления². Элементы криминалистической характеристики преступлений комплексно взаимосвязаны и представляют собой определенную структуру.

Криминалистическая характеристика преступлений может быть представлена и как система обобщенных данных об определенных однородных типичных признаках субъекта, мотивации его преступного поведения, предмете посягательства, обстановке, преступных способах и последствиях, имеющих значение для выявления и раскрытия преступлений криминалистическими средствами, приемами и методами³.

Криминалистическая характеристика экономических преступлений в основном разрабатывается применительно к определенным группам, видам, разновидностям таких деяний на основе выделения их составных элементов, особенностей и признаков (следов), закономерных связей между ними, характерных для определенного региона, периода времени, социально-экономической ситуации, криминогенной обстановки. В этом и состоит прикладное значение криминалистической характеристики преступлений.

По мнению некоторых авторов, криминалистическую характеристику экономических преступлений образуют следующие элементы:

- 1) объект и предмет посягательства;
- 2) субъект преступления;
- 3) способ совершения преступления;
- 4) место, время и обстановка совершения преступления⁴.

Полагаем, что предложенная структура во многом совпадает с признаками состава преступления и, в сущности, представляет собой его уголовно-правовую, а не криминалистическую характеристику.

В данном вопросе наша точка зрения имеет определенное сходство с позицией В.Ф. Ермоловича, полагавшего неправильным именовать элементы криминалистической характеристики в уголовно-правовой интерпретации. Сами по себе объект, предмет преступного посягательства, субъект преступления, способ его совершения выступают элементами преступления, а не его криминалистической характеристики⁵. Правильнее будет выделять и описывать элементы как сведения либо данные о личности преступника, орудиях и средствах, используемых при совершении и сокрытии преступлений, особенностях предмета преступного посягательства. Иной подход, на наш взгляд, приводит к смешению понятий состава преступления и его криминалистической характеристики.

Одними из наиболее распространенных преступлений, совершаемых лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы, в современных условиях являются преступления экономической направленности (так называемые телефонные мошенничества, вымогательства, кражи и пр.). Общественная опасность этих преступлений заключается не только в незаконном посягательстве на собственность граждан и организаций, но и в отрицательном влиянии криминально направленных, неоднократно судимых, вновь совершающих преступления даже в условиях изоляции от общества лиц на иных заключенных. Кроме того, совершающие данные преступления лица добывают средства для своего существования преступным путем, вовлекая в преступную деятельность других граждан.

Для определения методики расследования данного вида преступлений важное значение имеет раскрытие элементов криминалистической характеристики. Полагаем, что в качестве таковых должны быть рассмотрены:

- 1) данные об особенностях объекта и предмета преступлений, входящих в указанную группу;
- 2) сведения о лицах, совершающих преступления экономической направленности в период отбывания наказания в виде лишения свободы;
- 3) сведения о способах подготовки, совершения и сокрытия преступлений экономической направленности;
- 4) обстоятельства, характеризующие обстановку, время и место совершения преступлений.

Безусловно, главной особенностью объекта и предмета преступного посягательства, совершаемого лицами, отбывающими наказание в исправительных учреждениях, является их удаленность от субъектов преступления, по объективным причинам неспособных непосредственно контактировать с потерпевшими.

Так, мошенничества, совершаемые осужденными в период отбывания ими наказания в виде лишения свободы с использованием средств сотовой связи, направлены на завладение денежными средствами и имуществом лиц, зачастую находящихся за многие сотни километров от субъекта преступления. Как правило, в таких случаях предмет преступления выступает как обобщенная категория, в том числе деньги, мобильные телефоны, другие материальные ценности. Преступником в момент возникновения плана совершения преступления эти категории не конкретизируются. Фактически до момента завладения имуществом преступник не может определить, какое именно имущество он похищает и в каком размере, поскольку не видит это имущество, а имеет о нем только общее представление.

Основной и абсолютной особенностью субъекта преступлений рассматриваемой категории является не только опосредованность его воздействия на предмет преступления, но и

его фактическое положение лица, заключенного под стражу, находящегося под постоянным надзором со стороны администрации учреждения, в котором он отбывает наказание в виде лишения свободы, обязанность соблюдения режима учреждения, воздействие на его личность других лиц, ранее совершавших преступления, в том числе экономической направленности. Кроме того, практически все рассматриваемые преступления совершаются в группе – либо по предварительному сговору, либо в составе организованной преступной группы. При этом лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы за ранее совершенные преступления, играют в этих группах, как правило, роль организатора, подстрекателя, исполнителя.

Способ совершения преступления (его подготовка, совершение и сокрытие) многие авторы считают главным элементом криминалистической характеристики преступления⁶. В нашем случае этот элемент также играет основную роль как по причинам, изложенным выше, так и ввиду сходства многих преступных действий, совершаемых лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы, для достижения ими непосредственного преступного результата. В первую очередь это касается подготовительного этапа преступлений. Возникновение преступного умысла, разработка плана совершения преступления, подбор соучастников из лиц, находящихся на свободе, и, наконец, непосредственное взаимодействие с ними и общение с потерпевшими посредством сотовой связи – все эти действия в каждом отдельном случае имеют свои, характерные для этого вида преступлений, черты.

При подготовке и совершении преступлений экономической направленности (а это прежде всего мошенничества, вымогательства, кражи и др.) преступники опираются на свой прежний криминальный опыт. Действуют, с одной стороны, с соответствующей осторожностью, а с другой – цинично и напористо, выбирая жертву наверняка, так как ограничены в своих действиях и, в отличие от злоумышленников, находящихся на свободе, располагают не столь широким арсеналом средств совершения преступлений. В принципе, модель достаточно проста: возникновение умысла; подбор соучастников вне исправительного учреждения; отыскание и использование средств сотовой связи; широкое использование при общении с потенциальными потерпевшими методов психологического воздействия (убеждения, обмана, угрозы); руководство действиями сообщников с целью получения экономической выгоды – имущества и денежных средств; получение непосредственных материальных благ от результатов преступления – сотовых телефонов, денег, передач с продуктами и вещами, материальной помощи родственникам. Заметим, что последнее, в отличие от преступлений, совершаемых на свободе, затруднено не только условиями исправительного учреждения, но и вероятностью отказа от последующих контактов

сообщников, полагающих, что вся совокупность преступных действий выполнена ими, соответственно, и полученные материальные результаты могут быть в полном объеме реализованы без вознаграждения организатора, а порой и соисполнителя преступления, находящегося в исправительном учреждении.

Соккрытие окончанных преступлений заключается в совершении действий, исключающих возможность идентификации преступника по номерам телефонов, используемых для совершения преступлений: перепрыгивание телефонов в помещениях ИУ, отказ от предоставления органам следствия, расследующим преступление, образцов голоса, а также иные способы сокрытия, характерные для преступлений экономической направленности⁷. В случае совершения вымогательства денежных средств у родственников осужденных, совместно отбывающих наказание, широко используется психологическое воздействие: убеждение, угрозы, а порой и насилие.

Что же касается последнего, из предложенных нами элементов криминалистической характеристики преступлений экономической направленности, совершаемых лицами, отбывающими наказание за ранее совершенные преступления в местах лишения свободы, типичной является значительная продолжительность как самих действий, образующих объективную сторону преступления, так и времени, требующегося для достижения преступного результата. С местом преступления также не все просто: как правило, преступные действия начинаются в исправительном учреждении, где идет подготовка к преступлению, разработка его плана, руководство действиями сообщников, находящихся на свободе, а вот окончание преступления, связанное с моментом завладения и возникновением возможности распоряжения похищенным имуществом (денежными средствами), происходит вне учреждения, в котором содержатся лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы и вновь совершающие преступления.

Заметим, что этот же фактор затрудняет и получение статистических данных о рассматриваемых преступлениях. Так, в частности, по учетам ГИАЦ МВД Российской Федерации и региональных управлений ФСИН России эти преступления не входят в группу совершаемых в исправительных учреждениях как раз по причине того, что окончание преступления к данному месту не привязано. Это может быть не только другой город, поселок, но и иной район и даже область.

Примером может служить преступление, совершенное в исправительной колонии ОЖ 118/2 (Воронежская область), где в 2001–2002 гг. осужденный, отбывающий наказание за мошенничество, разработал преступную схему, с помощью которой и при пособничестве лица, находившегося на свободе, ему удалось обмануть должностных лиц Волгоградского инструментального завода, нескольких волгоградских фермеров и

совершить хищение денежных средств в особо крупном размере. Для осуществления своего преступного замысла мошеннику удалось войти в доверие к администрации колонии и воспользоваться компьютером, подключенным к сети Интернет. Точно выстроив схему преступления, заключенный похитил 1 млн руб.⁸ Очевидно, что в данном случае место совершения преступления определяется не только и не столько местом нахождения преступника, сколько местом завладения похищенными денежными средствами.

Таким образом, рассмотрев криминалистическую характеристику преступлений, входящих в данную группу, мы приходим к выводу, что при их расследовании должны полно, объективно и всесторонне учитываться все ее элементы. Это в свою очередь будет способствовать не только улучшению качества расследования, но и своевременной профилактике этих преступлений, а также устранению причин и условий их совершения.

■ ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См.: Колесниченко А.Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1967. С. 10, 14, 16.

² См.: Ермолович В.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений. Минск, 2001. С. 19.

³ См.: Матусовский Г.А. Экономические преступления: криминалистический анализ. Харьков, 1999. С. 51.

⁴ См.: Новик В.В., Абаканова В.А. О некоторых особенностях криминалистической характеристики преступлений, совершенных в экономической сфере // Вопросы квалификации и расследования преступлений в сфере экономики: Сб. науч. ст. Саратов, 1999. С. 136.

⁵ См.: Ермолович В.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений. С. 19.

⁶ См., напр.: Шаталов А.С. Сущность и содержание криминалистической характеристики преступления // Следователь. 1999. № 1. С. 19–24.

⁷ См.: Ермолович В.Ф. Способы и механизм преступления. Минск, 2000. С. 52–69.

⁸ См.: Турбин В. Прокуратура отыгралась на УИН за мошенника // Коммерсантъ (Воронеж). 2004. № 37 (2876). 2 марта.

Особенности дисциплинарной ответственности сотрудников уголовно-исполнительной системы

А.М. КОЛОСКОВ – начальник кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России

Статья посвящена сравнительному анализу дисциплинарной, уголовной и административной ответственности сотрудников УИС. В качестве критериев, по которым проводится сравнение, используются фактическое и правовое основания ответственности, правовые последствия, а также круг субъектов, уполномоченных привлекать к соответствующему виду ответственности.

Ключевые слова: дисциплина; дисциплинарная ответственность; дисциплинарный проступок; административное правонарушение; административная ответственность; дисциплинарное взыскание.

Уяснение сущности дисциплинарной ответственности сотрудников УИС предполагает определение ее соотношения с другими видами юридической ответственности. Это довольно сложная задача, поскольку действующее законодательство однозначного ответа на вопрос о разграничении различных видов ответственности сотрудников УИС не дает.

Анализ научных работ, посвященных ответственности государственных служащих, позволяет выделить ряд признаков, лежащих в основе дифференциации различных видов такой ответственности.

Во-первых, общепризнанным является то, что каждый вид ответственности предполагает отдельный, присущий исключительно ему вид правонарушения. Основанием дисциплинарной ответственности сотрудников УИС является

дисциплинарный проступок, административной – административное правонарушение, уголовной – преступление.

Следует отметить, что на сегодняшний день отсутствует законодательное определение дисциплинарного проступка сотрудника УИС, которое бы позволяло четко разграничить его с другими видами правонарушений. Такая ситуация может привести и приводит к тому, что квалификация деяния как дисциплинарного проступка либо как должностного преступления безосновательно производится по усмотрению уполномоченного принимать решение должностного лица.

Возможность одновременного применения административных и дисциплинарных санкций за одно деяние ограничивается положением ст. 2.5 КоАП РФ, в соответствии с которой со-

трудники органов и учреждений УИС несут дисциплинарную ответственность за административные правонарушения. Однако, как вполне обоснованно отмечают некоторые исследователи, формулировка этой статьи неудачна, поскольку она противоречит тезису о том, что основанием дисциплинарной ответственности является дисциплинарный проступок¹. На наш взгляд, в данном случае имеет место идеальная совокупность, когда одно деяние формально образует как административное правонарушение, так и дисциплинарный проступок. Например, нарушая общественный порядок, сотрудник УИС совершает два различных правонарушения: дисциплинарный проступок (так как обязанность соблюдать законы Российской Федерации закреплена в Положении о службе) и административное правонарушение, наказание за которое предусмотрено в соответствующей статье КоАП РФ.

По нашему мнению, ч. 1 ст. 2.5 КоАП РФ необходимо изложить в следующей редакции:

«Военнослужащие, граждане, призванные на военные сборы, и сотрудники органов внутренних дел, органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, Государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ и таможенных органов несут дисциплинарную ответственность за совершение деяний, предусмотренных Особенной частью настоящего Кодекса, за исключением деяний, предусмотренных частью 2 настоящей статьи, в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, регламентирующими прохождение военной или правоохранительной службы».

Такая редакция ст. 2.5 КоАП РФ указанное выше противоречие исключает.

Во многом сложность законодательного разграничения дисциплинарного проступка сотрудника УИС и административного правонарушения обусловлена их схожестью.

Объект дисциплинарного проступка – служебная дисциплина в УИС. При этом дисциплинарным проступком причиняется вред не только интересам конкретного коллектива, но и интересам всего государства и общества в целом, поскольку служебная дисциплина в УИС оказывает непосредственное влияние на эффективность исполнения уголовных наказаний, а значит, и на безопасность государства и общества в целом. Публичный интерес, а именно интерес государственной службы в органах и учреждениях УИС, с одной стороны, и интересы конкретного трудового коллектива – с другой, определяют двойственную природу объекта посягательства дисциплинарного проступка сотрудника УИС. Административным правонарушением также причиняется вред общественным отношениям, имеющим публичный характер. Отсюда следует, что объект посягательства следует считать критерием разграничения дисциплинарного

проступка и должностного административного правонарушения с определенной долей условности. Такое разграничение во многом зависит от усмотрения законодателя.

Разграничение дисциплинарного проступка и должностного преступления проводится по двум признакам – степени общественной опасности (материальный признак) и способу определения противоправности (формальный признак).

Среди ученых отсутствует единое мнение по поводу того, обладает ли дисциплинарный проступок признаком общественной опасности. Так, Д.Н. Бахрах считает, что дисциплинарный проступок, как и административный, не обладает общественной опасностью, а имеет общественную вредность².

В соответствии с действующим законодательством общественной опасностью вообще не является признаком ни административного правонарушения, ни дисциплинарного проступка.

Тем не менее многие исследователи склоняются к тому мнению, что дисциплинарный проступок хоть и в меньшей степени, чем преступление, но все же обладает общественной опасностью³.

На наш взгляд, общественная опасность является общим признаком правонарушений, а ее степень позволяет отграничивать один вид правонарушений от другого. В конечном счете, разрешение спора относительно общественной опасности дисциплинарного проступка возможно путем закрепления в законе определения понятия общественной опасности.

Разграничение дисциплинарных проступков и должностных преступлений по признаку противоправности носит в значительной степени абстрактный характер. На сегодняшний день отсутствует перечень составов дисциплинарных проступков. Закрепленное в ст. 57 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» определение дисциплинарного проступка (неисполнение или ненадлежащее исполнение гражданским служащим по его вине возложенных на него должностных обязанностей) не позволяет четко разграничить его с должностным преступлением.

В связи с этим заслуживают внимания предложения некоторых ученых об установлении дисциплинарного проступка путем исключения его из числа других правонарушений – уголовных и административных⁴. В этом случае легальная дефиниция дисциплинарного проступка сотрудника УИС будет иметь следующий вид: «неисполнение или ненадлежащее исполнение сотрудником УИС по его вине возложенных на него должностных обязанностей в случае, если это деяние не является административным правонарушением или преступлением». Указанные оговорки необходимы в рамках уже сложившихся представлений о служебной дисциплине, и, по мнению Ц.А. Ямпольской и Е.В. Шориной, конструирование таким образом определения дисциплинарного проступка является методологически верным⁵.

Вторым признаком, лежащим в основе дифференциации различных видов ответственности сотрудников УИС, является содержание последствий правонарушения.

Совершение сотрудником УИС дисциплинарного проступка влечет за собой применение дисциплинарного взыскания. Особенность данного вида санкций заключается в их воспитательном характере⁶. Если уголовные и административные наказания во многом содержат элемент кары, направлены на восстановление социальной справедливости, то дисциплинарные взыскания в основном применяются с целью дисциплинировать сотрудника, воспитать в нем добросовестное отношение к порядку несения службы, своим служебным обязанностям.

Дисциплинарные взыскания не влекут за собой судимость, хотя в качестве негативных последствий их применения следует отметить ограничение в выплате премий, продвижении по службе, присвоении очередных специальных званий.

К субъектам, уполномоченным применять дисциплинарные взыскания, относятся должностные лица органов и учреждений УИС, наделенные дисциплинарной властью. В этом суть третьего отличительного признака дисциплинарной ответственности сотрудников УИС. В отличие от дисциплинарных взысканий, административные наказания применяются широким кругом уполномоченных органов (должностных лиц) исполнительной власти, местного самоуправления, а также судами. При этом между лицом, применяющим административное наказание, и субъектом административной ответственности отсутствуют отношения служебного подчинения. Между тем для дисциплинарной ответственности характерно наличие служебной подчиненности. По словам Е.В. Климкиной, в результате реформирования государственной службы служебная подчиненность как критерий различия между дисциплинарной и административной ответственностью перестанет существовать⁷.

На наш взгляд, делать какие-либо прогнозы относительно исчезновения данного признака преждевременно. По крайней мере, по нашему убеждению, целесообразность сохранения дисциплинарной власти в руках руководителей не вызывает сомнений. Создание специальных субъектов, осуществляющих привлечение государственных служащих к дисциплинарной ответственности, вполне вероятно, сократит количество фактов укрывательства нарушений дисциплины со стороны руководителей. Однако это полностью не разрешит проблему, поскольку никакому органу не под силу осуществлять контроль за деятельностью служащих в том объеме, в каком его осуществляет руководитель, которому подчинены данные служащие.

Последнее, что необходимо отметить, проводя разграничение дисциплинарной ответственности с другими видами ответственности сотрудников УИС, – это то, что дисциплинарная ответственность сотрудников УИС регламентирована законодательством о службе в УИС. В

некоторых случаях вопросы дисциплинарной ответственности регулируются трудовым законодательством. Но это осуществляется тогда, когда в законодательстве о службе эти вопросы не прописаны и на трудовое законодательство делается ссылка. Например, согласно Приказу ФСИН России от 17.03.2009 г. № 104 основанием для назначения проверки являются сведения о совершении сотрудником грубого нарушения служебной дисциплины в соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 81 Трудового кодекса Российской Федерации⁸. Административная и уголовная ответственности регламентируются соответственно Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовным кодексом Российской Федерации.

Таким образом, отсутствие законодательного определения дисциплинарного проступка сотрудника УИС, которое позволяло бы четко разграничить его с другими видами правонарушений, приводит к тому, что квалификация деяния как дисциплинарного проступка либо как должностного преступления безосновательно производится по усмотрению уполномоченного принимать решение должностного лица.

Действующая формулировка ч. 1 ст. 2.5 КоАП РФ противоречит тезису о том, что основанием дисциплинарной ответственности является дисциплинарный проступок.

Разграничение дисциплинарной ответственности сотрудников УИС с другими видами юридической ответственности следует производить по таким основаниям, как вид правонарушения, степень его общественной опасности, а также правовые последствия, то есть наказание.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Сергеев А.В. Актуальные вопросы ответственности государственных гражданских служащих по административному праву: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 149.

² См.: Бахрах Д.Н. Административная ответственность граждан в СССР. Свердловск, 1989. С. 30.

³ См.: Никифоров А.В. Дисциплинарная ответственность сотрудников органов внутренних дел: Дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 1998. С. 26–27.

⁴ См.: Сыроватская Л.А. Ответственность за нарушение трудового законодательства. М., 1990. С. 54; Сергеев А.В. Актуальные вопросы ответственности государственных гражданских служащих по административному праву. С. 154; Бабелюк Е.Г. Ответственность государственных служащих Российской Федерации: административно-правовой аспект: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. С. 105 и др.

⁵ См.: Ямпольская Ц.А., Шорина Е.В. Административно-правовые вопросы укрепления государственной дисциплины. М., 1955. С. 155.

⁶ См.: Никифоров А.В. Дисциплинарная ответственность сотрудников органов внутренних дел. С. 28–29; Ямпольская Ц.А. Субъекты советского административного права: Автореф. ... д-ра юрид. наук. М., 1958. С. 16.

⁷ См.: Климкина Е.В. Административно-правовое регулирование дисциплинарной ответственности государственного гражданского служащего России: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 33.

⁸ Приказ ФСИН России от 17 марта 2009 г. № 104 «Об утверждении Инструкции об организации проведения служебных проверок в уголовно-исполнительной системе» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2009. № 17.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Пенитенциарный стресс

А.М. ЧИРКОВ – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор медицинских наук

В статье рассматриваются узловые вопросы пенитенциарного стресса, являющегося фактором развития психогенных и психосоматических расстройств осужденных, а также основой формирования дезадаптивного поведения и правонарушений в исправительных учреждениях. Обосновывается необходимость интегративного подхода к познанию основных закономерностей развития дезадаптации осужденных на основе углубленных исследований медико-психологической, социальной и психобиологической сфер личности человека.

Ключевые слова: пенитенциарный стресс; здоровье; психопатология; психические расстройства; психосоматические заболевания; тюремная субкультура; осужденные; исправительные учреждения; ресоциализация.

Развитие пенитенциарной теории и практики характеризуется синкретичностью юридических, медико-биологических, социально-психологических, педагогических, методологических и других научных подходов к решению вопросов защиты и сохранения здоровья различных категорий осужденных, и в первую очередь подростков и лиц юношеского возраста, а также расширения их прав и свобод. Адекватное повышение уровня и качества жизни осужденных осуществляется в соответствии с основными принципами и положениями «Новых пенитенциарных правил» на фоне процессов гуманизации во всей пенитенциарной системе, развития ее научно-практического потенциала, в том числе и в сфере подготовки высококвалифицированных специалистов¹.

Одним из центральных вопросов, который необходимо решить в целях сохранения здоровья осужденных, их исправления и ресоциализации, является профилактика и коррекция пенитенциарного стресса, являющегося одной из причин экстремальной жизнедеятельности не только осужденных, но и всего персонала исправительных учреждений. Решение этой проблемы связано с анализом целого ряда аспектов, к которым относятся понятия здоровья, адаптации и стресса, сам феномен тюремной социальной депривации и другие.

Эксперты Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) определяют здоровье как состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только как отсутствие болезней и физических дефектов.

Здоровье является базисной характеристи-

кой человеческой жизни, его связывают с понятием «качество жизни», под которым понимается такое качество жизненного процесса, когда он закономерно и оптимально осуществляется в природной и социальной среде. Поэтому для человека здоровье является адекватной гигиенической средой и здоровым образом жизни².

Рассматривая здоровье как жизненный процесс, можно изучать его на примере любого человека и любого отрезка его жизни, а также применительно к обществу в целом: «здоровье общества», «здоровье нации», «здоровье подрастающего поколения» и т.д.³

Здоровье может определяться как способность человека приспосабливаться к окружающей среде и своим собственным возможностям, противостоять внешним и внутренним возмущениям, болезням и повреждениям, сохранять себя, расширять свои возможности, увеличивать полноценную жизнедеятельность, то есть обеспечивать свое благополучие⁴.

Ключевым в этом определении является понимание здоровья как проявления жизненных сил, ощущения жизни, всесторонности и долговременности социальной активности и гармоничности развития личности.

Принято выделять различные взаимосвязанные аспекты здоровья человека: соматическое, психическое и социальное.

Соматическое (биологическое, физическое) здоровье – это отсутствие хронических заболеваний, физических дефектов, функциональных нарушений, ограничивающих социальную деятельность человека. Противоположностью этого вида здоровья является инвалидность.

Под физическим здоровьем понимают также совокупность статических (морфологических) и динамических (функциональных) свойств индивида, позволяющих ему адаптироваться к среде и выполнять свои биологические и социальные функции⁵.

Психическое здоровье определяется как состояние душевного благополучия, характеризующееся отсутствием болезненных психических проявлений и обеспечивающее адекватную условиям окружающей действительности регуляцию поведения человека⁶. Этот термин используют в медицинской практике, разграничивая норму и патологию. Понятие психического здоровья соотносится с психосоматической медициной, связывающей любое соматическое нарушение с изменениями в психическом состоянии человека⁷.

Важным является рассмотрение психологического здоровья личности, которое отражает самопонимание, самопринятие и саморазвитие в контексте взаимодействия с окружающими людьми в реальных условиях окружающего мира⁸. В литературе психологическое здоровье описывается как баланс между различными аспектами личности человека, между потребностями индивида и общества. Иначе, психологическое здоровье – это процесс жизни личности, в котором сбалансированы рефлексивные, эмоциональные, интеллектуальные, коммуникативные, поведенческие и другие аспекты⁹.

Считают, что психическое равновесие, по существу, немислимо без серьезного внимания к своему телу, и, следовательно, физическое и психическое здоровье неразделимы и взаимосвязаны. Нарушения психического здоровья обусловлены различными неблагоприятными факторами, в том числе стрессами социальной природы¹⁰.

Социальное (личностное) здоровье – это определенный уровень развития, сформированности и совершенства форм и способов взаимодействия индивида с внешней средой (приспособление, уравнивание, регуляция); определенный уровень психического и личностного развития, позволяющий успешно реализовывать это взаимодействие. Антиподом социального здоровья является состояние социальной запущенности¹¹.

Анализируя понятие нравственного здоровья как комплекса характеристик мотивационной и информационно-духовной сферы жизнедеятельности, следует отметить, что его основу определяет система ценностей, установок и мотивов поведения индивида в обществе. Нравственным здоровьем опосредована духовность человека, так как оно связано с общечеловеческими ценностями, понятиями добра, любви, красоты и т.д.¹²

Следовательно, здоровье представляет собой целостность, гармоничное равновесие физиологических, психических и социальных аспектов человека. Важным является категория «превентивный ресурс» здоровья, под которым

понимается адаптационная способность психики человека усиливать во много раз интенсивность своей деятельности по сравнению с состоянием покоя¹³.

Таким образом, разделение общего здоровья на уровни условно, так как сегодня приходит понимание бессмысленности рассуждений о полноценном физическом здоровье человека без решения психических, мировоззренческих и духовных проблем.

Следовательно, данный классический подход, определяющий понятие «здоровье» через категорию «состояние», несмотря на утвердившийся в науке системный подход, остается приемлемым, хотя и опирается на аналитическую парадигму. Сохраняя преимущественно описательный характер, данный подход предполагает три аспекта анализа: физический, психический и социальный.

С позиций адаптационной парадигмы способность сохранения здоровья определяется широтой возможностей человека приспосабливаться к изменяющемуся миру, что отражает деятельность физиологических механизмов адаптации и их совершенствование. Философский, психологический и философско-культурологический подходы используют креативную парадигму, позволяющую трактовать здоровье как процесс свободного выбора естественных ценностей и целей существования человека. На стыке этих подходов современная медицина определяет здоровье как процесс жизни человека, формирования организма и личности и одновременно как процесс реализации биологических, психических и духовных целей.

Необходимо отметить, что в ряде работ в связи с недостаточностью рассмотрения здоровья как состояния делается акцент на категории «способность» как на деятельности, свершающейся и стремящейся к достижению цели. При этом наряду с оценкой способностей систем организма обеспечивать реализацию генетических программ, включая сложные формы фенотипического поведения, направленные на социальную и культурную сферы жизни, все большее внимание уделяется согласованности и гармоничности при реализации материальных, социальных и духовных задач¹⁴.

Такой подход базируется на принципах системности, определяющей целостность и гармоничность человека; функциональности, позволяющей оценивать весь континуум переходных состояний от полного здоровья до полного нездоровья и уровень адаптации на протяжении всего жизненного цикла; индивидуальном подходе к анализу интегральной индивидуальности и оптимального состояния индивида.

Если здоровье – это наличие, сохранение и расширение способности к действию, самосохранению и саморазвитию, то нарушение здоровья – ограничение возможности к адекватному и оптимальному функционированию. Болезнь – дисгармония в работе различных систем, большие и неэкономичные энергозатраты.

Иначе говоря, болезнь – это разрушение внутренней гармонии человека в результате внутренних причин или существенно изменившихся условий¹⁵.

Появление новых определений понятий нормы здоровья и патологии человека объясняется развитием биологии и медицины, проникновением в эти феноменологические науки методов кибернетики, физики, математики, синергетики, теории хаоса.

Использование таких подходов обогащает абстрактное описание психосоциобиологических процессов, позволяет разрабатывать общие направления, которые по-новому представляют состояния здоровья или заболевания человека. При этом становится возможным создавать динамические атласы конкретного человека и групп людей от их рождения до смерти, которые являются их динамическими аутентичными моделями, обладающими описательными прогностическими и управляющими свойствами, что позволит прогнозировать и управлять процессами лечения и выздоровления¹⁶.

Рассмотрение здоровья в качестве динамического процесса во времени, зависящего от комплекса биосоциальных и экологических факторов, позволяет понять, что нарушения здоровья могут быть обусловлены действием целого комплекса факторов: информационных перегрузок и эмоционального напряжения; профессиональной деятельностью, связанной с влиянием неадекватных психических, физических и других раздражителей; гиподинамией; нарушений режима питания; жизни в экологически неблагоприятной среде обитания и т.д. Эти факторы способствуют развитию психического стресса, дизадаптации и хронического патологического десинхронизации, создающих серьезные предпосылки для развития дизрегуляторной патологии, манифестации скрытых патологических процессов, негативно отражающихся на психическом и физическом состоянии человека.

Десинхронизация биоритмов, как и в целом дизадаптация, относится к повреждениям нейрогуморальной регуляции, то есть к изменениям на уровне энергоинформационных процессов в биосистеме, что инициирует обменные, энергетические и структурные изменения, снижение общей неспецифической резистентности организма и развитие психосоматических и соматических расстройств. Разновидностью общей адаптивной системной реакции организма на воздействие внешних или внутренних факторов информационной природы является психический стресс, в развитии которого важную роль играют индивидуальные способности функционального состояния мозга. Одним из облигатных механизмов стресса является тревога, усиление которой в определенных условиях способствует мобилизации адаптивных механизмов, но ее высокая интенсивность лежит в основе нарушений психической адаптации, формирования патологических систем¹⁷.

Тревога, как известно, является одним из основных признаков стресса, первой стадией стресс-реакции, поэтому чрезвычайно актуальным является индивидуальный подход к изучению уровня стрессированности и стрессоустойчивости личности.

Осознание ведущих причин психического напряжения можно считать важным шагом на пути преодоления стресса. Трудности диагностики причин стресса во многом обусловлены их сложностью и сложностью самого феномена стресса, необходимостью анализа субъективных реакций человека на объективно происходящие вокруг него перемены, а также неоднозначностью теоретических представлений о происхождении стресса. Опросники, использующие фиксированные перечни различных стрессогенных ситуаций, слабо учитывают их субъективную значимость для человека и не способны охватить все возможные варианты жизненных перемен. Методики экспертной оценки значимости пережитых событий, как и способы наблюдения за поведением человека, трудоемки и малоприменимы на практике.

Все внешние психотравмирующие ситуации условно разделяют на группы, первая из которых включает утраты и лишения (смерть близкого человека, разлука и др.), а вторая – негативные средовые влияния (физическое или психическое насилие, угроза, травма и др.). В возникновении хронического психического стресса наряду с объективными факторами большое значение имеют субъективное восприятие, эмоционально-когнитивная оценка и особенности ответственной поведенческой реакции человека на стрессирующее воздействие. Субъективная значимость события определяется степенью его влияния на ведущие биопсихосоциальные потребности человека и отражается в эмоциональной и неразрывно связанной с ней когнитивной реакции, возникающей в ответ на это событие. Характер и выраженность такой эмоционально-когнитивной реакции зависят также от функционального состояния эмоциональной и когнитивной сфер человека, его прошлого опыта и т.д. Отрицательные эмоции возникают не только в ответ на внешнесредовые перемены, но и в процессе мысленных взаимодействий с окружающим миром (воспоминания о событиях прошлого, негативные мысли о настоящем, прогнозы на будущее). Еще одним источником отрицательных эмоций служат дискомфортные ощущения, порождаемые изменениями во внутренней среде организма при соматической патологии¹⁸.

Следовательно, проблема стресса, адаптации и функциональных нарушений, несмотря на интенсивные научные исследования в этой области, остается одной из наиболее актуальных тем современной психологии, медицины и биологии.

Устойчивость к экстремальным воздействиям является важной характеристикой, бази-

рующейся на генотипических и фенотипических особенностях индивидуума. Особую значимость имеет прогнозирование эмоционально-стрессовых реакций у лиц в условиях нагрузок, превышающих возможности адаптивных систем. В совокупности прогнозирование и анализ его результатов могут способствовать решению задач профилактики последствий эмоционально-стрессовых расстройств, которые являются причиной нервно-психических, сердечно-сосудистых, онкологических и других заболеваний. Это подтверждает актуальность проблемы стресса и изучения механизмов психофизиологической дезадаптации, а также позволяет определить эффективные методы диагностики и коррекции стресса, позволяющие оценить индивидуально-личностные аспекты психической дезадаптации; обеспечить психофизиологическую стрессоустойчивость, совершенствовать отбор лиц для участия в экстремальной деятельности, выработать стратегию мероприятий восстановления, проводить психофармакологическую коррекцию.

При любом психотравмирующем воздействии, вызывающем психические расстройства (невротического, неврозоподобного состояния или декомпенсацию поведения у психопатических личностей), в первую очередь возникает нарушение наиболее сложных форм социально детерминированного адаптивного поведения человека. Основу и степень выраженности дезадаптации психической деятельности определяют не только личностные особенности индивида и значимость стрессорного события, но и исходное функциональное состояние целостной нейро-эндокринной системы, и, в частности, ее гипоталамо-гипофизарно-адренкортикально звена.

С учетом анализа общих закономерностей механизмов психической дезадаптации весьма актуальным для пеницициарной практики и медицины является поиск адекватных теоретических подходов к оценке параметров адаптивных систем организма при стрессовых расстройствах. Изучение адаптации с точки зрения системного принципа, основанное на учении А.А. Ухтомского и П.К. Анохина, открыло возможность анализа динамической интеграции физиологических систем в процессе приспособления организма к изменяющимся условиям среды. Разрабатывая теорию функциональных систем (ФС) применительно к организации поведенческих актов, П.К. Анохин придавал большое значение эмоциям как фактору интеграции реакций организма, как процессу, объединяющему приспособительные возможности индивидуума по отношению к внешнему миру.

Дальнейшим развитием идей П.К. Анохина и отечественной научной мысли являются теоретические выкладки академика К.В. Судакова и его последователей о голографическом единстве (ГЕ) мироздания¹⁹.

Согласно данной теории в голографических построениях ФС ведущая роль принадлежит

принципу системного квантования процессов жизнедеятельности. Каждая ФС работает на своей частоте – информационном коде, обусловленном значением для жизнедеятельности ее конечного приспособительного результата. Фактором, осуществляющим в ФС синхронизацию различных входящих в них элементов, является результат деятельности ФС. Процессы системного квантования происходят на всех уровнях организации материи – атомном, молекулярном, гомеостатическом, поведенческом, включая организацию сообществ животных и человека. Каждый системоквант обладает свойствами дискретной частицы и волны. При этом сигнализация о потребности выступает в качестве опорной волны, а сигнализация об удовлетворении потребности – предметной. Взаимодействие опорной и предметной волн ФС осуществляется на основе резонирующих частотно-модулирующих процессов, обусловленных формированием потребности. Информация о потребности и ее удовлетворении оценивается в каждой ФС специальным аппаратом – акцептором результата действия (АРД), который выступает в функциональных системах в качестве информационного ГЕ. Именно на структурах АРД сигнализация о потребности и ее удовлетворении без потери информационного смысла трансформируется в идеальный процесс отражения действительности. Эта сторона жизнедеятельности подчеркнута рядом авторов. А.А. Ухтомский обозначал этот процесс как проекты действительности, Д.Н. Узнадзе – как «установку», И.С. Бериташвили – как «образы действительности», И.П. Павлов – как «отпечатки действительности» – динамический стереотип.

В социальных организациях отдельные индивиды объединяются в семейные, специальные, профессиональные, государственно-экономические структуры (страны) ФС со своими специфическими задачами, целями и результатами. Ведущая роль в информационных межличностных отношениях людей и в их популяциях принадлежит доминирующим социальным потребностям и формирующимся на их основе общественным мотивациям. На социальном уровне происходит трансформация индивидуальных потребностей составляющих популяцию индивидов в обобщенные социальные потребности, мотивации и поведение группы. Социальная популяция, ее потребности и результаты деятельности часто определяют поведение людей, которые становятся частью больших социальных систем в качестве их отдельных элементов. Человеческое общество представляет интеграцию различных саморегулирующихся ФС семей, производственных и административных объединений, военных формирований, разведывательных органов, государственных органов, научных сообществ и т.п. При этом имеется функциональная специализация по министерствам и ведомствам с многочисленными каналами обратной связи. Обобщенные потребности человеческих популяций, общественные

идеи формируют опорную голографическую волну, которая взаимодействует с информационным голографическим экраном (ИГЭ) популяций – знанием. Информация об удовлетворении общечеловеческих и индивидуальных потребностей составляет предметную волну. Роль информационного голографического экрана в человеческих популяциях выполняют общественные институты, исторический опыт и культурные духовные ценности, знания и т.п. Субъективная грань жизнедеятельности в процессе эволюции человека на материальной основе деятельности мозга трансформируется в индивидуальные и общественные формы сознания²⁰.

При взаимодействии индивидов их информационные отношения строятся на дистанционном динамическом взаимодействии доминирующих у них АРД. С голографической точки зрения происходит процесс взаимодействия ИГЭ отдельных личностей. Речь идет о своеобразном межличностном информационном резонансе. Такое взаимодействие может осуществляться на эмоциональной основе контактно или дистанционно с помощью специфических жестов, мимики, поведения и т.д. В последние годы дистанционное языковое взаимодействие все активнее включает межкомпьютерное информационное взаимодействие.

К.В. Судаков на этой основе сформулировал общий закон голографического единства мироздания. Согласно этому закону любые процессы косной и живой материи осуществляются дискретными саморегулирующимися системоквантами – единицами динамической деятельности ФС – от потребности к ее удовлетворению. При этом сигнализация о потребности выступает в форме опорной волны, а сигнализация об удовлетворении потребности – предметной информационной волны. Взаимодействие опорной и предметной информационных волн осуществляется на интерференционной основе волновых и дискретных процессов деятельности системоквантов. Взаимодействие системоквантов в мироздании происходит на топографической иерархической основе. Системокванты взаимодействуют по принципу иерархии их результатов. Системокванты более низкого уровня включаются в системокванты более высокого уровня. Закон голографического единства мира меняет сознание человека. При этом центр тяжести от антропоцентрического перемещается к космическому сознанию, согласно которому отдельные индивиды, их группы, популяции и государства выступают в качестве элементов больших ФС космического уровня. Будучи элементами системоквантов космического уровня, отдельные человеческие личности так же, как и их популяции, должны строить свою деятельность в унисон с деятельностью этих больших систем, не нарушая гармонии бытия²¹.

Анализ с этих позиций здоровья заключенных в пенитенциарных учреждениях выявляет главное противоречие, суть которого заключается в том, что исполнение наказания в виде лишения

свободы, не преследуя цели понижения здоровья осужденных, приводит к неизбежному и нарастающему снижению качества и уровня жизни, а следовательно, и здоровья по всем его составляющим. Нахождение в пенитенциарных учреждениях приравнивается к жизнедеятельности в экстремальных условиях, что объясняется действием большого комплекса фрустрирующих и стрессорных факторов. Последние выступают одновременно как в качестве предрасполагающих и обуславливающих развитие психического стресса и индуцируемой им психопатологии, так и в роли потенцирующих факторов, усугубляющих уже имеющиеся заболевания и различные процессы психической и психоэмоциональной дезадаптации. О важной роли социальных сдвигов – социального стресса – в повышении уровня общей заболеваемости населения и развитии нервно-психических расстройств говорят многие авторы, отмечая, что при длительных и интенсивных социальных изменениях, помимо стрессорных состояний, непосредственно возникающих у индивида, возникает стресс и в популяции, что приводит к снижению ее общего адаптационного потенциала и психических ресурсов, что проявляется в развитии широкого спектра психопатологических расстройств в виде психотических и невротических состояний, делинквентного и криминального поведения, нарастающей патологической агрессии и суицида, а также росте репродуктивной патологии, психосоматических и онкологических заболеваний и т.д.²²

С 1991 г. на территории России значительно увеличилось число случаев психических расстройств (в том числе у молодежи), самоубийств; растут преступность, криминальная смертность, наркотизация и алкоголизация населения, увеличивается количество других проявлений хронического стресса.

Стресс (англ. stress – давление, напряжение, нажим) является одним из базовых понятий современной психологии, медицины, биологии, философии и других наук. Его определяют как естественную приспособительную реакцию живого организма на любое возмущающее воздействие окружающей среды. Стресс рассматривается в трех основных аспектах: как ситуация, как состояние и как отсроченные негативные последствия. Согласно учению о стрессе Г. Селье, стресс – это «неспецифический ответ организма на любое предъявленное ему требование», а общий адаптационный синдром представляет собой совокупность адаптационных реакций, носящих общий защитный характер и возникающих в ответ на значительные по силе и продолжительности неблагоприятные воздействия – стрессоры²³. В развитии стресса выделяют три стадии: стадия тревоги (активации) с мобилизацией защитных ресурсов организма; стадия стабилизации (сопротивления), которая характеризуется нарастанием устойчивости организма, что приводит к стабилизации состояния и выздоровлению либо сменяется последней, третьей, стадией истощения (дистрессом),

которая может закончиться гибелью организма. Сущность развития стресса при сильных экстремальных воздействиях составляет совокупность неспецифических, физиологических и поведенческих проявлений адаптационной активности организма человека²⁴. При недостатке у человека стратегий, помогающих справиться со стрессовой ситуацией (копинг-стратегий), возникает напряженное состояние, которое в купе с первичными гормональными изменениями во внутренней среде организма вызывает нарушение его гомеостаза. При неэффективных попытках справиться с ситуацией, длительном или интенсивном, а также часто повторяющемся действии стрессора эмоциональное возбуждение может принять застойную стабильную форму и привести к срыву механизмов адаптации и развитию психических и психосоматических расстройств человека, заболеваний сердечно-сосудистой системы, желудочно-кишечного тракта, иммунной системы и др.

Существуют различные классификации стресса, отличающиеся как степенью его детализации, так и концептуальными подходами. Выделяют информационный, эмоциональный, коммуникативный и другие виды стресса. При этом считают, что на самом деле любой вид стресса является эмоциональным, независимо от того, вызван ли он недостатком информации, коммуникативной компетенции или другими причинами. Стрессы делятся также на острые и хронические, физиологические и психологические и т.д. В зависимости от ведущего средового фактора, характера и других свойств стрессора выделяют травматический, межличностный, личностный, семейный, общественный, профессиональный, пенитенциарный и другие виды стрессов²⁵.

Особенностью развития стресса является полиморфность его проявлений: в эмоциональной сфере – это чувство тревоги, переживание страха, печали или гнева; в когнитивной – нарушение концентрации внимания, ошибки мышления и т.д.; в мотивационной – мобилизация сил или, напротив, капитуляция; в поведенческой сфере – изменение активности деятельности, бегство или нападение и т.д.

Необходимо отметить, что различные представления о сущности стресса, его теории и модели во многом противоречат друг другу. В этой области не существует установившейся терминологии. Даже определения стресса часто существенно различаются. Правда, такое положение характерно и для описания целого ряда других психических и функциональных состояний и процессов, таких как адаптация, утомление и т.д.

Под эмоциональным стрессом понимают широкий круг изменений психических и поведенческих проявлений, сопровождающихся выраженными неспецифическими изменениями биохимических, электрофизиологических показателей и другими реакциями²⁶. Ю.Л. Александровский с эмоциональным стрессом связывает напряжение барьера психической адаптации,

а патологические последствия эмоционального стресса – с его прорывом²⁷. Основными теориями и моделями психологического стресса являются следующие: генетически-конституциональная теория, модель предрасположенности (diathesis) к стрессу, психодинамическая и междисциплинарная модель, стресс как совокупность поведенческих реакций на социально-психологические стимулы, системная и интегративная модели стресса и другие²⁸.

Особую актуальность имеет анализ стресса у осужденных в пенитенциарных учреждениях. Так, попадая в места лишения свободы, осужденный сталкивается с жесткой регламентацией жизнедеятельности, как официальными, так и неофициальными нормами и правилами, которым он вынужден подчиняться. В этой среде существуют свои неписанные законы, насаждаемые наиболее криминальной частью заключенных, и неподчинение им может привести к самым печальным (вплоть до насильственной смерти) последствиям. Именно на пагубное влияние криминальной среды как переживание особого рода социального стресса указывал еще Ф.М. Достоевский, который в «Записках из мертвого дома» писал: «В каторжной жизни есть еще одна мука, чуть ли не сильнейшая, чем все другие. Это: вынужденное общее сожительство. Общее сожительство есть, конечно, и в других местах; но в острог-то приходят такие люди, что не всякому хотелось бы сживать с ними»²⁹.

Необходимость выделения пенитенциарного стресса обусловлена в первую очередь специфичностью действия разнообразных стресс-факторов пенитенциарной среды³⁰. Определенным сходством с пенитенциарным стрессом обладает принятое в зарубежной литературе понятие стресса тюремной среды (jail environment stress), рассматриваемое в качестве ситуационного стресса³¹. К пенитенциарным стрессорным факторам относят различные по своей природе, интенсивности (травматичности) и длительности «обстановочные» раздражители, важнейшими из которых являются тюремная социальная депривация и сама криминогенная среда. Другие важнейшие пенитенциарные стрессоры – это десинхронизация (расогласование ритма сна и бодрствования), монотонность, пространственное и двигательное ограничение (гипокинезия), снижение доступа информации (сенсорный голод), одиночество, групповая изоляция, постоянная угроза жизни и физического насилия и т.д. К стрессогенным факторам пенитенциарной среды относятся также скученность и различные бытовые проблемы³². Длительный информационный дефицит, возникающий при воздействии первых четырех факторов, особенно монотонности ощущений, и понимаемый как недостаточность или отсутствие высоко значимой сигнальной информации, может приводить к функциональным нарушениям деятельности мозга, описанным как информационный невроз.

Актуальность анализа проблемы пенитенциарного стресса во многом обусловлена негатив-

ным характером его влияний не только на самих осужденных, но и обслуживающий персонал. Как уже указывалось, нахождение заключенных в ИУ и деятельность обслуживающего персонала в настоящее время ведущие пенитенциарные исследователи приравнивают к экстремальным условиям жизнедеятельности³³.

Все больше появляется работ, в которых пенитенциарный стресс рассматривается в качестве ведущего, если не основного, фактора развития у заключенных различных психических и психосоматических расстройств, в том числе посттравматического стрессового синдрома, депрессивных состояний и суицида, различных форм патологической, внешне немотивированной агрессии, правонарушений и других форм патологического поведения³⁴.

Большинство авторов под пенитенциарным, или так называемым тюремным, стрессом понимают комплекс психологических переживаний личности, оказавшейся в условиях искусственной изоляции, что в целом позволяет рассматривать пенитенциарный стресс в качестве психологического стресса или похожего состояния – эмоциональной напряженности³⁵. В медицинской литературе чаще употребляются термины «психический», «эмоциональный» и «психоэмоциональный» стресс, а в психологии – «психологический». Пенитенциарный стресс определяется также в терминах «психическая дезадаптация», «психопатизация», «тюремизация», синдром «тюремной социальной депривации» и других, психологическим эквивалентом которых является специфичный комплекс переживаний по типу психопатологических реакций и личностных сдвигов³⁶.

Особую важность, по мнению А.И. Ушатикова и Б.Б. Козака, в формировании пенитенциарного стресса (эмоциональной напряженности) играют такие факторы, как чувство позора, негативные эмоции во время ареста, скученность в ИУ, плохие новости с «воли» и отсутствие вестей из дома, насильственное вступление в гомосексуальную связь, пребывание первый раз в одиночном заключении, неожиданно возникшая задержка с вынесением приговора в суде, ощущение вины, избивание другими заключенными, заключение на длительный срок без вынесения приговора и др.

Как указывает С.Б. Пономарев с соавторами³⁷, ведущей причиной пенитенциарного стресса является тюремная социальная изоляция (депривация), с которой тесно связаны психическая, эмоциональная и сенсорная депривации. Авторы считают, что социальная депривация при тюремной изоляции неизбежно завершается социальной адаптацией к тюремным условиям, то есть приспособлением личности к новым условиям жизнедеятельности в микросоциуме осужденных. И если одни заключенные быстро и хорошо адаптируются к условиям содержания в местах лишения свободы, то для других это представляет значительные трудности и сопровождается развитием тяжелых психиче-

ских и соматоформных расстройств, включая формирование процессов негативной адаптации и дезадаптации, призонизации личности и синдрома карцеризации. В работе указанных авторов делается попытка обобщения синдрома комплекса тюремной социальной депривации и его опосредованное отождествление с «фрустрационным синдромом», «синдромом тоски», «болезнью колючей проволоки», «синдромом концентрационных лагерей», «срывом адаптации», «посттравматическим неврозом», «военной усталостью», эмоциональным выгоранием, а также синдромом хронической усталости (СХУ) и посттравматическим стрессовым расстройством (ПТСР). По мнению авторов, общим для всех этих состояний является то, что хронологически они, как правило, относятся к третьей стадии реакции развития стресса по Международной классификации болезней и помещены в раздел «Реакция на тяжелый стресс и нарушение адаптации». Кроме того, несмотря на большое количество теорий, до сих пор отсутствует единство мнений по вопросам этиологии, патогенеза и диагностики СХУ, ПТСР и других состояний.

В ходе исследований психологического тюремного (пенитенциарного) стресса у подростков, отбывающих срок наказания в учреждениях уголовно-исполнительной системы, С.Б. Пономарев с соавторами выявил значительные длительные нарушения функционирования иммунной, эндокринной, нервной и кардиореспираторной систем в ответ на действия тюремной социальной депривации. У большинства обследованных подростков обнаружены выраженный иммунодефицит, «выгорание» адаптационных резервов организма, десинхронизация и другие серьезные нарушения здоровья с риском развития онкологических, сердечнососудистых и аутоиммунных заболеваний, нервно-психических расстройств и др. По мнению авторов, это требует организации специализированной подростковой медицинской службы в УИС, создания системы подготовки и переподготовки кадров подростковых пенитенциарных врачей, психиатров и т.д.

По данным И.А. Чибисовой, в структуре пенитенциарного стресса у подростков могут быть представлены различные нарушения: от психотических и субпсихотических до неврозоподобных реакций. Значительная часть психогенно обусловленных психических расстройств начального этапа пенитенциарного стресса в дальнейшем приобретают рецидивирующее течение с периодами обострений в период исполнения наказания. Описаны следующие типы реагирования подростков на пенитенциарный стресс: острый тип реагирования, включающий «острую реакцию на стресс» с аффективно-шоковыми реакциями, «депрессивный эпизод тяжелой степени с психотическими симптомами»; подострый тип реагирования, включающий депрессивные эпизоды средней и легкой степени; рецидивирующий тип с периодами обострения

и нивелировки расстройств в виде «продолженной депрессивной реакции», ПТСР с длительным, волнообразным течением; континуальный тип, характеризующийся стойкими, постоянными, продлженными субдепрессивными реакциями на всех этапах пенитенциарного стресса и проявляющийся сниженным настроением, чувством тревоги, расстройствами сна; реагирование по типу невротических реакций и невротоподобных проявлений и т.д.³⁸

Важным условием совершенствования стратегий и путей исправления несовершеннолетних осужденных является создание воспитательных учреждений нового типа, в которых будут предусмотрены возможности для медико-психологической и медико-социальной реабилитации заключенных юношеского и молодого возраста. Это обусловлено целым рядом причин, среди которых на первом месте по значимости следует выделить необходимость сохранения и возвращения к нормальной жизнедеятельности большого контингента молодых людей; снижением общего нравственного потенциала педагогического воздействия на детей и подростков, что приводит к неизбежному углублению процессов их духовно-социальной деградации и криминализации; все возрастающей потребностью в более детальном объективном и своевременном психолого-психиатрическом обследовании и оказании всесторонней медицинской и, что особенно важно, квалифицированной психиатрической помощи и т.д.

Главным в плане медико-социального воздействия на личность несовершеннолетних и осужденных молодого возраста должен являться комплекс современных оздоравливающих методов пенитенциарной медицины, и в первую очередь психолого-психиатрических, для снятия и коррекции стрессовых состояний. При этом основой их перевоспитания и личностно-социальной реабилитации остается синтез психолого-педагогических и социально-педагогических воздействий с учетом достижений и принципов отечественной педагогики³⁹.

Необходимо отметить, что расширение представительства психиатрической службы в современной пенитенциарной системе не подразумевает каких-либо противозаконных или насильственных мер, а напротив, предопределяет использование самых последних и наиболее гуманных подходов и методов, направленных на всестороннее изучение и раскрытие позитивных свойств личности осужденных, профилактику стрессовых расстройств и коррекцию психопатологических состояний и нарушений поведения.

В связи с тем, что в советский период некоторые представители отечественной психиатрии в большей степени руководствовались постановлениями и указаниями партии и руководящих структур, чем голосом совести и профессиональной этикой, советская психиатрия, несмотря на большой вклад в науку, была охарактеризована западными СМИ и отечественными

правозащитниками как карательная и принудительная медицина. По всей видимости, именно это положение явилось главным для упреков в адрес психиатрической пенитенциарной помощи и малооправданному понижению ее роли и значимости в воспитательных и исправительных учреждениях⁴⁰.

Как указывает Е.М. Сандомирский, сенсорная монотония в сочетании с социальной изоляцией приводит к изменению характера отношений с окружающими, что может рассматриваться в качестве особого стресса, приводящего к психологической нетерпимости, росту агрессивности и, как следствие, уменьшению «социальности». Если индивидуальная изоляция приводит к тревожности, неуравновешенности и неустойчивости настроения, то следствием групповой изоляции («зимовочный синдром») являются депрессивные проявления, враждебность, нарушение сна и ослабление когнитивных функций. При длительной групповой изоляции отмечаются нарушения в сфере взаимоотношений, приводящие к конфликтам и появлению в группе «отверженных».

К числу факторов пенитенциарной среды, затрудняющих адаптацию, относят также частые межличностные конфликты, недоброжелательность окружения, грубость обращения, бытовые условия, криминальную субкультуру, постоянное психологическое давление как со стороны персонала пенитенциарных учреждений, так и со стороны криминальных неформальных групп. Переживание же осужденным обстоятельств, связанных с совершением преступления и последующей социальной изоляцией (арестом, следствием, приговором суда и помещением в исправительное учреждение), по мнению М.Е. Сандомирского, имеет много общего с симптомами посттравматических стрессовых расстройств с характерным ощущением разрушения привычного порядка и потери смысла жизни. К типичным проявлениям психической дезадаптации у осужденных относят астено-невротические, тревожно-депрессивные и диссоциированные расстройства, отражающие различные стадии и уровень протекания пенитенциарного стресса. Расстройства психической адаптации у осужденных наиболее часто проявляются в виде апатии, безынициативности, отгороженности либо по типу деструктивной агрессивности, аффективной неустойчивости и снижения толерантности к психологическим факторам⁴¹.

Актуальность проблемы пенитенциарного стресса отмечал и директор Федеральной службы исполнения наказаний Ю.И. Калинин, по мнению которого, попадая в места лишения свободы, многие осужденные испытывают стресс и глубокие переживания в связи со строгим распорядком, оторванностью от семьи, скученностью, необходимостью отстаивать свой статус⁴². Детально изучая клинко-психологические проявления пенитенциарного стресса, многие авторы указывают на необходимость снижения стрессогенности длительного содержания людей в

условиях изоляции с целью предупреждения повышенной тревожности, страха, постоянного беспокойства, ожидания угрозы со стороны окружающего мира депрессии, а также озлобленности и агрессивности у осужденных⁴³.

Наиболее тяжело пенитенциарный стресс переносят осужденные, страдающие олигофренией, у которых отмечаются различные нарушения адаптационных процессов, а при применении суровых мер взыскания они становятся злостными нарушителями режима ИТК⁴⁴.

Таким образом, пенитенциарный стресс не только понижает уровень и качество жизни осужденных, то есть является основным фактором нарушения их здоровья и процессов адаптации, но и, как показывают исследования, в значительной степени усугубляет имеющуюся психопатологию осужденных, с которой они попадают в места заключения. Сегодня это особенно актуально, поскольку в ИУ попадает все большее количество лиц с различными формами психических расстройств. Для учреждений уголовно-исполнительной системы в целом характерна следующая структура психических и поведенческих расстройств: самая распространенная патология – психические расстройства и расстройства поведения, связанные с употреблением психоактивных веществ; на втором месте – органические и симптоматические расстройства; на третьем месте – поведенческие синдромы, связанные с физиологическими нарушениями и физическими факторами; на четвертом месте – расстройства личности и поведения в зрелом возрасте; пятое место занимает умственная отсталость легкой степени; остальные психические и поведенческие расстройства встречаются среди осужденных реже⁴⁵.

(Продолжение статьи см. в № 9).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Пищелко А.В., Сочивко Д.В. Реадаптация и ресоциализация. М., 2003; Поздняков В.М. Воспитательно-трудовые колонии: возможности радикальных преобразований // Совершенствование деятельности воспитательно-трудовых колоний и профилактика молодежной преступности: Сб. науч. тр. М., 1992.

² См.: Ананьев В.А. Основы психологии здоровья // Концептуальные основы психологии здоровья. СПб., 2006. С. 7; Бойко О.В. Охрана психического здоровья. М., 2004. С. 12.

³ См.: Черносивитов Е.В. Социальная медицина. М.; Екатеринбург, 2003. С. 19.

⁴ См.: Никифоров Г.С. Психология профессионального здоровья. СПб., 2006. С. 6.

⁵ См.: Там же. С. 46.

⁶ См.: Ананьев В.А. Основы психологии здоровья. С. 25.

⁷ См.: Малкина-Пых И.Г. Экстремальные ситуации. М., 2006. С. 31.

⁸ См.: Никифоров Г.С. Психология профессионального здоровья. С. 53.

⁹ См.: Ананьев В.А. Основы психологии здоровья. С. 30.

¹⁰ См.: Малкина-Пых И.Г. Экстремальные ситуации. С. 72.

¹¹ См.: Черносивитов Е.В. Социальная медицина. С. 26.

¹² См.: Ананьева В.А. Основы психологии здоровья. С. 64.

¹³ См.: Никифоров Г.С. Психология профессионального здоровья. С. 74.

¹⁴ См.: Кураев Г.А., Воинов В.Б. Психофизиологические представления о формировании, развитии и сохранении здоровья человека // Вестник новых медицинских технологий. 2004. Т. XI. № 12. С. 5–6.

¹⁵ См.: Там же.

¹⁶ См.: Еськов В.М. и др. Понятие нормы и патологии в фазовом пространстве состояний с позиции компартментно-кластерного подхода // Вестник новых медицинских технологий. 2005. Т. XII. № 1. С. 2.

¹⁷ См.: Акоева Л.А. и др. Здоровье студентов: психический стресс как нарушение информационных процессов в организме // Вестник новых технологий. 2003. Т. X. № 3. С. 38–39.

¹⁸ См.: Григорьева В.Н., Тхостов А.Ш. Оценка причин эмоционального стресса у больных с неврологической патологией // Вестник новых медицинских технологий. 2003. Т. X. № 4. С. 29–33.

¹⁹ См.: Судаков К.В. Голографическое единство мироздания // Вестник новых медицинских технологий. 2002. Т. IX. № 1. С. 6.

²⁰ См.: Там же.

²¹ См.: Там же.

²² См.: Величковский Б.Т. Реформы здоровья населения (Пути преодоления негативных последствий). Воронеж, 2002; Виткин Дж. Женщина и стресс. СПб., 1996.

²³ См.: Селье Г. Очерки об адаптационном синдроме. М., 1960. С. 54.

²⁴ См.: Абабков В.А., Перре М. Адаптация к стрессу. СПб., 2004. С. 16.

²⁵ См.: Гринберг Дж. Управление стрессом. СПб., 2004. С. 76.

²⁶ См.: Судаков К.В. Голографическое единство мироздания. С. 86; Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. М., 1983. С. 87.

²⁷ См.: Александровский Ю.А. Психические расстройства (диагностика и терапия в общемедицинской практике): Краткое руководство. М., 2007. С. 23.

²⁸ См.: Бодров. Психологический стресс: развитие и преодоление. М., 2006. С. 94.

²⁹ См.: Достоевский М.Ф. Записки из мертвого дома. Мурманск, 1982. С. 176.

³⁰ См.: Сандомирский Е.М. Психическая адаптация в условиях пенитенциарного стресса и личностно-типологические особенности осужденных. Уфа, 2001. С. 19.

³¹ См.: Bonner R.L., Rich A.R. Psychosocial vulnerability, life stress and suicide ideation in a jail population: across-validation study // Suicide Life-Threat. Behav. 1990. V. 20. № 3. P. 213–424.

³² См.: Сандомирский Е.М. Психическая адаптация в условиях пенитенциарного стресса и личностно-типологические особенности осужденных. С. 25.

³³ См.: Пищелко А.В., Сочивко Д.В. Реадаптация и ресоциализация. М., 2003; Сочивко Д.В. Психодинамика. М., 2003; Сочивко Д.В., Литвишков В.М. Пенитенциарная антропология. Опыт систематизации психолого-педагогической теории и практики в местах лишения свободы. М., 2006.

³⁴ См.: Алферов Ю.А., Козюля В.Г. Дезадаптация и устойчивость человека в преступной среде: Учеб. пособие. Домодедово, 1996; Пономарев С.Б. и др. Синдром тюремной социальной депривации в молодом возрасте. Екатеринбург, 2008; Семке В.Я., Гусев СИ. Снигирева Г.Я. Пенитенциарная психология и психопатология: Руководство: В 2 т. / Под ред. В.Я. Семке, А.С. Кононца. М.; Томск; Кемерово, 2007.

³⁵ См.: Ушатиков А.И., Казак Б.Б. Пенитенциарная психология: Учеб. 2-е изд., перераб. и доп. Рязань, 2003.

³⁶ См.: Семке В.Я., Гусев СИ. Снигирева Г.Я. Пенитенциарная психология и психопатология.

³⁷ Пономарев С.Б. и др. Синдром тюремной социальной депривации в молодом возрасте.

³⁸ См.: Психические расстройства у подростков, ассоциированные с пенитенциарным стрессом // Российский психиатрический журнал. 2006. № 4.

³⁹ См.: Пищелко А.В., Сочивко Д.В. Реадаптация и ресоциализация. М., 2003; Сочивко Д.В. Психодинамика. М., 2003.

⁴⁰ См.: Черносивитов Е.В. Прикладная социальная медицина. М., 2004.

⁴¹ См.: Сандомирский Е.М. Психическая адаптация в условиях пенитенциарного стресса и личностно-типологические особенности осужденных. С. 47.

⁴² См.: Преступление и наказание. 2005. № 5. С. 3–6.

⁴³ См.: Антонян Ю.М., Мухлин А.С. Гуманизация и дифференциация условий содержания осужденных // Государство и право. 1997. № 7. С. 16–18; Човдырова Г.С. Проблемы стресса, психической дезадаптации и повышения стрессустойчивости личности в условиях социальной изоляции. Тюремная библиотека. Вып. 4. С. 293.

⁴⁴ См.: Королев В.Ю., Кудрявцев В.Н. Особенности поведения в ИТК осужденных, страдающих олигофренией // Личность осужденных и вопросы исправления перевоспитания. М., 1986. С. 27.

⁴⁵ См.: Трубецкой В.Ф., Трифонов О.И. Профилактика правонарушений и преступлений, совершаемых лицами, имеющих психические расстройства: Методические рекомендации. М., 2006.

Особенности отношения ко времени у наркозависимых

Т.Н. ДЕНИСОВА – заведующая кафедрой практической психологии Вологодского государственного педагогического университета, кандидат психологических наук, доцент

В статье рассматривается характерное проявление наркотической зависимости – аддиктивный ритм, определяющий практически всю жизнедеятельность наркомана. Согласно трехуровневой концепции времени, предложенной автором, субъект может представлять время как точечное, циклическое или глобальное. Результаты исследования свидетельствуют о значимых различиях в отношении ко времени у здоровых и наркозависимых. Наркозависимые демонстрируют склонность к точечному времени, в то время как для успешной и устойчивой социально-трудовой адаптации необходима концепция глобального либо циклического времени.

Ключевые слова: время; наркомания; аддиктивный ритм; концепция трехуровневого времени.

Актуальность выбора темы вызвана неуклонным ростом заболеваемости наркоманией у молодых людей трудоспособного возраста. Такие больные формально являются трудоспособными, но реально нигде не работают и не учатся, многие нарушают закон и становятся преступниками. Находясь в местах лишения свободы, они нуждаются в психокоррекционной работе и социально-трудовой реабилитации. Учитывая огромную социальную значимость психического здоровья населения, которое является базисной социальной ценностью, и важность поиска наиболее эффективных путей психокоррекции, социально-трудовой реабилитации и реадaptации наркозависимых, мы решили выявить особенности отношения наркозависимых ко времени.

Время выступает одним из основных понятий, которым пользуются и в науке, и в обыденной жизни. Оно позволяет связать воедино отдельные процессы, события, предметы в образе мира субъекта¹. Образ мира строится на основе временной схемы мира, а умение решать временные задачи (задачи временного упорядочения и синхронизации, разбора прошлого опыта и планирования будущего) является одним из важнейших условий эффективности любой социально-трудовой деятельности². Чем эффективнее и рациональнее человек использует время, чем шире его временные возможности, тем успешнее он будет и как личность, и как профессионал.

Характеристика наркомании. Наркоманией называется группа заболеваний, которые проявляются во влечении к постоянному приему в возрастающих количествах наркотических веществ вследствие стойкой психической и физической зависимости от них, с развитием абстиненции при прекращении их приема³. За последние 10 лет в России отмечен семикратный рост наркомании. Если учесть, что наркотические средства потребляют в основном молодые люди в возрасте до 25 лет, становится понятной актуальность

проблемы. Важным аспектом рассматриваемого вопроса является и огромный риск распространения ВИЧ и других острых инфекционных заболеваний (например, гепатитов), которые представляют угрозу для жизни.

Несмотря на то, что зависимость от психоактивных веществ (ПАВ) является болезнью, у этой группы заболеваний есть принципиальное отличие от других болезней. Оно заключается в наличии периодов субъективно приятного состояния, которое больные получают в результате употребления ПАВ. Выделяют два основных мотива употребления наркотиков: 1) поиск удовольствия, хорошего настроения, увеличения активности, искусственной эйфории; 2) попытка с помощью химических веществ избавиться от неприятных переживаний или состояний, плохого настроения, затруднений в общении и т.п.⁴ Нетрудно заметить, что в обоих случаях человек должен быть неудовлетворен своим настоящим.

Однако аддиктивное (зависимое) поведение отличается от обычных для каждого человека способов отвлечения от повседневных забот. При аддиктивных реализациях желание ухода перерастает в непреодолимую потребность, и все мысли субъекта заняты поиском способов ее реализации. Происходит установление эмоциональных отношений и связей не с другими людьми, а с неодушевленным предметом или активностью, и только этот объект (суррогат) становится со временем источником и целью всех направленных поведенческих актов. У больных наркоманией отмечаются серьезные личностные изменения. Процесс становления аддиктивного поведения всегда сопровождается проявлениями механизмов психологической защиты. Основными формами психологической защиты у них являются отрицание, регрессия и компенсация. Для большинства аддиктов типичны гедонистические установки, то есть стремление к получению удовольствия немедленно и любой ценой. Но, несмотря на гедонизм, зави-

симые люди одинаково равнодушны не только к окружающим, но и к самим себе. Их эмоции становятся примитивными, развитие тормозится. Для наркозависимых характерна иллюзия контроля над своими аддиктивными проявлениями (большинство из них уверены в возможности самостоятельно прекратить аддиктивную реализацию в любой момент). Для нас представляет интерес понятие «аддиктивный ритм», который выражается в установлении определенной последовательности прибегания к средствам аддикции. Со временем аддиктивный ритм вытесняет естественный и становится интегральной частью личности, методом выбора при встрече с любыми жизненными трудностями. На этапе полного доминирования аддиктивного ритма он целиком определяет стиль и ритм жизни.

Итак, говоря о характерных проявлениях наркотической зависимости, мы отмечаем значительное изменение образа жизни, появление особого аддиктивного ритма и стиля жизни, определяющих практически всю жизнедеятельность наркомана. Все его действия направлены на то, чтобы добыть наркотик. Трудно найти успешно работающего или учащегося наркозависимого. Трудоспособность их существенно нарушена, ритмы жизни искажены и не соотносятся с окружающими ритмами. Многие из них нарушают закон, воруя, чтобы добыть наркотики.

Весьма схожие с вышеуказанными психологические характеристики личности имеют лица с отклоняющимся поведением. Проблему отношения ко времени у зависимых лиц (ранняя алкоголизация, отклоняющееся поведение) исследовали Ж.С. Мамедова, А.Н. Гусев, В.С. Хомик и А.А. Кроник⁵. Последние проанализировали отношение к настоящему и будущему юношей из воспитательно-трудовой колонии и здоровых юношей. Было выявлено, что переживания настоящего резко отличаются у этих двух групп. Отличительной чертой благополучных юношей является акцент на ценности настоящего времени, а девиантов – на гедонистическом к нему отношении. Авторы выявили также, что у благополучных юношей протяженность перспективных временных ориентаций существенно длиннее, чем у неблагополучных. Интересны практические рекомендации исследователей: необходимость формировать критерии ценностного отношения ко времени, способность правильно оценивать значение и полезность текущих событий жизни. Подчеркивается, что юноши-правонарушители должны начать «новую жизнь», то есть разрушить сложившуюся картину прежней жизни и построить новую, связывающую здоровые аспекты прошлого с социально и личностно значимыми целями будущего. Нам представляется, что данные рекомендации практически полностью соответствуют направлениям психокоррекционной и реабилитационной работы с большими наркоманией.

Специфика поведения больных наркоманией в стационаре. Анализ имеющихся в психологи-

ческой литературе исследований, посвященных отношению ко времени и нарушению отношения и понимания времени у лиц с нервно-психической патологией, мы хотим дополнить нашим опытом работы с большими наркоманией. В стационарных отделениях психиатрической больницы для лечения указанных больных предусматривается определенный режим дня с указанием конкретных часов для проведения лечебных процедур, психотерапии и трудотерапии.

Больные наркоманией отличаются крайней неорганизованностью, несоблюдением графика лечебных мероприятий, нуждаются в постоянном контроле. Для них характерно быстрое «остывание», то есть потеря интереса к любой деятельности при практически полном неумении самостоятельно занять себя. Основное их времяпрепровождение – бесцельное «шатание» по отделению, курение, разговоры о наркотиках. Наркозависимые, как правило, делят свое прошлое на часть жизни, которая предшествовала употреблению наркотиков, и период употребления наркотиков, оставляя за пределами своего внимания любые другие события своей жизни и жизни окружающих их близких людей.

Практически у всех наркозависимых мы наблюдаем существенный пробел в планировании конкретных событий будущего. В лучшем случае от них можно услышать достаточно туманные формулировки: «Перестану колотиться, найду хорошую работу, заведу семью». Но эти заверения не подкреплены никакими представлениями о том, как, каким образом это будет сделано, какие усилия они сами будут предпринимать для реализации своих целей. Будущее представлено только в фантазиях, мечтах как нечто, что появится само собой, либо вообще никак не представляется. По нашим многочисленным наблюдениям, наркозависимые с большим трудом способны выделить из своего прошлого события, на которые можно опираться как на позитивные, и практически не способны «увидеть» свое будущее.

Концепция трехуровневого времени. Обобщив известные исследования на тему отношения ко времени, мы предложили трехуровневую концепцию времени, согласно которой субъект может представлять время как точечное, циклическое или глобальное⁶.

К характеристикам точечного времени относятся ограниченность ситуацией, желаемой или действительной; слабая взаимосвязь между прошлым, настоящим и будущим, отсутствие последовательного перетекания одного в другое, нарушение причинно-следственных связей; эгоцентризм (это «только мое» время, оно ограничено событиями собственной жизни, эмоциональными переживаниями о прошлом и эмоциональными представлениями-надеждами о будущем); наличие начала и конца; отсутствие идеи бесконечности; может иметь пустоты (выпадение прошлого, настоящего или будущего).

Циклическое время отличается замкнутым циклом, который повторяется без изменения. Есть идея бесконечности, так как циклы повторяются бесконечное количество раз; внутри цикла существуют движение прошлое–настоящее–будущее, то есть развитие от прошлого к будущему, присутствует внутренняя логика развития; имеется одно направление; есть начальная точка отсчета и конечная точка развития, которые переходят одна в другую; отсутствует развитие от цикла к циклу.

Глобальное время не зависит от времени жизни конкретного субъекта или времени развития исторической эпохи (было до них и будет после них); оно бесконечно, не имеет начала и конца; имеет направление (или много направлений); развивается, движется, расширяется; многомерно, имеет объем.

Мы предполагаем, что субъект, обладающий концепцией точечного времени, плохо опирается на прошлый опыт, слаб в планировании, не способен синхронизироваться с окружающими ритмами и темпами, не способен устанавливать адекватные причинно-следственные связи, видеть цели и предпринимать адекватные настоящему попытки их реализации. Субъект с концепцией точечного времени буквально «привязан» к определенным моментам своей жизни, зависим от них. Его психологическое время разорвано, представляет собой отдельные хронологические интервалы и события сами по себе, без их взаимосвязей.

Субъект с концепцией циклического времени способен опираться на прошлый опыт и планировать будущее, но в ограниченных пределах. Он, скорее, исполнитель. Субъект с концепцией глобального времени способен к разбору прошлого опыта и планированию будущего с учетом окружающих ритмов и процессов, своевременен, учитывает многие возможности.

Нам представляется, что для успешной и устойчивой социально-трудоустройственной адаптации субъект должен обладать концепцией глобального либо циклического времени. Наша задача – проследить, как относятся наркозависимые ко времени.

Интерпретация и анализ данных эмпирического исследования. Исследованы группы здоровых молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет, учащихся либо работающих (220 чел.) и больных опийной (героиновой) наркоманией (130 чел.). Эмпирическое исследование на первом этапе включало в себя семантическое оценивание понятий «время», «прошлое», «настоящее» и «будущее». Использовался стандартный 25-шкальный семантический дифференциал.

Выявлены значимые отличия в отношении ко времени у здоровых и наркозависимых. В первую очередь отметим особенности отношения к настоящему: здоровые испытуемые оценивают настоящее как значимо более активное и напряженное, чем прошлое, а наркозависимые – как значимо более печальное и тяжелое. Анализи-

руя восприятие шкалы «хаотичное–упорядоченное», можно сделать вывод о том, что настоящее представляется больными лицами более хаотичным, чем прошлое, а будущее – более упорядоченным, чем настоящее; отсутствует (в отличие от нормы) статистическая корреляция между семантическими кодами прошлого, настоящего и будущего. Таким образом, наркозависимые склонны к точечному времени. Это подтверждается и значимостью шкалы «хаотичное–упорядоченное» для наркозависимых испытуемых в оценке времени и его составляющих или, иными словами, отсутствием структурированности в своем внутреннем мироощущении, которое проецируется на реальный мир. Хаотичность времени означает отсутствие адекватной временной связности образа мира, что и происходит при понимании времени как точечного в нашей интерпретации.

На втором этапе исследования испытуемым предлагался вариант цветового теста отношений (ЦТО). В ЦТО используется стандартный набор цветов из теста М. Люшера и его интерпретация цветовых выборов⁷. Испытуемый выбирает цвета, с которыми ассоциируется время и его компоненты – прошлое, настоящее и будущее. Было выявлено, что при оценке времени наркозависимыми серый цвет занимает первую позицию. Оптимистичный желтый и активный красный отнесены ими на пятую позицию. Активность времени, как мы уже показывали, – это характеристика, которую приписывают времени здоровые люди. Красный цвет у здоровых молодых людей занимает вторую позицию, желтый – третью, зеленый – первую. При оценке прошлого больные предпочитают синий, черный и серый цвета (здоровые – серый, зеленый, красный), при оценке настоящего – зеленый, серый, желтый (здоровые – зеленый, красный, желтый), при оценке будущего – зеленый и синий (здоровые – желтый и фиолетовый). Интересно, что красный цвет избегается наркозависимыми при всех вариантах оценивания.

Следующий этап эмпирического исследования представлял собой графическое изображение времени с помощью восковых мелков 10 цветов. После того, как испытуемый рисовал «время», его просили разделить рисунок на три части – прошлое, настоящее и будущее. Рисунки анализировались по нескольким критериям, как распространенным в психологических исследованиях (например, физические характеристики рисунка), так и специфические (например, анализ последовательности прошлого, настоящего, будущего, а также рисунков с целью выявления уровня концепции времени их авторов). Было выявлено, что наркозависимым испытуемым присуще несколько значимых отличий от нормы. Это, в частности, уровень концепции времени и взаиморасположение прошлого, настоящего и будущего. Здоровые испытуемые (84%) представляют время как логическое перетекание из прошлого через настоящее в будущее, у

больных эта последовательность нарушалась. Уровень точечного времени был выявлен у 12% здоровых испытуемых и у 72% больных наркоманией. Столь же существенные различия получены по уровню глобального времени – у 42% здоровых и только у 4% больных наркоманией. Причем больным наркоманией уровень точечного времени присущ даже в большей степени, чем, например, больным шизофренией.

Являются ли эти особенности факторами, способствующими заболеванию, либо они являются следствием заболевания? Для ответа на этот вопрос, безусловно, требуются дальнейшие исследования. Мы склонны предполагать, что частично отмеченные особенности измененного отношения ко времени присутствуют до заболевания, а впоследствии, с началом и развитием заболевания, усугубляются еще больше. Из этого следует, что, выявляя группы риска, мы можем предупредить возникновение ряда нервно-психических нарушений и различных зависимостей. Известным является факт, что, как правило, в семьях (или прасемьях) больных наркоманией обязательно находятся зависимые (алкогольная или наркотическая зависимость, переядание, склонность к азартным играм и пр.), то есть зависимость определенным образом наследуется, наследуются репертуары поведенческих ролей, стереотипы поведения. Можно предположить, что неблагополучные родители передают своим детям и некомпетентность в решении временных задач. Одной из характеристик неблагополучной семьи является ее внутренняя хаотичность, непоследовательность. Возможно, дети, которые воспитываются в таких семьях, уже изначально переносят свое внутреннее ощущение беспорядка на окружающий мир, и их образ мира, включая время как его характеристику, в какой-то степени хаотичен и беспорядочен, поскольку время в должной мере не выполняет своей связующей функции между событиями и процессами образа мира. Косвенным подтверждением этого может служить тот факт, что все наркозависимые испытуемые в нашем исследовании, в отличие от здоровых, пристрастно отнеслись к шкале «хаотичность–упорядоченность» по отношению ко времени и его составляющим. Упорядоченность – одна из семантических универсалий будущего, а будущее значимо менее хаотично, чем настоящее; для больных наркоманией будущее значимо более упорядоченное, чем прошлое. Потребность в упорядочивающем жизнь внешнем источнике возникает в связи со слабой собственной активностью в решении временных задач. Активность здесь понимается как самоорганизация лично-

сти во времени. Роль субъекта состоит в том, что он ритмизирует и упорядочивает свои процессы, в том числе и трудовые; при отсутствии этой способности и наличии внутреннего хаоса невозможно решение трудовых временных задач. Напомним, что для здоровых испытуемых одной из главных характеристик времени и настоящего явилась активность.

Практическая реализация выводов для быстрой психодиагностики осуществлялась в нескольких направлениях – состояние временных возможностей пациента и отслеживание динамики в его состоянии. Важным прикладным аспектом явилась психокоррекционная работа с учетом временных возможностей и их расширения в ходе занятий. Было показано, что адаптивные способности возрастают через расширение временных возможностей человека.

Комплекс занятий по расширению временных возможностей удалось провести с несколькими больными опийной наркоманией. Ремиссия у наших клиентов существенно превысила ремиссию у остальных пациентов наркологического отделения. Все устроились на работу и работают на протяжении нескольких месяцев. Данный пример показывает, что успешная трудовая деятельность возможна и при наличии хронического заболевания (наркомании), приводящего к серьезному личностному дефекту. Тем более ценными являются методики, позволяющие помочь наркозависимому повысить свою временную компетентность, связать свои «временные точки» в единую причинно-следственную цепочку, по-новому ритмизировать свое время, создать новый ритм своей жизни, взамен прежнего, аддиктивного.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. М., 1999.

² См.: Стрелков Ю.К. Инженерная и профессиональная психология. М., 2001.

³ См.: Наркомания: Сб. / Под ред. В.И. Петрова. Минск, 1999.

⁴ См.: Лекции по наркологии / Под ред. Н.Н. Иванца. М., 2000.

⁵ См.: Мамедова Ж.С., Гусев А.Н. Специфика ценностных ориентаций и временной перспективы девиантных подростков // Ярославский психологический вестник. 2007. Вып. 17. С. 84–87; Кроник А.А., Хомик В.С. Отношение ко времени: психологические проблемы ранней алкоголизации и отклоняющегося поведения // Вопросы психологии. 1988. № 1. С. 98–106.

⁶ См. подр.: Денисова Т.Н. Время в образе мира человека: норма и патология. Вологда, 2008.

⁷ См.: Люшер М. Цвет вашего характера. М., 1996.

Психологическая коррекция агрессивного поведения осужденных мужского пола при длительных сроках лишения свободы

Е.Ф. ШТЕФАН – преподаватель кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук

В статье представлен анализ причин, актуализирующих агрессивное поведение осужденных в местах лишения свободы при длительных сроках наказания. Описываются теории, раскрывающие природу агрессивного поведения, его формы и функции. Анализ причин, обуславливающих агрессивное поведение, позволил определить направление психокоррекционного воздействия, которое включает работу с сотрудниками, направленную на оптимизацию их взаимных и иных социальных восприятий, а также мероприятия, цель которых состоит в самосознании осужденным себя как личности и адекватном осознании им индивидуальных особенностей, в развитии самооценки, самоанализа и саморегуляции.

Ключевые слова: агрессия; агрессивность; инструментальная агрессия; асертивное поведение; длительные сроки наказания; фрустрирующие ситуации; мотивация агрессивного поведения; социальный статус в криминальной среде; психокоррекция; саморегуляция.

Проявление агрессии в последнее время становится все более заметным среди различных слоев населения независимо от возраста и рода занятий. В этой связи заметно активизировалось внимание исследователей к проблеме агрессии. Согласно широко принятому определению агрессия – это форма поведения, направленная на оскорбление или причинение вреда другому живому существу, не желающему подобного обращения¹. Готовность к такому поведению называется агрессивностью.

В психологии существует несколько теорий, раскрывающих природу агрессии, одни из них трактуют ее как врожденное, инстинктивное свойство индивида, а другие – как характеристику способа поведения.

В основе любой агрессивности всегда лежит тот или иной психологический конфликт – осознаваемый или неосознаваемый. Всякая агрессия является проявлением активного деятельного недовольства человека условиями окружающей жизни, ближними или самим собой². Современная психология различает позитивную и негативную агрессию. Первая служит жизненным интересам общества, обеспечивая человеку возможность выживания, вторая проявляется в формах жестокости и деструктивности и сопровождается стремлением нанести вред.

Агрессия влияет на все стороны и механизмы общественной жизни, опосредуя специфику и динамику развития преступности. Нестабильная политическая и экономическая обстановка в стране негативно влияет на нравственность и правовые представления в обществе. Рост рецидивной преступности и удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений повлекли за собой интенсивное увеличение численности осужденных к длительным срокам лишения свободы, что в свою очередь изменило сознание и психологические особенности среды лиц, отбывающих

наказание в исправительных учреждениях. При отбывании наказания у осужденных к длительным срокам на фоне физического и нервного истощения происходит накопление негативных эмоциональных переживаний. Для них характерны тревожность, переходящая в депрессивное состояние, уход в себя, когда утрачивается смысл жизни, связанный с отсутствием надежды на ближайшее освобождение. При продолжительном сроке отбывания наказания осужденные все более адаптируются к криминальной субкультуре, одним из проявлений которой является агрессия, являющаяся, по мнению социобиологов, адаптивной реакцией на угрозы выживания. Агрессивность имеет особое значение для мест лишения свободы, где наиболее полно и разнообразно представлены все известные формы и варианты ее проявления у отбывающих наказание.

В отечественной пенитенциарной науке в разработку проблем агрессивного поведения внесли свой вклад А.Г. Абрамова, А.Р. Ратинов, А.А. Михлин, Е.Г. Самовичев, Э.Ф. Побегайло, В.Н. Кудрявцев и др. Психологический анализ природы мотивационной основы агрессии проводился О.Ю. Михайловой, О.Д. Ситковской, Е.Н. Казаковой. Исследования агрессивности как специфической формы активности осужденных мужского пола осуществлял С.Н. Ениколов.

В настоящее время специфика агрессивного поведения осужденных мужского пола при длительных сроках лишения свободы и ее коррекция остаются недостаточно изученными, поэтому проведение исследований, связанных с этой проблемой, является актуальным.

Как показывает практика, большинство осужденных к длительным срокам лишения свободы отбывают наказание в учреждениях строгого и особого режимов. В основном это лица 30–40

лет, неоднократно судимые, их характеризуют недоверие, агрессивность, озлобленность, раздражительность. Постоянный надзор делает их неспособными к саморегуляции, и существует переход на эмоционально-импульсивный уровень регуляции. При отбывании длительного срока наказания у осужденного происходят переоценка личностных ценностей и обострение деструктивных качеств. Предоставленный своим мыслям, он нередко, опираясь на тюремный лозунг «Не верь, не бойся, не проси», убежден, что является единовластным хозяином своей судьбы (а иногда и судеб других людей), проявляет склонность к насилию, положительно относится к агрессии и воспринимает ее как нормальное явление.

Одной из форм агрессивного поведения, наиболее ярко проявляющей деструктивный характер, является физическая агрессия. Причинами, обуславливающими ее возникновение, могут быть как фрустрирующие ситуации, так и индивидуально-психологические особенности. К первым можно отнести страх, возникающий в среде себе подобных за собственную безопасность, тревогу из-за возможности потерять поддержку на свободе, ограничение прав и свобод, постоянные усилия на поддержание определенного общественного статуса, потерю смысла жизни, обеспокоенность за свое здоровье, крах надежд, неуверенность в дальнейшей жизни после освобождения, а также адекватные реакции на неправильные действия администрации. Зачастую осужденные воспринимаются сотрудниками лишь в «образе врага», в итоге это приводит к тому, что в учреждениях устанавливается, с одной стороны, психологическая атмосфера враждебности и конфронтации, а с другой – среди сотрудников культивируется особая профессиональная мораль, оправдывающая в отношении осужденных жесткий стиль общения и воздействий. Мышление же, подчиненное психологии враждебности, глухо нравственным критериям, эмпатии и ограничивает возможности рационального и контролируемого поведения³.

При длительной групповой изоляции, сопровождающейся скученностью, постоянным пребыванием на виду друг у друга, монотонностью существования и постоянным вмешательством в личную жизнь со стороны администрации, у осужденного возникает чувство тревожности, скрытности, мнительности, что также влияет на возникновение агрессии. Кроме того, у осужденных могут появиться и другие способы реагирования на фрустрацию. Однако если такие ситуации постоянны, то альтернативные тенденции будут ослабевать, а агрессивные – усиливаться, вероятность открытой агрессии будет повышаться⁴.

Изучение личности осужденных к длительным срокам лишения свободы показало, что большинство из них неоднократно судимы, как правило, воспитывались в неблагополучных

семьях, не получали достаточного родительского внимания и любви и имели vicarious опыт негативного отношения к правовым нормам, что в свою очередь влечет за собой актуализацию агрессивного мотива поведения.

Ю.М. Антонян, анализируя гендерные различия в агрессивном поведении преступников, отмечает, что у мужчин в преступном поведении выделяется логичность, то есть у них развивается тип агрессивной мотивации, в основе которой лежат мотивы, связанные с местью либо корыстью⁵.

Исследования акцентуаций характера у взрослых осужденных мужского пола выявили, что 60% лиц от общего числа обследованных составляют группу с эпилептоидными, шизоидными, гипертимными и паранойяльными типами. Представители этой группы совершают наиболее тяжкие и злостные преступления, отличаются упорным рецидивным поведением, они склонны к возникновению злобного настроения, внутренней раздраженности, тревоге⁶. С особенностями конкретных типов акцентуации характера необходимо считаться при разработке психокоррекционных программ и их реализации в разных видах учреждений.

Профилактика насилия в местах лишения свободы представляет собой часть профилактических усилий в масштабах всего общества. Чем выше уровень агрессии в стране, чем больше жестокости присутствует в конфликтах между людьми и социальными группами, тем выше и опаснее этот уровень в исправительных учреждениях.

Для изменения социально-психологических установок и ценностных ориентаций осужденного, обучения его приемам и способам саморегуляции и саморазвития, повышения устойчивости к неблагоприятным воздействиям необходима психологическая коррекция.

Отечественная пенитенциарная психология, опираясь на уже существующие подходы, определяет психологическую коррекцию как целенаправленный процесс изменения определенной совокупности психологических свойств личности с помощью специальных методов воздействия, приводящих к устойчивому изменению некоторых характеристик социального поведения индивида⁷.

Психокоррекционная работа с агрессивными осужденными проводилась на основе методик педагогического аутотренинга (А.С. Новоселова) и тренинга ассертивности (Е.Н. Казакова), направленных на снижение уровня тревожности, формирование позитивных установок и навыков просоциального взаимодействия.

Исследования показали, что в ходе коррекционной работы необходимо сформировать у осужденного осознание и понимание причинно-следственной связи между особенностями его системы отношений и агрессивным поведением. Как отмечал американский психолог Леонард Берковиц, «мы становимся злыми, когда нам

плохо», то есть исследование агрессии в местах лишения свободы взаимосвязано с анализом причин, условий и механизмов развития доминирующей мотивации. При проведении психологической коррекции агрессивного поведения нельзя не учитывать такие факторы, влияющие на ее механизм, как личностные и профессиональные характеристики психолога, свойства личности осужденного, причины возникновения агрессии, а также принцип единства коррекции и диагностики.

Ученые отмечают, что личностная мотивационная направленность, предопределяющая долговременную активность осужденных, помогает решить проблемы самоопределения, ценностных ориентаций и установок, конфликтов в общении. Ее формирование актуально только для лиц молодежного возраста, а в более позднем возрасте переориентация жизненных планов осложняется.

Для снижения напряженности, вызванной феноменом публичности, необходимо использовать внутренние силы осужденного, то есть преодолеть социально-негативные последствия постоянных запретов.

В основе устойчивости к фрустрационным ситуациям, ведущим к агрессии, лежат способности осужденного к адекватной оценке этой ситуации и поиску смысла жизни. Как подчеркивал В. Франкл, «страдание перестает быть страданием в тот момент, когда обнаруживается его смысл».

Необходимо отметить, что осужденные, проявляющие агрессивное поведение, образуют неоднородную группу, и этим объясняется разнообразие целей коррекции. Например, тот, кто применяет агрессию инструментально, обнаруживает иные проблемы, нежели те, у кого агрессия первично опосредована гневом. По отношению к первым можно применить стратегию изменения представлений и ожиданий исхода, поддерживающих применение агрессии. Что касается последних, то необходимо влиять на контроль и саморегуляцию⁸. Эти концептуальные различия поддерживают индивидуальный и дифференцированный подходы к оценке личности осужденного.

Для проведения более эффективной психокоррекционной работы в условиях отече-

ственной пенитенциарной системы разработано множество методик. Наибольшее значение имеют программа нравственного самовоспитания с элементами аутотренинга А.С. Новоселовой, социально-психологический тренинг для осужденных М.Г. Дебольского «Мои жизненные планы», методика А.Н. Пастушени по выявлению внутриличностного конфликта «Формирующая беседа», психотехники индивидуального психологического консультирования, разработанные В.М. Поздняковым и М.Б. Шевелевым, и др.

Для снижения уровня агрессии в местах лишения свободы необходимо осуществлять психологическую работу и с сотрудниками учреждений, при этом одной из целей является оптимизация их взаимных и иных социальных восприятий.

В условиях реформирования УИС встает необходимость пересмотра старых методов исправительного воздействия на осужденных. Психологическая помощь осужденным, отбывающим наказание, базируясь на экзистенциально-гуманитарной парадигме, направлена на самосознание осужденным себя как личности, на адекватное осознание им индивидуальных особенностей, на развитие самооценки, самоанализа и саморегуляции. В этой связи первоочередными задачами деятельности УИС остается совершенствование ведомственной нормативной базы и процесса управления.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Бэррон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб., 2000. С. 26.

² См.: Психология человеческой деструктивности: Хрестоматия. Минск, 1999. С. 4.

³ См.: Энциклопедия юридической психологии / Под общ. ред. А.М. Столяренко. М., 2003. С. 275.

⁴ См.: Побегайло Э.Ф. Психологические детерминанты криминальной агрессии // Уголовное право. 2002. № 1. С. 101–107.

⁵ См.: Казакова Е.Н. Психология агрессивного поведения женщин в условиях лишения свободы: Моногр. Вологда, 2001. С. 35.

⁶ См.: Энциклопедия юридической психологии / Под общ. ред. А.М. Столяренко. С. 239.

⁷ См.: Стуканов В.Г. Особенности исправительной психологической коррекции личности корыстных преступников в условиях лишения свободы: Автореф. дис. ... канд. псих. наук. Минск, 1999.

⁸ См.: Блэкборн Р. Психология криминального поведения. СПб., 2004. С. 448.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Уголовная политика в отношении несовершеннолетних в Республике Беларусь

П.В. МЫТНИК – заместитель начальника кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

В статье на основе анализа нормативных правовых актов Республики Беларусь рассматривается современная уголовная политика государства в отношении несовершеннолетних, обозначаются ее основные направления. Кроме того, обращается внимание на необходимость предусмотреть соответствующий объем дискреционных полномочий на всех этапах судебного разбирательства и на различных уровнях отправления правосудия в отношении несовершеннолетних.

Ключевые слова: уголовная политика в отношении несовершеннолетних; ювенальная юстиция; уголовно-процессуальная деятельность по делам несовершеннолетних.

Решение тех или иных задач, стоящих перед правом, в первую очередь зависит от правовой политики, проводимой государством.

Под правовой политикой понимается комплекс целей, мер, задач, программ, установок, реализуемых в сфере действия права и посредством права. По мнению профессора Н.И. Матузова, «правовая политика – это особая форма выражения государственной политики, средство юридической легитимации, закрепления и осуществления политического курса страны, воли ее официальных лидеров и властных структур. Будучи осознанной, консолидированной, эта политика воплощается, прежде всего, в законах, конституциях, кодексах, других основополагающих нормативно-правовых актах, направлена на охрану и защиту данного социального строя, развитие и совершенствование общественных отношений. Правовая политика есть мощное средство преобразования общества»¹.

Выделяют два основных направления правовой политики: правотворчество и правоприменение, которые одновременно являются формами ее реализации. Первое обусловлено формированием концепции юридического воздействия, определенной программы, принятием, изменением и отменой нормативных актов и нормативных договоров. При этом важно не количество юридических актов, а то, чтобы они составляли единую систему.

Правоприменение связано с целенаправленной преобразующей управленческой деятельностью по реализации правовых предписаний,

правоприменительной практикой и осуществляется преимущественно в актах применения права – документах и деятельности. Эффективность применения уголовно-процессуального закона – это достижение целей уголовного судопроизводства при минимизации социальных (материальных и духовных) издержек. Однако на право нельзя возлагать несбыточные надежды, оно не всесильно, «наивно требовать от него больше, чем оно заведомо может дать, ему необходимо отводить то место и роль, которые вытекают из объективных возможностей данного института»².

Успех или неуспех перевода нормативных требований в реальную практическую плоскость связан в конечном счете с созданием надлежащей материальной базы, научно-техническим и ресурсным обеспечением, установлением оптимального уровня жизни, созданием благоприятного морально-политического климата, организационными мерами и т.п.³

Составной частью правовой политики является уголовная политика государства, которая «представляет собой организованную и реализуемую государством деятельность, направленную на выработку и реализацию совокупности мер как специального характера, в том числе норм уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, уголовно-исполнительных, так и общесоциального характера в целях защиты личности, общества, государства от преступных посягательств и возмещения принесенного преступлением вреда»⁴.

Республика Беларусь провозглашена социальным правовым государством (ст. 1 Конституции). Одно из важнейших направлений деятельности государства – забота о детях, семье, материнстве. В Беларуси «молодежи гарантируется право на ее духовное, нравственное и физическое развитие. Государство создает необходимые условия для свободного и эффективного участия молодежи в политическом, социальном, экономическом и культурном развитии» (ст. 31 Конституции).

Необходимость особой правовой защиты несовершеннолетних⁵ обусловлена в первую очередь их физической и умственной незрелостью, а следовательно, вытекающей из этого потребностью в охране и заботе, обеспечении условий для нормального развития и образования.

Следует иметь в виду, что особая юридическая охрана несовершеннолетних осуществляется независимо от их правового положения в уголовном процессе (подозреваемый, обвиняемый, осужденный, свидетель, потерпевший) или тяжести содеянного. Охранительный режим выражается в прямом протекционизме, то есть провозглашении в законе привилегий для всех представителей данной возрастной группы.

Особой защите прав и законных интересов несовершеннолетних уделяется большое внимание как на международном, так и на национальном уровнях.

Не останавливаясь на международных документах, посвященных защите прав несовершеннолетних, сделаем краткий обзор основных нормативных правовых актов Республики Беларусь, которые дают представление о политике государства в отношении подростков.

1. Закон Республики Беларусь «О правах ребенка»⁶ закрепил «принципы государственной политики в отношении ребенка, его правовой статус, обязанности организаций и физических лиц по защите детства» (ст. 2). Защита прав и законных интересов ребенка обеспечивается комиссиями по делам несовершеннолетних, органами опеки и попечительства, прокуратурой и судом, а также иными уполномоченными на то законодательством Республики Беларусь организациями, которые в своей деятельности руководствуются приоритетом защиты прав и законных интересов детей. Координация деятельности государственных и негосударственных организаций по реализации закона осуществляется Министерством образования Республики Беларусь (ст. 3).

2. С 1996 г. в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь в стране действует Национальная комиссия по правам ребенка⁷. Основными задачами ее являются «контроль за соблюдением прав и законных интересов детей, закрепленных в Конвенции о правах ребенка, Законе Республики Беларусь “О правах ребенка” и иных нормативных правовых актах, а также подготовка научно обоснованных прогнозов и определение стратегий предупреждения рисков социально опасного положения детей и их

минимизации» (п. 2 Положения о Национальной комиссии по правам ребенка).

3. 9 июля 1999 г. принят Кодекс Республики Беларусь о браке и семье⁸. Задачами законодательства о браке и семье Республики Беларусь выступают «укрепление семьи в Республике Беларусь как естественной и основной ячейки общества на принципах общечеловеческой морали, недопущение ослабления и разрушения семейных связей... установление прав детей и обеспечение их приоритета» (ст. 2).

4. 9 ноября 1999 г. парламентом страны принят Закон «О государственной поддержке молодежных и детских общественных движений»⁹. Государственная поддержка оказывается зарегистрированным в установленном порядке и обротившимся за такой поддержкой в республиканские органы государственного управления, местные исполнительные и распорядительные органы «молодежным объединениям граждан в возрасте до тридцати одного года (не менее двух третей от общего числа членов) и детским объединениям граждан в возрасте до восемнадцати лет (не менее двух третей от общего числа членов), которые выражают их специфические интересы и уставная деятельность которых направлена на обеспечение социального становления и развития детей и молодежи» (ст. 5).

5. Закон Республики Беларусь от 31.05.2003 г. № 200 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (в ред. от 21.07.2008 г.)¹⁰ закрепил основы правового регулирования отношений, возникающих в связи с соответствующей деятельностью. В нем приведен перечень органов, учреждений и организаций, осуществляющих профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: комиссии по делам несовершеннолетних; органы государственного управления образованием; органы опеки и попечительства; органы по труду и органы социальной службы занятости; органы государственного управления здравоохранением; органы государственной службы занятости; органы внутренних дел (ст. 4).

В соответствии с названным законом и в его развитие принят ряд подзаконных нормативных правовых актов:

- Правила установления опеки или попечительства над иностранцами, не достигшими возраста 18 лет и не состоящими в браке, прибывшими на территорию Республики Беларусь без сопровождения их законных представителей, ходатайствующими о признании беженцами и признанными беженцами¹¹;

- Инструкция о порядке выявления, учета, обследования и лечения несовершеннолетних, употребляющих спиртные напитки, наркотические средства, психотропные либо иные одурманивающие вещества¹²;

- Инструкция по организации работы инспекций по делам несовершеннолетних органов внутренних дел¹³;

- Примерный устав специального учебно-воспитательного учреждения¹⁴;

- Примерный устав специализированного учреждения для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной помощи и реабилитации¹⁵;
- Примерный устав специального лечебно-воспитательного учреждения¹⁶;
- Положение о порядке образования и деятельности комиссий по делам несовершеннолетних¹⁷.

6. Согласно данным Министерства статистики и анализа Республики Беларусь в стране по состоянию на 1 января 2006 г. на учете находилось 28 111 детей-сирот и детей, оставшихся без родительской опеки, в возрасте до 18 лет. За период с 1995 по 2005 гг. число осиротевших и оставшихся без родительской опеки детей увеличилось на 12 065 чел. (в процентном отношении к детскому населению республики – с 0,6% в 1995 г. до 1,45% в 2005 г.)¹⁸, при том что за указанный период общее количество детей в возрасте до 18 лет сократилось на 738 707 чел.¹⁹

В целях обеспечения защиты прав и законных интересов детей в неблагополучных семьях, повышения ответственности родителей, не выполняющих обязанностей по воспитанию и содержанию своих детей, Президентом Республики Беларусь 24 ноября 2006 г. подписан Декрет № 18 «О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях»²⁰. При помещении детей на государственное обеспечение расходы по их содержанию возмещаются родителями, усыновителями этих несовершеннолетних (п. 8 Декрета).

7. Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г.²¹

Согласно ч. 1 ст. 27 уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления 16-летнего возраста.

Лица, совершившие запрещенные УК деяния в возрасте от 14 до 16 лет, подлежат уголовной ответственности за 21 преступление: убийство, причинение смерти по неосторожности, умышленное причинение тяжкого телесного повреждения, умышленное причинение менее тяжкого телесного повреждения, изнасилование, насильственные действия сексуального характера, похищение человека, кражу, грабеж, разбой, вымогательство и ряд других.

Раздел V регламентирует особенности уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в возрасте до 18 лет.

К лицу, совершившему преступление в возрасте до 18 лет, могут быть применены следующие наказания:

- 1) общественные работы;
- 2) штраф;
- 3) лишение права заниматься определенной деятельностью;
- 4) исправительные работы;
- 5) арест;
- 6) ограничение свободы;
- 7) лишение свободы.

Лицу, совершившему в возрасте от 16 до 18 лет несколько преступлений, окончательное на-

казание в виде лишения свободы не может быть назначено на срок свыше 15 лет.

Окончательное наказание в виде лишения свободы по совокупности приговоров несовершеннолетнему не может быть назначено на срок более 17 лет.

Если в процессе судебного рассмотрения будет установлено, что исправление несовершеннолетнего, совершившего преступление, не представляющее большой общественной опасности, или впервые совершившего менее тяжкое преступление, возможно без применения уголовного наказания, суд может постановить обвинительный приговор и применить к такому лицу вместо наказания принудительные меры воспитательного характера.

Лицо, впервые совершившее в возрасте до 18 лет преступление, не представляющее большой общественной опасности, или менее тяжкое преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности с передачей его под наблюдение родителей или лиц, их заменяющих, по их просьбе, если по характеру совершенного преступления, данным о личности и иным обстоятельствам дела исправление несовершеннолетнего возможно без привлечения его к уголовной ответственности.

Законодатель предусмотрел лучшие в сравнении со взрослыми условия при условно-досрочном освобождении от наказания, замене неотбытой части наказания более мягким, а также при погашении судимости (ст. 119–121).

Особое отношение к несовершеннолетним демонстрирует не только уголовно-правовое, но и уголовно-процессуальное законодательство. Порядок производства по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних определяется общими правилами Уголовно-процессуального кодекса, а также гл. 45 «Производство по уголовным делам о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет». В тринадцати статьях указанной главы закреплены особенности уголовного процесса по делам несовершеннолетних. В этих нормах зафиксированы дополнительные гарантии юридической защиты прав и интересов несовершеннолетних, как того требуют Пекинские правила.

Гражданин, достигший совершеннолетия, обладающий жизненным опытом и имеющий высокий образовательный уровень, способен более эффективно использовать в уголовном процессе предоставленные ему права. Государство учитывает это и предусматривает дополнительные правовые гарантии, которые позволяют компенсировать правовую незащищенность лиц, в силу своего возраста или состояния здоровья не способных самостоятельно осуществлять полноценное отстаивание своих законных интересов. В специальной литературе указывается, что наличие особых гарантий прав несовершеннолетних обусловлено не только заботой об их личных интересах, но также соображениями общественной пользы. Общество заинтересовано в том, чтобы совершивший преступление несо-

вершеннолетний имел возможность вернуться к нормальной жизни и впоследствии стать законопослушным гражданином. Неспособность несовершеннолетних самостоятельно осуществить полноценную защиту своих прав обусловлена их эмоциональной, духовной и интеллектуальной незрелостью. Для компенсации данной неспособности, а также в целях создания условий для последующей реинтеграции совершившего преступление подростка в общество в международном праве и национальном уголовно-процессуальном законодательстве сформирована система взаимосвязанных норм, устанавливающих дополнительные процессуальные гарантии, которые обеспечивают режим повышенной защиты прав и законных интересов несовершеннолетних в уголовном процессе. Это достигается посредством отступлений от общего порядка, приводящих в конечном итоге к дифференциации уголовно-процессуальной формы²².

С целью наиболее полного обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) белорусский законодатель предусмотрел для них ряд дополнительных гарантий (особенностей).

1. В соответствии с ч. 2 ст. 181, ст. 189 УПК РБ по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, обязательно предварительное следствие. Вопрос о подсудственности дел о преступлениях несовершеннолетних решается с учетом персонального, родового (предметного) и территориального признаков. Согласно п. 2 ч. 1 ст. 165, ст. 431 УПК РБ уголовное дело в отношении несовершеннолетнего, участвовавшего в совершении преступления наряду со взрослыми, может быть выделено в отдельное производство в ходе предварительного следствия, если это не создаст препятствий для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела.

2. По уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, кроме общего предмета доказывания подлежат установлению следующие обстоятельства:

- 1) возраст несовершеннолетнего (число, месяц, год рождения);
- 2) условия жизни и воспитания;
- 3) степень интеллектуального, волевого и психического развития;
- 4) наличие взрослых подстрекателей и иных соучастников (ч. 2 ст. 89 УПК РБ).

3. Согласно ч. 2 ст. 432 УПК РБ задержание, а также заключение под стражу, домашний арест в качестве меры пресечения могут применяться к несовершеннолетнему при наличии общих оснований, указанных в ст. 108, 111, 112 и 117 УПК РБ, лишь в случае совершения менее тяжкого, тяжкого или особо тяжкого преступления.

При решении вопроса о применении меры пресечения в отношении несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого в каждом случае должна обсуждаться возможность применения такой меры, как отдача под присмотр в порядке, предусмотренном ст. 123 УПК РБ.

4. При производстве по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних участие защитника обязательно (п. 2 ч. 1, ч. 2 ст. 45 УПК РБ) с момента вынесения постановления о возбуждении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего²³; фактического задержания подростка; применения меры пресечения; признания лица подозреваемым или предъявления обвинения (ч. 2 ст. 45 УПК РБ). Если несовершеннолетний отказывается от участия в деле защитника, то его отказ для должностных лиц, осуществляющих производство по делу, не имеет значения: они должны обеспечить такое участие (ч. 3 ст. 45 УПК РБ). Это требование закона обусловлено тем, что несовершеннолетний по своим возрастным и психическим особенностям не может в полной мере самостоятельно защитить свои права, и направлено на создание действительного процессуального равноправия между стороной защиты и стороной обвинения.

5. В отличие от ранее действовавшего УПК РБ 1960 г. УПК 1999 г. закрепил обязательное участие в деле законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) (ст. 56, 436 УПК РБ). При отсутствии у несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого законного представителя орган, ведущий уголовный процесс, признает законным представителем орган опеки и попечительства (ч. 2 ст. 56 УПК РБ)²⁴.

6. В соответствии с ч. 1 ст. 435 УПК РБ при допросе²⁵ несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого участие педагога или психолога обязательно. В Республике Беларусь обязательное участие педагога или психолога при производстве предварительного расследования впервые было закреплено в ст. 31 Закона «О правах ребенка» в 1993 г.

7. Согласно п. 5 ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 250 УПК РБ возможно прекращение предварительного расследования по уголовному делу с передачей несовершеннолетнего под наблюдение родителей или лиц, их заменяющих. Такое решение в досудебном производстве вправе принять только прокурор (ст. 30, п. 2 ст. 264 УПК).

Что касается особенностей судебного производства по делам о преступлениях несовершеннолетних, то следует отметить следующее.

С начала 90-х гг. XX столетия в Республике Беларусь осуществляется судебная реформа. Концепцией ее было предусмотрено создание суда по делам несовершеннолетних²⁶. Допускает создание специализированных судов (а суд по делам несовершеннолетних – специализированный) и Конституция Республики Беларусь. Возможность создания судов по делам несовершеннолетних закреплена также в ст. 28 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей.

Согласно ст. 430 УПК РБ «уголовные дела о преступлениях несовершеннолетних подлежат рассмотрению специальными судами по делам несовершеннолетних либо судьями, имеющими специальную подготовку». Однако до настоящее-

го времени суды по делам несовершеннолетних в системе общих судов не созданы. Вместе с тем в соответствии с п. 3 ч. 3 ст. 32 УПК РБ уголовные дела о преступлениях несовершеннолетних рассматриваются коллегиально в составе судьи и двух народных заседателей.

Суд является центральным звеном правосудия для несовершеннолетних – ювенальной юстиции²⁷.

Создание ювенальной юстиции с ее главным звеном – судом по делам несовершеннолетних – расценивалось в конце XIX в. и расценивается сейчас как торжество гуманистических тенденций в теории правосудия и судебной практике.

Из истории советского (российского) правосудия известно, что суды для несовершеннолетних просуществовали в нашей стране до 1918 г., когда они были ликвидированы и заменены комиссиями, как их тогда называли, «о несовершеннолетних». В 1935 г. и последние перестали существовать, республики СССР вернулись к судам – теперь уже общеуголовным, а не ювенальным.

Ювенальная юстиция возникла в мире не только для специальной судебной защиты несовершеннолетних. Ее рассматривали как «спасительное средство». Дело в том, что в конце XIX – начале XX вв. Европу и Америку захлестнула волна преступности несовершеннолетних. Общеуголовные суды с ней не справлялись, поэтому и было создано правосудие, существенно отличающееся от общего²⁸.

Следует иметь в виду, что в международных стандартах не содержится прямого требования о создании специальных судов по делам несовершеннолетних. В большинстве стран подобные суды отсутствуют. Однако во многих государствах действуют особые условия отправления правосудия в отношении подростков²⁹.

Основные принципы ювенальной юстиции: ценность личности несовершеннолетнего, представшего перед судом; активное использование в судебном процессе по делам несовершеннолетних данных о несовершеннолетних, полученных судом от специализированных вспомогательных юридических учреждений (служб, органов); усиление охранительной функции суда в отношении несовершеннолетнего (повышенная судебная защита несовершеннолетнего в качестве потерпевшего, свидетеля, обвиняемого, осужденного посредством закрытия судебного заседания по всем делам о преступлениях несовершеннолетних или о преступлениях посягательствах на них, уменьшение размера наказания по факту несовершеннолетия в соответствии с Уголовным кодексом, предпочтение принудительным мерам средств воспитательного воздействия и др.); специальная подготовка судей по делам несовершеннолетних; особый упрощенный (неформальный) порядок судопроизводства в отношении несовершеннолетних; наличие системы специализированных вспомогательных служб³⁰.

Концепция ювенальной юстиции предусматривает два варианта правосудия для несовершеннолетних: автономное от общего правосудия и представляющее собой подсистему общего правосудия.

За рубежом выделяют две модели ювенальной юстиции: англосаксонскую (Англия, США, Канада, Австралия) и континентальную (Франция, Бельгия и др.). Основное различие между ними состоит в специфике судебной подсудности по делам несовершеннолетних.

В странах, принадлежащих к англосаксонской системе, суды по делам несовершеннолетних рассматривают только те преступления, которые не являются тяжкими, а все дела о совершении тяжких преступлений передаются в общие суды. В континентальных странах все виды преступлений несовершеннолетних подсудны только специализированным ювенальным судам, и передача дел по обвинению несовершеннолетних в суд общей юрисдикции не допускается³¹.

Как отмечает профессор О.Н. Ведерникова, ювенальную юстицию нельзя отождествлять только с ювенальными судами. Ее необходимо рассматривать как систему, включающую следующие элементы: а) особый круг лиц, на которых распространяется действие данной системы (несовершеннолетние); б) специальные меры уголовно-правового воздействия на них; в) особые процедурные нормы, регламентирующие процесс расследования и судебного разбирательства уголовных дел в отношении несовершеннолетних; г) специализированные органы судебной власти и учреждения, предназначенные для рассмотрения уголовных дел данной категории; д) органы и учреждения, предназначенные для исполнения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних³².

Ювенальную юстицию в последние годы принято рассматривать как проявление гуманизма по отношению к несовершеннолетним и его символ. Во времена же так называемого тоталитарного прошлого государство стремилось к тому, чтобы такое негативное явление, как беспризорность несовершеннолетних, исчезло, проявляло заботу о нормальном физическом и психическом развитии подрастающего поколения. В этой связи трудно не согласиться с мнением ученых, которые считают, что государственные средства целесообразнее направлять на нужды профилактики, а не на создание специальных судов. В отсутствие эффективной профилактики среди несовершеннолетних никакие суды не смогут справиться с ростом числа преступлений³³.

Можно предположить, что по такому пути идет белорусский законодатель. Профилактике правонарушений несовершеннолетних посвящен Закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», а также гл. X Положения об основах деятельности органов внутренних дел по организации профилактики преступлений³⁴.

Подводя итог вышеизложенному, необходимо подчеркнуть, что «ввиду различных особых потребностей несовершеннолетних, а также многообразия имеющихся мер следует предусмотреть соответствующий объем дискреционных полномочий на всех этапах судебного разбирательства и на различных уровнях отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, в том числе при расследовании, рассмотрении дела в суде, вынесении судебного решения и осуществлении контроля за выполнением судебных решений. При рассмотрении дел несовершеннолетних правонарушителей следует по возможности не прибегать к официальному разбору дела компетентным органом власти. Полиция, прокуратура или другие органы, ведущие дела несовершеннолетних, должны быть уполномочены принимать решения по таким делам по своему усмотрению, без проведения официального слушания дела, согласно критериям, установленным для этой цели в соответствующей правовой системе. Любое дело несовершеннолетнего с самого начала следует вести быстро, не допуская каких-либо ненужных задержек» (правила 6.1, 11.1, 11.2 и 20.1 Пекинских правил).

Противоправное и девиантное поведение подростков в своей основе является социальной проблемой, а иногда проблемой развития личности. Отсюда понятие преступности несовершеннолетних зависит от того, с какой точки зрения смотреть на эту проблему: юридической, социальной или медицинской. Уникальных, чудодейственных средств предупреждения подростковой преступности, перевоспитания несовершеннолетних осужденных не существует. Профессионализм прежде всего судей, а также других специалистов, вовлеченных в работу с несовершеннолетними правонарушителями, заключается в осознании своей ответственности за судьбу каждого ребенка, предвидении последствий принятых решений³⁵.

Реализация принятого в 2003 г. Закона Республики Беларусь «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» позволила частично снизить остроту проблемы детской безнадзорности и преступности. Удельный вес преступлений, совершенных подростками, в общем числе уголовно наказуемых деяний снизился с 12,7% в 1995 г. до 7,2% в 2007 г. Число преступлений несовершеннолетних сократилось в 2008 г. на 9,4%, в первом полугодии 2009 г. – еще на 10%³⁶. Остается надеяться, что положительные тенденции сохранятся.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российская правовая политика: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 2003. С. 78–79.

² Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» // Правоведение. 1994. № 2. С. 47.

³ См.: Абрамов В.И. Правовая политика современного российского государства в области защиты прав детей // Государство и право. 2004. № 8. С. 79–80.

⁴ Малышева О.А. К вопросу о понятии «уголовная политика» // Российский следователь. 2005. № 9. С. 30.

⁵ В 2008 г. в Республике Беларусь проживало 2008 тыс. детей в возрасте до 18 лет, что составляло 21,3% от общей численности населения.

⁶ См.: КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс].

⁷ См.: Указ Президента Республики Беларусь «О создании Национальной комиссии по правам ребенка» // КонсультантПлюс: Беларусь (данным указом ежегодно утверждаются Положение о Национальной комиссии по правам ребенка и ее состав).

⁸ См.: КонсультантПлюс: Беларусь.

⁹ См.: Там же.

¹⁰ См.: Там же.

¹¹ См.: Постановление Министерства образования Республики Беларусь от 20.06.2003 г. № 43а «Об утверждении Правил установления опеки или попечительства над иностранцами, не достигшими возраста 18 лет и не состоящими в браке, прибывшими на территорию Республики Беларусь без сопровождения их законных представителей, ходатайствующими о признании беженцами и признанными беженцами» // Там же.

¹² См.: Постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 01.08.2003 г. № 38 «Об утверждении Инструкции о порядке выявления, учета, обследования и лечения несовершеннолетних, употребляющих спиртные напитки, наркотические средства, психотропные либо иные одурманивающие вещества, и Положения о подростковом наркологическом кабинете» (в ред. от 17.12.2007 г.) // Там же.

¹³ См.: Постановление Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 27.10.2003 г. № 242 «Об утверждении Инструкции по организации работы инспекций по делам несовершеннолетних органов внутренних дел» (в ред. от 26.11.2007 г.) // Там же.

¹⁴ См.: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 06.12.2003 г. № 1597 «Об утверждении Примерного устава специального учебно-воспитательного учреждения» (в ред. от 27.11.2007 г.) // Там же.

¹⁵ См.: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 10.12.2003 г. № 604 «Об утверждении Примерного устава специализированного учреждения для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной помощи и реабилитации» (в ред. от 26.12.2006 г.) // Там же.

¹⁶ См.: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 26.12.2003 г. № 1689 «Об утверждении Примерного устава специального лечебно-воспитательного учреждения» (в ред. от 27.11.2007 г.) // Там же.

¹⁷ См.: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 10.12.2003 г. № 1599 «Об утверждении Положения о порядке образования и деятельности комиссий по делам несовершеннолетних» (в ред. от 18.02.2008 г.) // Там же.

¹⁸ В России около 4 млн безнадзорных детей (см.: Трунов И.Л., Айвар Л.К. Уголовно-правовые проблемы уголовной ответственности несовершеннолетних // Российская юстиция. 2007. № 10. С. 2).

¹⁹ См.: Тарасюк Н. Проблема назначения опекунов и попечителей в семейном праве Республики Беларусь // Юстиция Беларуси. 2007. № 10. С. 54–56.

²⁰ См.: КонсультантПлюс: Беларусь.

²¹ См.: Там же.

²² См.: Дикарев И.С. Принцип повышенной защиты прав и законных интересов несовершеннолетних // Российская юстиция. 2007. № 5. С. 37–39.

²³ В специальной литературе предлагается предусмотреть в законе обязательное участие защитника при проведении проверки (в порядке ст. 173 УПК РБ) в тех случаях, когда несовершеннолетний явился с повинной (см.: Гладышева О.В., Сокольников Н.В. Явка несовершеннолетнего с повинной: требуется определение процессуального статуса // Российский следователь. 2008. № 3. С. 6–7).

²⁴ «В Республике Беларусь органами опеки и попечительства являются местные исполнительные и распорядительные органы. Осуществление функций по опеке и попечительству в отношении несовершеннолетних лиц возлагается на управления (отделы) образования, а в случаях, предусмотренных законодательными актами, – на комиссии по делам несовер-

шеннолетних районного (городского) исполнительного комитета, местной администрации» (п. 2 Положения об органах опеки и попечительства в Республике Беларусь).

²⁵ Законодатель требует обязательного участия педагога или психолога (если буквально толковать закон) лишь при допросе; вместе с тем несовершеннолетний допрашивается в ходе очной ставки, дает показания при проверке показаний на месте, а также может давать пояснения при предъявлении для опознания, в ходе осмотра и при проведении следственного эксперимента. В данном случае закон требует расширенного толкования.

²⁶ См.: Постановление Верховного Совета Республики Беларусь от 23.04.1992 г. «О Концепции судебно-правовой реформы» // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. 1992. № 16. Ст. 270.

²⁷ За создание в Республике Беларусь ювенальной юстиции последовательно выступает профессор И.И. Мартинович (см., напр.: Мартинович И. В Беларуси созрели предпосылки создания ювенальной юстиции // Российская юстиция. 2002. № 8. С. 49–50).

²⁸ См.: Мельникова Э. Будет ли в России ювенальная юстиция? // Российская юстиция. 1998. № 11. С. 38–40.

²⁹ Например, в 1953 г. были созданы ювенальные суды в ФРГ, которые рассматривают уголовные дела о преступлениях, совершенных лицами моложе 21 года (см. подр.: Образцов В., Богомолова С. Эксперт-психолог в суде Германии: оценка достоверности показаний // Законность. 2003. № 1. С. 50–52; Международный опыт (ювенальная юстиция в Германии) // Юстиция Беларуси. 2006. № 4. С. 15–17). «Первый в России ювенальный суд был открыт 25 марта 2004 г. в Таганроге (Ростовская область). Суд расположен в отдельном здании и полностью соответствует международным стандартам» (см.: Ткачев В.Н. Специализация судей по делам несовершеннолетних как модель будущего ювенального суда в России (опыт Ростовской области) // Российская юстиция. 2007. № 9. С. 5).

³⁰ См.: Трунов И.Л., Айвар Л.К. Уголовно-правовые проблемы уголовной ответственности несовершеннолетних // Российская юстиция. 2007. № 10. С. 5.

³¹ См.: Там же. С. 3.

³² См.: Ведерникова О.Н. Современные тенденции развития ювенальной юстиции за рубежом // Российская юстиция. 2005. № 3. С. 43.

³³ См.: Там же. С. 47. Следует иметь в виду, что имеются и противники ювенальной юстиции. Так, И. Медведева и Т. Шишова критикуют законопроект «Основы законодательства о ювенальной юстиции»: «В рамках проектов ювенальной юстиции родители превращаются из законных представителей, обладающих правом на преимущественное воспитание своих детей, в мишень для правовых органов и социальных служб. Корень этой коренной реформы в области защиты прав детей в том, что резко принижается, фактически обесценивается роль кровных родителей» (Медведева И., Шишова Т. Царство судей // Наш современник. 2008. № 8. С. 233). «В системе предупреждения и противодействия асоциальному поведению несовершеннолетних должен преобладать комплексный экономический, социальный, культурный и нравственно-правовой подход с доминированием не мер наказания и контроля, а социальной и культурной политики, криминологической общей и индивидуальной профилактики. Следует разрабатывать и реализовывать не концепцию ювенальной юстиции, а концепцию ювенальной антидевиантной политики, в которой ювенальная юстиция в традиционном ее понимании выступала бы только одним из компонентов социально-правовой системы предупреждения и противодействия асоциальному девиантному поведению несовершеннолетней молодежи» (Барановский Н. Ювенальная антидевиантная политика // Юстиция Беларуси. 2008. № 11. С. 42).

³⁴ См.: Приказ Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 26.08.2002 г. № 206 «Об утверждении Положения об основах деятельности органов внутренних дел по организации профилактики преступлений» (в ред. от 30.09.2008 г.) // КонсультантПлюс: Беларусь.

³⁵ См.: Ткачев В.Н. Специализация судей по делам несовершеннолетних как модель будущего ювенального суда в России (опыт Ростовской области). С. 2–5.

³⁶ См.: Василевич Г. О работе органов прокуратуры в современных условиях и некоторых мерах по дальнейшему повышению эффективности прокурорского надзора // Законность и правопорядок. 2009. № 3. С. 4–9.

Некоторые вопросы охраны прав человека по уголовному и уголовно-исполнительному законодательству Республики Казахстан

А.Ш. АККУЛЕВ – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Евразийского гуманитарного института (г. Астана), кандидат юридических наук

В статье раскрываются различные аспекты смягчения карательной политики в Республике Казахстан, а именно: вопросы отмены смертной казни, введения новых альтернативных лишению свободы видов уголовных наказаний, снижения наказаний за ряд преступлений, приведения условий содержания осужденных в соответствие с международными стандартами. Кроме того, анализируются отдельные уголовно-процессуальные институты, такие как прекращение уголовного дела за примирением сторон, деятельное раскаяние, а также восстановительное правосудие.

Ключевые слова: законодательство Республики Казахстан; охрана прав человека; гуманизация уголовной и уголовно-исполнительной политики; смертная казнь; пытка.

Принятие в декабре 1948 г. Всеобщей декларации прав человека запустило непрерывный процесс кодификации в сфере прав человека,

предопределило совершенствование правовых институтов и процедур их реализации. Более чем полувековой опыт движения человечества

по этому пути неопровержимо доказал, что без обеспечения прав и свобод человека невозможно достижение демократии, построение правового государства и социально-экономическое процветание. Состояние дел с правами человека в каждой стране зависит от уважения и соблюдения принципов взаимоотношений человека и государства, признанных международным сообществом, их воплощения в национальном законодательстве, системы и процедур защиты прав человека.

В настоящее время в Казахстане ведется активная работа по претворению в жизнь концептуальных элементов правовой системы. Так, в Уголовный кодекс Республики Казахстан, принятый 16 июля 1997 г. и вступивший в законную силу 1 января 1998 г., был внесен ряд изменений и дополнений. Вектор преобразований направлен на гуманизацию уголовной политики в отношении лиц, впервые совершивших преступления небольшой и средней тяжести, и социально уязвимых групп населения: беременных, одиноких женщин, имеющих на иждивении несовершеннолетних детей, несовершеннолетних, людей преклонного возраста.

Вместе с тем одновременно наблюдается и объективно необходимое ужесточение мер воздействия в отношении лиц, виновных в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, скрывающихся от уголовного преследования, а также рецидивистов.

Представляется важным более подробно остановиться на тех основных изменениях, которые были внесены в действующее уголовное и уголовно-исполнительное законодательство в сфере обеспечения прав человека.

Одним из ведущих направлений правовой реформы является поэтапное введение моратория на применение смертной казни. Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев на совещании правоохранительных органов Республики Казахстан, прошедшем 10 сентября 2003 г., заявил о необходимости введения моратория на применение смертной казни и строительства учреждений для содержания осужденных, приговоренных к пожизненному лишению свободы. Существенное влияние на процесс оказал и ряд событий международного характера.

На состоявшемся в 2001 г. в Страсбурге Всемирном конгрессе против смертной казни никаких дискуссий со сторонниками высшей меры наказания не возникло. Его участники исходили из того, что международное сообщество должно последовательно предпринимать действенные меры к тому, чтобы побудить народы и правительства всех стран обеспечить отмену смертной казни, используя не только политические, но также правовые и экономические средства. На десятом ежегодном заседании Парламентской ассамблеи Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе было отмечено, что в наши дни в законодательном порядке либо на практике смертная казнь отменена в 108 из 189

государств-членов ООН, а в составе ОБСЕ 10 государств из 55 продолжают применять смертную казнь.

В декабре 2003 г. был издан Указ Президента Республики Казахстан «О введении в Республике Казахстан моратория на смертную казнь», направленный на реализацию положений Концепции правовой политики Республики Казахстан о дальнейшей гуманизации уголовного законодательства и являющийся закономерным продолжением закрепленного программными документами курса на ограничение применения смертной казни.

В связи с этим нельзя обойти вниманием тот факт, что в настоящее время Парламентом Республики Казахстан приняты законы «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам наказания в виде ареста, а также введения в действие пожизненного лишения свободы» и «О внесении изменений и дополнений в Уголовный, Уголовно-процессуальный и Уголовно-исполнительный кодексы Республики Казахстан в связи с введением моратория на исполнение смертной казни».

Стремление Казахстана стать полноправным членом мирового сообщества предполагает соблюдение определенных международных стандартов.

Так, Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан, принятый 13 декабря 1997 г., существенно расширил права осужденных, эффективно регламентировал социальную и правовую защищенность их личности и заложил основу для принятия целого ряда законодательных актов, направленных на гуманизацию уголовно-исполнительной политики. Например, Законом РК от 21.12.2002 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный, Уголовно-процессуальный и Уголовно-исполнительный кодексы Республики Казахстан» введено новое наказание, не связанное с лишением свободы, – ограничение свободы. С 8 до 14 лет увеличен возраст ребенка, дающий его матери право на отсрочку отбывания наказания. Изменено содержание уголовно-правовой нормы об условном осуждении в части отмены возможности возложения на условно осужденных дополнительных обязанностей. В санкции более чем 40 составов преступлений внесены изменения, направленные на смягчение наказаний, в том числе из санкций 13 составов преступлений исключено наказание в виде лишения свободы, снижен верхний предел санкции в виде лишения свободы в санкциях 12 составов преступлений, санкции 13 составов преступлений дополнены альтернативными видами наказаний. Все это создало возможности для улучшения условий отбывания наказания и сокращения сроков применения условно-досрочного освобождения, замены неотбытой части лишения свободы более мягким видом наказания, перевода в колонию-поселение. Принятие названного закона в

значительной степени позволило снизить численность тюремного населения. Ранее уменьшение числа осужденных в исправительных колониях происходило только за счет проведения амнистий.

Кроме того, учитывая, что международным сообществом высказывались предложения по совершенствованию уголовно-исполнительного законодательства в части недопустимости жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения (рассматриваемая проблема стала даже причиной выработки Комитетом ООН против пыток соответствующих рекомендаций для Республики Казахстан), Законом Республики Казахстан от 21.12.2002 г. в Уголовный кодекс был введен новый состав преступления, предусматривающий ответственность должностных лиц за умышленное причинение физических или психических страданий с целью получить от пытаемого или третьих лиц сведения или признания либо наказать его за действие, которое совершило оно или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера (ст. 347-1 УК РК «Пытки»).

В настоящее время проводится работа по приведению условий содержания осужденных в соответствие с рекомендациями Минимальных стандартов правил обращения с заключенными и Конвенцией ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих человеческое достоинство видов обращений и наказаний 1984 г., в рамках чего активно улучшается материально-техническая база пенитенциарной системы (ст. 47 УИК РК). Сама уголовно-исполнительная система передана в ведение Министерства юстиции.

Осуществлен комплекс мер по декриминализации отдельных составов преступлений путем их перевода в категорию административных правонарушений. В этой связи своевременным стало принятие Закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Казахстан и Кодекс Республики Казахстан об админист-

ративных правонарушениях по вопросам упрощения процедур расследования уголовных дел и декриминализации некоторых составов преступлений», который был подписан Президентом Республики Казахстан 9 декабря 2004 г. В результате Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях дополнен новой главой 9-1 «Административные правонарушения, посягающие на личность» и т.д.

В связи с поступлением предложения об исключении ареста как вида наказания, назначаемого несовершеннолетним, в ч. 3 ст. 46 УК РК отмечено, что арест не применяется к лицам, не достигшим к моменту вынесения приговора восемнадцати лет. В целом следует понять, нужен или нет этот вид уголовного наказания, поскольку арест не работает должным образом ввиду отсутствия необходимой материальной базы. Более того, на наш взгляд, крайне слабо судами применяются виды наказаний, не связанные с лишением свободы (более 80% наказаний, назначаемых судами, приходится на лишение свободы и условное осуждение к лишению свободы), и это вызывает серьезные вопросы.

Также необходимо отметить, что эффективность применения таких уголовно-процессуальных институтов, как прекращение уголовного дела за примирением сторон, деятельное раскаяние и др., не исчерпана. В этом направлении предстоит еще большая и кропотливая работа по изучению механизмов имплементации норм международного права в национальное законодательство. К примеру, интересным представляется восстановительное правосудие, широко распространенное в зарубежных странах и позволяющее обеспечить интересы как потерпевшей, так и обвиняемой стороны, а также избежать карательной направленности.

Изложенное свидетельствует, что Казахстаном изыскиваются и апробируются все новые пути развития уголовной политики. Конечно, любая модель построения уголовного законодательства не может стать идеальной для всех, но следует признать, что человек, его права и свободы являются в настоящее время приоритетом для государства.

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

Проблемы содержания первого раздела криминалистической науки

О.В. ЧЕЛЫШЕВА – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

В статье рассматриваются различные подходы ученых-криминалистов к определению названия первого раздела криминалистической науки «Гносеологические и методологические основы криминалистики». Кроме того, автор анализирует такие понятия первого раздела криминалистики, как общая теория криминалистики, методология и методика криминалистики, дает авторское определение понятий «гносеологические основы криминалистики» и «методологические основы криминалистики».

Ключевые слова: гносеология; теория познания; гносеологические основы криминалистики; методологические основы криминалистики; методология; методика.

Несмотря на то что теоретический раздел прочно занял место первого элемента в системе криминалистики, существующие взгляды на него нельзя назвать однозначными. В течение нескольких последних десятилетий употреблялись разные термины для его обозначения. Наиболее распространенным является название «общая теория криминалистики». Кроме того, первый раздел криминалистики нередко обозначается как «введение в науку», «методологические основы криминалистики», «теоретические и методологические основы криминалистики», «научно-исследовательские основы криминалистики». Причем, как показывает анализ основных работ в области криминалистической теории, принципиальной разницы между этими категориями нет. Даже, наоборот, в литературе подчеркивается необходимость единообразного понимания общей теории, методологии, гносеологической сущности криминалистики.

Так, Р.С. Белкин указывает, что общая теория является методологической основой криминалистики. Методология конкретной частной науки не сводится к системе используемых в ней методов исследования, отражения своего предмета. Правильное понимание сущности методологии требует рассмотрения диалектического материализма – всеобщей научной методологии – как теории познания, что приводит к важному выводу: методология – это теоретическая система знания, то есть система идей, а не просто способов исследования¹. Таким образом, мето-

дологическую нагрузку в криминалистике берет на себя общая теория.

На наш взгляд, современный уровень развития криминалистики, характеризующийся становлением сугубо теоретических направлений, усложнением понятийного аппарата, сложностью и опосредованностью отношений между эмпирическим базисом научного знания и его теоретическим уровнем, обуславливает актуальность задачи более глубокого исследования природы научного познания в криминалистике, его процессов и механизмов. В настоящее время недостаточно простой констатации того, что диалектический материализм является всеобщей научной методологией, в том числе и методологией криминалистической науки. Тем более недопустимо смешивать такие понятия, как «диалектический материализм», «методология науки», «теория познания (гносеология)», «общая теория науки», «научно-исследовательский анализ» и т.п. Несмотря на то что данные термины и употребляются в криминалистической и философской литературе в близких значениях, глубокий анализ научного знания требует их разграничения.

В первую очередь остановимся на отграничении перечисленных понятий от «научно-исследовательского анализа». Следует отметить, что процессы самосознания науки очень разнообразны. «Науку изучают и такие специальные дисциплины, как социология науки, психология научного творчества, семиотика в той ее части, которая касается

знаково-символических средств науки и пр. Эти дисциплины также являются формой самосознания науки»². Исследованием науки занимается и история данной науки. Криминалистика, как и другие отрасли научного знания, может быть подвергнута анализу в данных аспектах. Такие исследования будут являться науковедческими, однако к теории познания, методологии и общей теории криминалистики их отнести нельзя. Таким образом, науковедческий анализ криминалистики охватывает значительно более широкие области данных, чем те, которые принято излагать в первом разделе данной науки.

Саму криминалистику в плане самосознания более всего интересует вопрос о том, как она выполняет свою основную задачу – получение адекватного знания об объективном мире. Проблемы же познания всегда традиционно связывались с таким разделом философии, как гносеология.

Термин «гносеология» происходит от двух греческих понятий: «гносис» – знание и «логос» – учение. В дословном переводе это означает учение о знании. Однако в философии гносеология традиционно представляется как теория познания, что позволяет избежать определенной тавтологии.

Теория познания – философское учение об отношении наших ощущений, представлений и понятий к вещам и явлениям объективного мира, о возможности правильного познания сущности предметов, об источниках познания, основных ступенях и формах познания и критериях истины.

Вопрос о познаваемости мира составляет вторую сторону основного вопроса философии, который решается сторонниками диалектического материализма положительно, то есть ими утверждается, что мир и его закономерности вполне познаваемы. Диалектический материализм исходит из того, что мир, природа существуют вне и независимо от сознания, что в ощущениях и представлениях человека отражается объективная действительность, что в основе исторически прогрессирующего познания лежит общественно-историческая практика, которая составляет критерий истины и доказывает способность мышления дать объективную истину. Познание идет от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него – к практике. В мире нет непознаваемых вещей, есть только вещи, еще не познанные, которые впоследствии могут быть раскрыты силами науки и практики.

Познание, как правило, определяется как совокупность процессов, обеспечивающих человеку возможность получать, перерабатывать и использовать информацию о мире³. Те явления или процессы, на которые направлена познавательная активность людей, принято называть объектом познания. Тот, кто осуществляет познавательную деятельность, обретает статус субъекта познания. Им может быть индивид, группа, общество в целом.

Таким образом, познание – это специфическая форма взаимодействия субъекта и объекта познания, конечной целью которого является получение истины, обеспечивающей освоение объекта с учетом потребностей субъекта.

Следовательно, гносеологическое отношение включает три составляющие: субъект, объект и знание как результат познания. Отсюда необходимо исследовать механизм взаимосвязи, которая возникает между получающим знание субъектом и объектом как источником знания, между субъектом и знанием, между знанием и объектом⁴. Совокупность данных связей и отношений в криминалистике, несомненно, обладает существенной спецификой, без осознания которой невозможно научное познание объективного мира. На наш взгляд, вопросы об объекте, предмете, субъекте, особенностях и истинности получаемого знания необходимо признать гносеологическими основами криминалистики.

С гносеологическими основами криминалистики тесно связаны ее методологические основы. Однако отождествлять эти две категории нельзя. Гносеологическое отношение «субъект–объект» предполагает наличие своего посредника (систему средств познания). Метод познания – это творческая лаборатория субъекта познания. Метод определяется природой объекта и уровнем его освоения. Изучением методов познания, их специфики занимается особый раздел философии – методология. Эвристический потенциал методологии зависит от уровня развития гносеологии⁵.

Понятия «методология», «методологические основы», «методологический анализ» науки употребляются и в более широком значении – фактически как способ рассмотрения науки как средства достижения знания, истины. По мнению некоторых философов, «можно говорить о методологическом анализе там, где вскрываются те элементы познавательного процесса, которые выступают в качестве средств и условий получения знания»⁶.

Таким образом, методологические основы криминалистики могут быть поняты в широком смысле как совокупность научных положений обо всех элементах познавательного процесса – его объекте, предмете, субъекте, результате и методах исследования. В этом смысле гносеологические основы криминалистики выступают частью ее методологии.

Надо отметить, что и в криминалистике возможны две трактовки понятия «методология» и его соотношения с общей теорией криминалистики. Так, А.Ф. Лубин заметил, что, с одной стороны, невозможно отрицать методологического значения любой теории (не только общей), а с другой – нельзя не видеть самостоятельного методологического уровня в научной теории⁷.

Кроме того, следует учитывать, что методология криминалистики, как и любой науки, многоуровневая. Методологические исследования достаточно сильно различаются по своему тео-

ретическому уровню, степени общности и дифференциации собственно методологической проблематики, уровню вычленения и осознания исходных понятий и средств методологического анализа⁸.

Так, диалектический и исторический материализм являются методологической основой познания явлений и процессов, изучаемых криминалистикой, но существует и более частная методология исследования, например методология познания закономерностей механизма преступной деятельности, закономерностей механизма расследования. Кроме того, методологическим будет, по-видимому, и исследование таких приемов познания в криминалистике, как идентификация, моделирование и т.п. В этом смысле понятие «методология криминалистики» является еще более широким, чем «гносеологические основы».

С другой стороны, методологию криминалистики можно рассматривать и более узко – как систему научных положений о методах исследования. В этом смысле гносеологические и методологические основы будут выступать в качестве двух равноправных разделов, каждый из которых занимается анализом познавательных процессов криминалистической науки в соответствующем аспекте.

Кроме того, следует помнить, что понятие «методология» в криминалистике весьма активно употребляется и в совершенно ином смысле.

Так, Г.А. Зорин определяет методологию как совокупность методов, применяемых в определенной сфере деятельности, и в связи с этим различает методологию криминалистики как учебной дисциплины, методологию криминалистики как науки и методологию криминалистики как практической деятельности по расследованию преступлений⁹. В целом данный подход обоснован, поскольку о существовании методологии науки и практической деятельности говорилось основоположниками криминалистической теории Р.С. Белкиным и А.И. Винбергом еще тридцать лет назад¹⁰. В то же время, на наш взгляд, в формулировке Г.А. Зорина имеется существенная неточность, заключающаяся в том, что автор отождествляет криминалистику и практическую деятельность по расследованию преступлений. Более того, в его работе неоднократно употребляются выражения «криминалистическая деятельность», «криминалистическое действие» и т.п. Например, указывается, что криминалистическая методология – это система операций выбора последовательности выполнения криминалистических действий¹¹.

Криминалистика – это наука, специфическая форма общественного сознания, с одной стороны, представляющая собой совокупность знаний об окружающем мире, а с другой – разрабатываемая средства и методы преобразования данного окружающего мира. У криминалистики, как и у других наук, есть свой «участок» окружающей действительности, совокупность явлений и

процессов, познаваемых и преобразуемых за счет внедрения научных разработок. Однако те же самые явления и процессы (деятельность по расследованию преступлений) изучаются и преобразуются другими науками, в том числе уголовным процессом, административным правом и пр. Это относится и к так называемым «криминалистическим действиям». Если Г.А. Зорин под криминалистическими действиями понимает следственные действия и другие действия лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность (дознателя, специалиста, эксперта, судьи и т.д.), то они изучаются не только криминалистикой, а следовательно, употребляемый термин «криминалистические действия» выглядит некорректным. Поэтому, полагаем, правильнее говорить о криминалистической методологии как системе методов, разрабатываемых криминалистикой в целях преобразования изучаемых явлений и процессов (в том числе и с целью совершенствования деятельности по расследованию преступлений). В этом смысле гносеологические основы и криминалистическая методология находятся в совершенно разных плоскостях.

В криминалистической литературе отмечается недопустимость смешения таких понятий, как методология и методика. Методология выступает как тип рефлексии, изучающий средства познания, категории и понятия, методы и процедуры исследования, объяснительные схемы и способы построения научных теорий. Разница между методологией и методикой состоит в том, что в первом случае речь идет об отношении «человек–предстоящая деятельность», во втором – «человек–программа деятельности»¹². Поэтому вряд ли будет правильным говорить, например, о методологии осмотра места происшествия и т.п.

На наш взгляд, нельзя отождествлять и такие понятия, как методология и общая теория криминалистики. Общая теория криминалистики определяется как система ее методологических принципов, теоретических концепций, категорий, понятий, определений, методов и связей, представляющая научную интерпретацию предмета криминалистики как целого¹³. Общая теория неоднородна по своему содержанию. В ее состав включаются положения об объекте, предмете, принципах развития, природе криминалистики, ее месте в системе научного знания. По мнению Р.С. Белкина, это науковедческая часть общей теории. Чаще всего для ее обозначения применяют термин «введение в общую теорию криминалистики».

Представляется, что ни то, ни другое название не отражают сути данного раздела даже приблизительно. По поводу науковедения мы уже приводили объяснение о том, что науковедческие проблемы очень разнообразны и не ограничиваются вышеперечисленными вопросами. Еще менее подходящим является название «введение в общую теорию». Под введением всегда

понимается какой-то предварительный обзор проблемы, предшествующий основной части. В данном же случае речь идет не о предварительном ознакомлении с остальными структурными элементами общей теории, а о самостоятельном важном вопросе – знаниях, получаемых криминалистикой. Думается, что введение может существовать в конкретной научной работе, публикации, учебнике и других материальных выражениях научной мысли, но не в науке как одной из форм общественного сознания.

Считаем также, что не все положения, включаемые в общую теорию, имеют методологическое значение (даже в широком смысле). Так, например, непонятно, какое методологическое значение имеют учение о розыске или некоторые положения криминалистической систематики (классификация папиллярных узоров или признаков почерка), которые в настоящее время включаются в состав общей теории (на правах частных теорий).

Под теорией понимается система основных идей в области криминалистического знания, то есть научное объяснение объективных закономерностей тех явлений и процессов, которые изучает криминалистика. Общая теория криминалистики – это наиболее высокий уровень обобщения накопленных данной наукой знаний.

Попробуем объяснить, что именно мы понимаем под наиболее высоким уровнем обобщения криминалистических знаний. Известно, что на определенном этапе развития общества получение научных знаний выделилось в особую форму духовного производства – науку, субъектом которой выступают специально подготовленные люди – научные работники, исследователи. При этом научная деятельность возможна только как общественная. Наука – синтез общественно-исторической практики многих людей, продукт всеобщего исторического развития в его абстрактном итоге.

Достижения научного познания по своей природе кумулятивны, они представляют собой общий итог всего того, что достигла наука к определенному времени. Научные исследования, начатые одним ученым, позднее продолжают другими. Безусловно, научные труды могут создаваться и отдельными учеными, но обязательно с использованием труда предшественников. Поэтому теория научного познания в поле внимания держит закономерности общего познания.

Следовательно, научное исследование направлено на изучение объектов, не только связанных с практикой человека, но и тех, которые создаются в ходе развития самой науки. В связи с этим объектом научного познания выступают и сами результаты познавательной деятельности: научные знания, оформленные в теории, гипотезы, проблемы, научные факты.

Мы позволим себе еще раз обратиться к работе А.Ф. Лубина, который (на наш взгляд, совершенно обоснованно) рассматривает ие-

рархическую трехуровневую систему научного знания в криминалистике: 1) нижний уровень – эмпирическое знание; 2) средний уровень – собственно теоретическое знание; 3) высший уровень – методологическое (метатеоретическое) знание. Первые два уровня являются знанием о реальности, третий – знанием о знании¹⁴. Когда мы говорим об общей теории криминалистики, то следует иметь в виду именно метатеоретическое знание.

В то же время данное метатеоретическое (общетеоретическое) знание неоднородно. С одной стороны, оно включает в себя собственно знание о знании (его объекте, субъекте и результате, связях и отношениях между ними). Это, образно говоря, статическая сторона. Для избежания тавтологии назовем ее гносеологическим аспектом общей теории. С другой стороны, имеется как бы динамическая сторона общей теории – знание о процессе получения знания, которое как раз и можно обозначить как криминалистическую методологию или методологические основы криминалистики в узком смысле.

Таким образом, в криминалистике можно выделить эмпирико-теоретический уровень исследований, к которому относятся большинство работ прикладного характера по криминалистической технике, тактике и методике, теоретический уровень – систему частных криминалистических теорий, а также метатеоретический уровень – общую теорию, которая содержит две стороны: методологические и гносеологические основы криминалистики.

Учитывая вышеизложенное, под гносеологическими основами криминалистики следует понимать систему теоретических положений о закономерностях получения и использования криминалистических знаний. К гносеологическим основам криминалистики следует отнести положения об объекте исследования, предмете науки, то есть получаемом знании, его сущности, природе и системе, особенностях их отношений между собой и с субъектом исследования. Под методологическими основами в этом смысле будет пониматься система теоретических положений о способах получения научного знания в криминалистике.

В совокупности гносеологические и методологические основы составляют общую теорию криминалистики, которая и должна рассматриваться в качестве первого элемента данной науки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Белкин Р.С. Курс криминалистики: В 3 т. М., 1997. Т. 1. Общая теория криминалистики. С. 42.

² Лекторский В.А., Швырев В.С. Методологический анализ науки (типы и уровни) // Философия. Методология. Наука. М., 1972. С. 10.

³ См.: Сальников В.П., Кальной И.И., Гуцериев Х.С., Сандулов Ю.А. Философия для аспирантов. СПб., 1999. С. 378.

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: Там же. С. 411–412.

⁶ Лекторский В.А., Швырев В.С. Методологический анализ науки (типы и уровни). С. 10.

⁷ См.: Лубин А.Ф. Механизм преступной деятельности. Методология криминалистического исследования. Н. Новгород, 1997. С. 12.

⁸ См.: Лекторский В.А., Швырев В.С. Методологический анализ науки (типы и уровни). С. 9.

⁹ См.: Зорин Г.А. Криминалистическая методология. Минск, 2000.

¹⁰ См.: Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание. М., 1969. С. 14.

¹¹ См.: Зорин Г.А. Криминалистическая методология. С. 6.

¹² См.: Лубин А.Ф. Механизм преступной деятельности. Методология криминалистического исследования. С. 10; Педагогика и логика. М., 1992. С. 51.

¹³ См.: Криминалистика: Учеб. для вузов / Под ред. Р.С. Белкина. М., 2000. С. 42.

¹⁴ См.: Лубин А.Ф. Механизм преступной деятельности. Методология криминалистического исследования. С. 10.

Процессы социальной либерализации как фактор ужесточения уголовного преследования личности

О.В. ХОМЯКОВ – старший преподаватель кафедры боевой и тактико-специальной подготовки ВИПЭ ФСИН России, кандидат философских наук

В статье рассматривается либерализация общественного сознания в России и ее непосредственное влияние как на инициирование деструктивных действий, так и впоследствии на ужесточение уголовного преследования личности. Автор опровергает устоявшиеся стереотипы о либеральном общественном идеале как об универсальном и идеальном. Статья приобретает особую значимость в связи с последними инициативами Президента и Правительства России по реформированию уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: либерализация общественного сознания; социальная либерализация; либерализм; пенитенциарная политика.

Построение цельной объективной картины становления и эволюции российского либерализма является возможным при анализе не только либеральных инициатив «сверху», но и при рассмотрении деструктивных реакций личности «снизу» на эти инициативы. Либеральные идеи «проникают на российскую почву» с середины XVIII в. Особенности развития либерализма в России в этот период принято считать следующие. Во-первых, либерализм выступал как некая форма духовной активности элиты дворянства, воплотившаяся в идеях и текстах теоретиков, пытающихся реализовать свой научный потенциал в интересах власти, а во-вторых, как некий элемент интеллигентского сознания, призванный согласовать почвеннические, крестьянские, в основном архаичные идеи и ценности с интересами властвующей элиты. Российская интеллигенция рассматривала элементы западной культуры не как самоценность или как элемент личностного саморазвития человека, а только как средство достижения определенно понимаемого блага для народа. Действия российской интеллигенции, по сути, были направлены скорее на «восстановление догосударственного (или с крайне слабой государственностью) крестьянского социализма, склонного превращать страну в конгломерат замкнутых, основанных на натуральном хозяйстве общин»¹. Об этом писал

и Н.А. Бердяев: «Общественный утилитаризм в оценке всего, поклонение “народу”, – то крестьянству, то пролетариату, – все это остается моральным догматом большей части интеллигенции»². Таким образом, можно констатировать, что в русском интеллигентском сознании преобладал преимущественно утилитарный компонент, идея либерализма «превращалась в чистое средство, лишенное своей самоценности, из него выхолащивалась сердцевина: нравственное содержание, философия либеральной цивилизации, каждый элемент либерализма вырывался из либерального контекста, рассматривался в совершенно иной культурной ситуации»³. Н.А. Бердяев в свойственной ему манере противопоставлений «тезисов и антитезисов» характеризует российскую интеллигенцию: «Интеллигенция наша дорожила свободой и исповедывала философию, в которой нет места для свободы, дорожила личностью и исповедывала философию, в которой нет места для личности, дорожила смыслом прогресса и исповедывала философию, в которой нет места для смысла прогресса, дорожила соборностью человечества и исповедывала философию, в которой нет места для соборности человечества, дорожила справедливостью и всякими высокими вещами и исповедывала философию, в которой нет места для справедливости и нет места для чего

бы то ни было высокого. Это почти сплошная, выработанная всей нашей историей аберрация сознания»⁴. Используя терминологию Н.А. Бердяева, можно констатировать «аберрацию либерализма» на российской почве.

Философский либерализм, доведенный до последнего предела, отрицает все виды социальных общностей – реальность государства, нации, человечества, способствует формированию никем не управляемой, неконтролируемой, деструктивной личности. При этом общество мыслится как момент интеракции личностей. И в своем желании довести государство до крайнего минимума и постепенно совсем упразднить либерализм смыкается вплотную с анархизмом, образуя так называемый абсолютистский либерализм. Весьма спорным является и утверждение относительно того, что либерализм является универсальным механизмом демократизации общественно-политической жизни. Опыт современной России убедительно демонстрирует сомнительность данного тезиса. Основным принцип либерализма – «laissez-faire» (от фр. *laissez-faire* – непротивление, попустительство) – на нынешнем этапе оказался почти полностью реализованным, что, однако, ничуть не способствовало демократизации общественной жизни. «Наверное, ничто так не навредило либерализму, – пишет Ф.А. Хайек, – как настойчивость некоторых его приверженцев, твердолюбо защищавших какие-нибудь эмпирические правила, прежде всего, “laissez-faire”»⁵. Очевидно, что человек уже с рождения является членом определенной социокультурной общности – семьи, общины, коллектива, общества, государства. Его деятельность и поведение регулируются определенными, принятыми в этой среде нормами и правилами. Следовательно, не имеет смысла говорить о какой-то естественной и абстрактной свободе, которая в реальном обществе никогда не существовала, да и не могла существовать. Осознавая свои права на свободу, человек должен осознавать и свои обязанности, то есть сознавать, что другие люди наделены не меньшими правами осознания своей свободы и способны требовать соответствующего встречного признания и уважения к своему праву. По мнению И. Берлин, «полная свобода волков – смерть для овец, а полная свобода сильных и одаренных несовместима с правом слабых и менее одаренных на достойное человеческое существование»⁶. Для обывателей невмешательство государства в их жизнь зачастую угрожает не только их демократическим свободам, но и попросту самому физическому существованию. Самоуклонение государства от организации общественной жизни и слабый государственный контроль с неизбежностью приводят к криминализации общества, хаосу и анархии, к ситуации, когда член общества оказывается просто не в состоянии реализовывать свои демократические права.

Полемика по поводу степени «социального» участия государства в жизни граждан, которая

происходила в начале XX в., ничуть не утратила своей актуальности и в наши дни. Формирование целостной творческой личности оказалось весьма проблематичным в связи с деформациями в системе нравственных и моральных норм общества; абстрагированием части населения страны от самобытной российской культуры. Действительно, либеральные ценности, привнесенные с Запада, явились в российских условиях ценностями, ориентирующими личность на исключительный приоритет материальных благ, на обогащение и потребление. В результате они оказались не только антигуманными и социально-фрустрационными, но и в некоторых случаях антигосударственными. Навязываемое внедрение извне своего рода «матрицы свободы» в конечном счете может привести к «взлому» национального суверенитета России, отстранению большинства граждан от реального влияния на механизмы принятия решений органами государственной власти. Тщетное ожидание благоденствия и благополучия, связанное с надеждой реализации западной либеральной модели общественных отношений, обернулось для населения массовым психологическим состоянием гнетущего напряжения, чувством безысходности и отчаяния. Сегодня общество реально сталкивается с последствиями этих ожиданий: от астенических до собственно стенических. Для одной части населения страны это попытке уйти от реальной ситуации в мир фантазий и грез (в апогее развития – создание и участие в деятельности антисоциальных объединений с инвертированной системой ценностей), для другой – проявление агрессии от гнева и деструктивных действий по отношению к отдельным представителям органов государственной власти до организации экстремистской деятельности, совершения террористических актов.

Свобода, воспринимаемая без каких-либо нравственных ограничений, превратилась в произвол. Государство в 90-е гг. XX в. оказалось не в состоянии гарантированно обеспечить безопасность граждан. В этой ситуации вполне обоснованной является необходимость действия охранительных институтов государства в рамках действующего права, в том числе и по противодействию терроризму. Соответствующий закон вступил в силу с 10 марта 2006 г.⁷

Сегодня, рассматривая либерализацию общественного сознания в современной России, можно заметить аналогию с либеральными реформами общественных институтов начала прошлого века. Актуальным вариантом общественного развития может стать стремление к построению в России некой неоконсервативной модели либерализма. Либеральная идея в современной России должна рассматриваться через призму обращения к государству не только с целью регулятивного и ограничивающего воздействия на развитие общественных отношений, но и одновременно правового обеспечения ценностного ориентирования личности. Возмож-

ность формирования устойчивых социальных отношений может быть осуществлена на основе ценностной консолидации общества, ядром которой является государство. В современных условиях жизнь российского общества в условиях обострившихся внутренних конфликтов и межэтнических противоречий не обслуживается должным образом либеральной идеологией. Так, В. Костиков уже в 2004 г. констатировал понимание высшим руководством страны деструктивного влияния либерализации общественных отношений на развитие личности в российских условиях: «Очевидно, что В.В. Путин разочарован в либерализме»⁸. Приоритеты квази- и псевдокультуры выражаются в том, что они играют основную негативную роль как в социализации человека, так и в дальнейшем формировании его как личности. Безусловно, что духовная пустота человека открывает возможность для активизации сил зла как непосредственно в нем, так и вокруг него. «Свобода в смысле абсолютного произвола, – писал С.А. Левицкий, – не есть еще свобода. Если бы она была возможна, она сделала бы личность рабой ее собственных иррациональных капризов»⁹. Конечно же, ослабление контрольно-регулятивной функции государства при смене идеалов и ценностей широких слоев населения, недостаточная способность общества, отдельных стран, в целом всего мирового сообщества регулировать сложные социально-политические процессы как непосредственно в государствах, так и в мире создают реальную угрозу распространения особой формы политического насилия – терроризма. Терроризм используется в качестве средства политической борьбы не только в интересах государства или каких-либо организаций, но и в интересах отдельных групп лиц. Очевидно, что проблема противодействия терроризму сегодня как в России, так и по всему миру признается одной из первоочередных задач по сохранению и развитию человеческой цивилизации. А минимизация террористических угроз напрямую связывается с вынужденными ограничениями свобод граждан. О вынужденных мерах, которые смогли бы ограничить тотальную и иррациональную по своей сути эмансипацию личности в российских революционных условиях начала XX в., писал и апологет свободы А.И. Солженицын: «Если б не был царь слабак, догадался бы и он 9-го января в Петербурге ловить рабочих с хоругвями и лепить им бандитизм. И никакого бы революционного движения как не бывало»¹⁰.

Если попытаться проанализировать формально декларируемую и формально принимаемую роль свободы личности в общественном развитии и сравнить с реально существующей ситуацией на практике, подтвержденной статистическими сведениями, свидетельствующими о негативном влиянии либерального вектора развития общества на развитие личности, то можно прийти к неоднозначным выводам. Так, начиная с 1917 г. в условиях смены власти и гра-

жданской войны в российском социуме были разрушены ростки либерального образа мысли и жизни. В России были ликвидированы как духовно-философские, так и экономические институты старой власти. Например, Марк Ферро писал: «Получив после Октября всю полноту ни с кем неделимой власти, большевики и вовсе возомнили себя пророками: их видение было единственно верным, они во всем были правы... приходилось сообразовываться с поставленным партией диагнозом. Всякая не соответствующая ему история должна быть пересмотрена, так как любое сомнение, касающееся путей исторического прогресса, подрывало "линию" партии, да и само ее право на руководящую роль»¹¹. Непризнание революции и отказ от сотрудничества с Советами предопределяли как минимум вынужденную иммиграцию интеллектуальной элиты. «Разве Маркс и Ленин, – пишет А.И. Солженицын, – не учили, что старую буржуазную машину принуждения надо сломать, а взамен нее тотчас же создать новую?»¹² Применение репрессий, решительная борьба с враждебной буржуазной пропагандой были направлены на ограничение общественного влияния антисоветских сил, на минимизацию воздействия буржуазных идеологов на широкие круги интеллигенции, которые встали на путь признания революции и сотрудничества с советской властью. Статистические данные, свидетельствующие о том, что процессы либерализации общественных отношений в годы осуществления новой экономической политики, часто отождествляемые с предоставлением реальных свобод и гарантий гражданам, на самом деле реально отражали сведения об ужесточении уголовного преследования личности. Так об этом пишет А.И. Солженицын: «К октябрю 1923, уже в начале безоблачных годов НЭПа (и довольно далеко еще до культа личности) содержалось: в 355 лагерях – 68 297 лишенных свободы, в 207 исправдомах – 4816, в 105 домзаках и тюрьмах – 16 765, в 35 сельхозколониях – 2328 и еще 1041 несовершеннолетних и больных»¹³.

Мы можем говорить о возникновении некой стены отчуждения между основной массой населения страны и новой властью Советов. Власть, осознавая это, вынуждена была тотально контролировать не только экономику, но также социальную сферу жизни людей и бытовую культуру. Но такое положение не смогло просуществовать продолжительное время.

«После кошмара, вызванного амнистией 1953 года» – именно так характеризует профессор Ю. Рент данный период, отражая особенности исторической эволюции уголовно-исполнительной системы со второй половины прошлого столетия¹⁴. Однако принято считать, что «Хрущев, в отличие от Сталина, уделил внимание благосостоянию народа и допустил "управляемую" демократию»¹⁵. Предполагается, что и правоохранительная система была адекватна политическому режиму страны и находилась в состоянии

«оттепели». В эти годы повысилась значимость личной жизни, была предоставлена возможность реализации индивидуальных интересов и легализации материальной заинтересованности граждан, был нанесен первый серьезный удар по казарменному коллективизму общезжитий. Но помпезность в оценке деятельности Н.С. Хрущева сменяется скептическим отношением И.М. Клямкина, который оценивает реформы Н.С. Хрущева как недостаточные: «они всколыхнули общество, но не перепахали его, не сообщили ему новых импульсов, не зарядили другими, более современными видами энергии...»¹⁶. В СССР существовал латентный кризис общественно-политической системы: «В 1960–1970-х гг. конструктивные инициативы “снизу” перестали находить институциональную поддержку государства, а нередко стали наказываться»¹⁷. Хотя в период с 1960 по 1963 гг. влияние Н.С. Хрущева на развитие общественных и государственных институтов было максимальным и всеми этот период времени понимается как «хрущевская оттепель», при этом подразумевается, что до и после него правящий режим характеризовался значительно большей строгостью, доходившей до откровенной жестокости. Однако, во-первых, необходимо вспомнить массовый расстрел демонстрантов в 1962 г. в Новочеркасске, а во-вторых, изучить статистические сведения, которые свидетельствуют, что в «оттепель» «теплых отношений» было меньше, чем в последующий период «застоя». Правильнее говорить не об ужесточении, а об очевидной либерализации правоохранительной деятельности в целом и уголовно-исполнительной доктрины в частности, но только уже в «застойные» годы. Это значит, что декларируемая и популяризируемая мысль о либерализации общественных отношений 50–60-х гг. прошлого столетия должна быть скорректирована, в первую очередь в связи с более бескомпромиссным отношением к уголовному преследованию личности в сравнении со следующим периодом развития общественных отношений. Так, в 1961 г. к смертной казни было осуждено 1890 чел., в 1962 г. – 2159. Из каждых 10 тыс. осужденных приговаривали к исключительной мере 40–44 чел. В период же «застоя» этот показатель плавно снизился от 16,3 осужденных к высшей мере наказания в 1964 г. до 3,8 в конце 70-х гг. Даже из числа осужденных за умышленное убийство в 1963 г. (последний полный год правления Н.С. Хрущева) к смертной казни было приговорено 19,8%, тогда как в 1981 г. (последний полный год правления Л.И. Брежнева) этот показатель снизился до 11,6%. Несильно противоречит указанной тенденции и статистика численности заключенных в исправительно-трудовых учреждениях. В 1959 г. этот показатель в СССР составлял 846 147 чел., в 1975 г. – 860 540, в 1979 г. – 937 159¹⁸. Рост количества заключенных в целом пропорционален общему приросту населения.

К началу 1970-х гг., в период правления Л.И. Брежнева, была радикально изменена пенитенциарная политика государства. Она стала более гибкой и дифференцированной. Например, ограничение свободы и направление в лечебно-трудовые профилактории оформлялись не в качестве наказания, а в качестве принудительного лечения. Для отбывания наказания военнослужащими срочной службы, осужденными на срок до двух лет, использовались дисциплинарные батальоны, нахождение в которых засчитывалось в прохождение срочной службы. Даже непримиримый борец за либеральные идеалы В. Новодворская, содержащаяся в СИЗО «Лефортово», отмечала, что бытовые условия содержания в этом учреждении «почти дошли до уровня голландской тюрьмы»¹⁹.

В дальнейшем концепция монолитного единства советского народа и партии, братского сосуществования народов СССР вступала в противоречие с массовой рационализацией общественной жизни, и, как следствие, предполагалось, что возникала необходимость в уменьшении тотального и централизованного контроля над жизнью социума. Однако в условиях старых социокультурных ценностей советского общества этого сделать было практически невозможно. Весь период второй половины XX в. характеризовался стремлением руководства страны сохранить за СССР роль мирового лидера. Это задача воплощалась преимущественно в укреплении военной организации и увеличении военно-промышленного арсенала страны. Важное политическое значение приобрел факт создания ядерного оружия, угроза применения которого вынудила политический бомонд Запада допустить Советское государство к интегрированию в существовавшие международные структуры. Следующим этапом либерализации общественных отношений принято считать «косыгинскую» экономическую реформу. Именно в этот период впервые был создан прецедент активного государственного участия в развитии легкой промышленности, которое сводилось не к опеке, а наоборот, к предоставлению возможности проявления предприимчивости производственным учреждениям. «По крайней мере, – пишет В.В. Согрин, – косыгинские реформы допускали развитие инициативы и самостоятельности промышленных предприятий и колхозов»²⁰. Либеральные тенденции в экономике в итоге оказались антитепой официальной пропаганды. Брежнев не позволил Косыгину затмить идеологически выстраданное «детище», являющееся стержнем экономической политики СССР, – ускоренную индустриализацию: строительство все новых промышленных гигантов, создание и обслуживание масштабных транспортных коммуникаций. Движение страны по экстенсивному пути продолжало осуществляться. Курс развития государства сохранился и при М.С. Горбачеве, хотя и на XXVII Съезде КПСС обозначались при-

оритеты развития страны с опорой на достижения научно-технической революции. Однако в нашей стране существовала как идеология, категорически неприемлемая Западом, так и экономически слабая система хозяйствования. Основу экономики СССР продолжали составлять промышленные гиганты, имеющие низкую рентабельность и нуждающиеся в реконструкции. Пенитенциарная политика того времени хоть и характеризуется как более либеральная по сравнению с предыдущей, но при этом говорить о достижении серьезных результатов в укреплении гарантий законности и обеспечению прав личности не приходится. Подтверждение этого можно вспомнить криминальный беспредел и социальный хаос начала 1990-х гг., основой для развития которых стала массовая деидеологизация советского общества в конце 1980-х гг.

В наши дни сфера государственного участия в жизни общества реально меняется от утопических программ построения счастливого общества благоденствия к конкретным механизмам реализации социального прагматизма и рационализма. Очень часто современное направление развития общественных отношений отождествляется с антилиберальным и антидемократическим. Но тем не менее Федеральным законом от 28.12.2004 г. № 177-ФЗ уже с 1 января 2005 г. введен новый вид наказания в виде обязательных работ²¹. И в настоящее время к этим работам уже приговорено свыше 90 тыс. чел.²² А это есть реальная альтернатива уголовным наказаниям в виде лишения свободы. Однако в современных условиях при противодействии деятельности организаций экстремистской и террористической направленности очевидно, что необходимо жестко и своевременно действовать на упреждение негативного развития обстановки. Так, на начало 2006 г. в учреждениях УИС содержалось 1,7 тыс. осужденных за бандитизм и 4825 чел., осужденных за преступления террористической направленности²³. Именно вступившие в силу новые законы и указ Президента, определившие систему противодействия терроризму в стране, позволили стабилизировать обстановку. Общее число терактов в России в последние годы неуклонно сокращается. Председатель Комитета Государственной Думы по безопасности В.А. Васильев отмечает: «Если в 2005 году их было 257, в 2006 году – 112, то 2007 году – 41. Нейтрализованы наиболее одиозные лидеры бандформирований, в значительной степени удалось стабилизировать ситуацию в Чеченской Республике и в целом в Северо-Кавказском регионе»²⁴. Термин «персонификация» все чаще употребляется, не только в связи с ответственностью государства по отношению к гражданам, но и в связи с реализацией своих прав и обязанностей личностью в обществе. Процессы либерализации общественных отношений в России, действительно, невозможно однозначно

воспринимать как исключительно позитивные, направленные во благо личности. В настоящей статье мы попытались продемонстрировать, что либерализация общественных отношений реально может оборачиваться не только реализацией прав личности на деструктивную свободу, но и действительным ужесточением уголовного преследования, принуждением к обязанности личности нести ответственность за «воплощенные в жизнь либеральные послылы», что является неоспоримым фактом развития современного российского социума и требует признания.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ахиезер А.С. Российский либерализм перед лицом кризиса // *Общественные науки и современность*. 1993. № 1. С. 13.

² Бердяев Н.А. *Философская истина и интеллигентская правда* // Вехи. М., 1990. С. 7.

³ Ахиезер А.С. Российский либерализм перед лицом кризиса. С. 13.

⁴ Бердяев Н.А. *Философская истина и интеллигентская правда*. С. 19–20.

⁵ Хайек Ф.А. *Дорога к рабству* // *Вопросы философии*. 1990. № 10. С. 123.

⁶ Цит. по: Гаджиев К.С. *Размышления о свободе* // *Вопросы философии*. 1993. № 2. С. 45.

⁷ См.: Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // *Российская газета*. 2006. 10 марта (№ 48). С. 8

⁸ Костиков В. *Выбор маршрута* // *Аргументы и факты*. 2004. № 40(1249). С. 4.

⁹ Левицкий С.А. *Трагедия свободы*. Франкфурт-на-Майне, 1984. С. 114.

¹⁰ Солженицын А.И. *Архипелаг ГУЛАГ*. М., 1990. Т. 3. С. 390.

¹¹ Цит. по: Щербатых Ю.В. *Искусство обмана*. М., 2001. С. 255.

¹² Солженицын А.И. *Архипелаг ГУЛАГ*. М., 1990. Т. 2. С. 9.

¹³ Там же. С. 18

¹⁴ См.: Реент Ю. *Отречение от темного прошлого. Эволюция уголовно-исполнительной системы со второй половины 60-х до конца 80-х годов* // *Преступление и наказание*. 2008. № 11. С. 43.

¹⁵ Согрин В.В. *Уроки российской истории и современные реформы* // *Вопросы философии*. 2002. № 11. С. 12.

¹⁶ Клямкин И.М. *Почему трудно говорить правду* // *Новый мир*. 1989. № 2. С. 235.

¹⁷ Заславская Т.И. *Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе* // *Общественные науки и современность*. 2005. № 4. С. 21.

¹⁸ См.: Реент Ю. *Отречение от темного прошлого. Эволюция уголовно-исполнительной системы со второй половины 60-х до конца 80-х годов*.

¹⁹ Там же.

²⁰ Согрин В.В. *Уроки российской истории и современные реформы*.

²¹ См.: Федеральный закон от 28 декабря 2004 г. № 177-ФЗ «О введении в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации о наказании в виде обязательных работ» // *Российская газета*. 2004. 30 дек. (№ 290). С. 12

²² См.: Васильев В.А. *Чтобы каждый чувствовал себя в безопасности* // *Преступление и наказание*. 2008. № 6. С. 11.

²³ См.: Калинин Ю.И. *Об организации работы по соблюдению прав лиц, содержащихся в местах лишения свободы* // *Преступление и наказание*. 2006. № 1. С. 5.

²⁴ Васильев В.А. *Чтобы каждый чувствовал себя в безопасности*. С. 12.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Об истории становления общественного контроля за деятельностью воспитательных колоний в первые годы советской власти

Р.В. КОЛОДИН – преподаватель кафедры боевой и тактико-специальной подготовки ВИПЭ ФСИН России

В статье дан краткий исторический анализ развития институтов общественного контроля за деятельностью учреждений для содержания несовершеннолетних в 20–30-е гг. XX в. в Советской России. Рассмотрены особенности организации работы субъектов негосударственного контроля того периода (распределительных комиссий, наблюдательных комиссий, комитетов помощи содержащимся в местах заключения и освобождаемым из них), выявлены их различия и общие признаки.

Ключевые слова: общественный контроль; наблюдательные и распределительные комиссии; воспитательные колонии.

Общественный контроль признается атрибутом демократизации различных сфер государственного управления, в том числе и функционирования уголовно-исполнительной системы. Но это не означает, что общественный контроль – явление сугубо современное. Данный институт имеет богатую историю как за рубежом, так и в нашей стране.

В рамках статьи мы подробно остановимся на организации общественного контроля в воспитательных колониях в первые годы советской власти. Подобный анализ полезен тем, что в нем будет отражен этап становления общественного контроля, то есть процесс, соответствующий тому, что происходит в современной пенитенциарной системе. Это позволит выявить негативные тенденции развития данного института, а также положительные его стороны, которые могут быть воплощены в наши дни.

Обращаясь к истории становления общественного контроля начального периода образования Советского государства, можно обнаружить документы, которые свидетельствуют о наличии в тот момент негосударственных организаций, контролировавших исправительные учреждения. Так, например, Временной инструкцией Наркомата юстиции РСФСР от 23.07.1918 г. «О лишении свободы как о мере наказания и о порядке отбывания такового»¹ предусматривалось создание специального органа общественного контроля – распределительных комиссий, кото-

рые имели право в случае, если находили, что тот или иной заключенный по своим индивидуальным качествам уже не нуждается ни в каком воздействии и исправлении, возбуждать перед судом ходатайство о досрочном или условно-досрочном освобождении его от наказания. Комиссии могли своим решением освобождать от отбытия принудительных работ, зачитывая в срок таковых время пребывания на учете бюро принудительных работ². Уголовным кодексом РСФСР 1922 г. на распределительные комиссии была возложена функция по надзору за отбыванием наказания в виде лишения свободы и принудительных работ³.

Комиссии создавались при карательных отделах губернских и областных отделов юстиции из представителей партийных, государственных и общественных органов. Каждая состояла из 9 чел. Наряду с заведующим губернским карательным отделом и его сотрудниками в комиссию входили представитель органа патроната и члены, избираемые исполкомом Совета из лиц, интересующихся пенитенциарными вопросами. В дальнейшем в этот состав стали обязательно включаться педагоги, психиатры и другие специалисты, приглашаемые карательным отделом.

Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 г. закрепил и упрочил правовое положение распределительных комиссий. С этого момента они состояли большей частью из представите-

лей государственных органов. Членами распределительной комиссии являлись: губернский (областной) инспектор мест заключения, член губернского (областного) суда, представители губернской (областной) рабоче-крестьянской инспекции, член губернского (областного) совета профессиональных союзов и член комитета помощи содержащимся в местах заключения и освобождаемым из них. При рассмотрении дел несовершеннолетних на заседания распределительной комиссии приглашался с правом решающего голоса представитель отдела народного образования. Распределительная комиссия могла привлекать к участию в своих работах и сторонних специалистов, но лишь с правом совещательного голоса.

Исследователи однозначно относят названный орган к числу субъектов общественного контроля за деятельностью пенитенциарной системы⁴. В действительности же его контрольные полномочия были слабы. Распределительные комиссии не могли вмешиваться в ведение тюремного хозяйства, следить за обустройством и питанием заключенных, принимать решения, касающиеся управления местами заключения, воспитательного процесса и т.п.

В этом отношении большим спектром возможностей обладали наблюдательные комиссии, учрежденные при каждом месте заключения, на которые также возлагались функции по надзору за исполнением наказания в виде лишения свободы. Их правовое положение было урегулировано нормами гл. III ИТК РСФСР 1924 г. Наблюдательные комиссии осуществляли свою деятельность в тесном сотрудничестве с комиссиями распределительными. В их компетенцию входило: наблюдение за распределением заключенных и перераспределение в случае неправильности; наблюдение за переводом заключенных из одних разрядов в другие и отмена перевода в случае неправильности; предварительное обсуждение по собранному о личности заключенных данным вопроса о досрочном освобождении и др.

Комиссии состояли из начальника места заключения, народного судьи, в районе которого находилось данное место заключения, и представителя бюро профессиональных союзов. Эти должностные лица исполняли функции по наблюдению за исполнением наказания безвозмездно, в порядке общественной нагрузки, почему и принято относить наблюдательные комиссии к числу субъектов общественного контроля.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. были внесены существенные изменения в структуру общественного контроля за пенитенциарной системой. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 30.10.1929 г. распределительные комиссии были упразднены, а их функции были переданы наблюдательным комиссиям⁵.

Комиссии наблюдали за правильным исполнением исправительно-трудовыми колониями

приговоров, решали вопросы об условно-досрочном освобождении и зачете рабочих дней, рассматривали (по заявлениям заключенных и по собственной инициативе) случаи неправильного зачисления в ту или иную категорию, неправильного перевода, наложения дисциплинарных взысканий, отказа в свиданиях и передачах, грубого обращения с заключенными и т.д. Эти комиссии создавались с таким расчетом, чтобы охватывать своим наблюдением не более 200 заключенных.

Претерпела изменения и сущность наблюдательных комиссий – в них было расширено участие общественности. Теперь в состав каждой комиссии включали не менее трех представителей от общественных организаций (профессиональных союзов, административно-правовых секций советов и исполнительных комитетов, женских делегатских собраний, Ленинского коммунистического союза молодежи, народных заседателей, общественных обвинителей и пр.).

В 1933 г. был принят новый ИТК РСФСР, который узаконил нововведения относительно наблюдательных комиссий, а также уточнил некоторые аспекты их деятельности. В частности, кодекс прямо обязал наблюдательные комиссии сообщать в соответствующие органы об «искривлениях» уголовной политики в работе исправительно-трудового учреждения, о неправильных действиях администрации.

Однако эффективность работы наблюдательных комиссий в области общественного контроля была мала. По закону члены комиссий не имели каких-либо индивидуальных полномочий, все решения принимались коллегиально на заседаниях и оформлялись постановлением председателя, в роли которого выступал начальник места заключения. Конечно же, он был заинтересован в сокрытии недостатков в работе подведомственного ему учреждения и использовал свои полномочия как члена комиссии таким образом, чтобы меньше негативной информации просачивалось в вышестоящие инстанции. Способствовало утаиванию и то, что остальные члены были чрезвычайно перегружены своими непосредственными обязанностями и, как следствие, фактически общественный контроль осуществлял единолично начальник места заключения.

Ситуация стала улучшаться в начале 1930-х гг., когда в комиссиях было увеличено число представителей общественности. Однако в 1934 г. места лишения свободы были выведены из-под ведения местных советов, что повлекло прекращение работы наблюдательных комиссий.

В отношении несовершеннолетних полномочия наблюдательных комиссий были еще уже. Они не могли контролировать правильность помещения подростков-правонарушителей в места заключения. Эти вопросы с 1918 г. входили в компетенцию комиссий о несовершеннолетних, которые рассматривали возможность применения к осужденному мер медико-педагогического

характера и определяли его в соответствующий трудовой дом. Правомочность их решений не подлежала проверке со стороны наблюдательных комиссий. В результате «детей, впавших в правонарушение, часто помещали вместо соответствующих детских домов в тюрьмы, в общине со взрослыми места заключения. Наблюдались случаи, когда комиссия направляла до совершеннолетия ребят, не ужившихся в школьном коллективе, такие дети сидят наряду с насильниками и убийцами»⁶.

С середины 1920-х гг. для улучшения положения заключенных стали образовываться и иные организации, основанные на исключительно добровольном участии общественности. В январе 1925 г. НКВД РСФСР утвердил Положение о Всероссийском и губернских (областных и краевых) комитетах помощи содержащимся в местах заключения и освобождаемым из них. Положение предусматривало участие в работе этих комитетов представителей общественных организаций, государственных органов и отдельных граждан. Все дела должны были решаться общим собранием членов комитета или избранным им правлением. Члены комитетов содействовали освобождаемым в объединении в артели, кооперативы, обзаведении рабочим инструментом, оказывали юридическую и медицинскую помощь, занимались организацией культурно-воспитательной работы и т.д. Средства комитета составлялись из 15-процентного отчисления от прибыли предприятий мест заключения и взносов организаций и отдельных лиц⁷.

Как субъект общественного контроля за местами лишения свободы комитеты имели ряд недостатков. Они не обладали полномочиями вмешиваться в управление исправительными учреждениями, а также выступать с жалобами и заявлениями в интересах заключенных. К тому же их деятельность была тесно привязана к определенным видам экономических организаций, а поэтому с новой волной наступления на экономические свободы граждан, упразднением артелей и кооперативов деятельность комитетов постепенно прекратилась.

В качестве положительного опыта следует рассматривать регламентацию в законодательстве СССР форм содействия общественности работе воспитательных колоний (наблюдательные комиссии, комиссии по делам несовершенно-

летних, шефство трудовых коллективов и общественных организаций над исправительными учреждениями и др.). Однако эффективность контроля была низкой. Узость полномочий и недостаточность практической реализации рекомендаций наблюдательных органов были обусловлены агрессивной политикой государства в отношении правонарушителей в условиях тоталитарного режима, идеологической установкой политического руководства страны на усиление классовой борьбы.

В организации общественного контроля за деятельностью воспитательных колоний в настоящее время лишь отчасти используется исторический опыт распределительных и наблюдательных комиссий, комитетов помощи содержащимся в местах заключения и освобождаемым из них, действовавших в период становления Советского государства.

Современные общественные организации значительно расширили свои полномочия и принимают участие в реализации большинства направлений работы воспитательных учреждений, в которых содержатся несовершеннолетние. И мы можем наблюдать более действенное исполнение некоторых функций указанных негосударственных организаций (контроль за дисциплинарной практикой в отношении осужденных, содействие в их ресоциализации, помощь в коммунально-бытовом обустройстве учреждений и др.) в работе общественных формирований, осуществляющих контроль за воспитательными колониями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: СУ РСФСР. 1918. № 53. Ст. 598.

² См.: Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 06.09.1926 г. «Об организации принудительных работ без содержания под стражей» // Там же. 1926. № 60. Ст. 462.

³ См.: Постановление ВЦИК от 01.06.1922 г. «О введении в действие Уголовного кодекса РС.Ф.С.Р.» // Там же. 1922. № 15. Ст. 153.

⁴ См.: Зубарев С.М. Теория и практика контроля за деятельностью персонала пенитенциарной системы. М., 2006; Головешкин Г.Л. Общественный контроль за деятельностью ИТУ: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991.

⁵ См.: СУ РСФСР. 1929. № 81. Ст. 795.

⁶ Из материалов III-го Всероссийского съезда по охране детства (9 мая 1930 г.) // Дети ГУЛАГа. 1918–1956. М., 2002. С. 96.

⁷ См.: Страницы истории советского общества: факты, проблемы, люди / Сост. Г.В. Клокова и др. М., 1989. С. 78–79.

НАШИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Компьютерная программа «Методика расследования побегов из исправительных учреждений»

О.А. БЕЛОВ – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ВПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

Нововведения, или инновации, характерны для любой профессиональной деятельности человека и поэтому, естественно, становятся предметом изучения, анализа и внедрения. Инновации сами по себе не возникают – они являются результатом научных поисков, передового опыта отдельных ученых, авторских научно-исследовательских коллективов и научных школ.

Инновации в науке и образовании считаются новшествами, специально спроектированными, разработанными или случайно открытыми в порядке научно-исследовательской инициативы. В качестве содержания инновации могут выступать: научно-теоретическое знание определенной новизны, новые эффективные образовательные технологии, выполненный в виде технологического описания проект эффективного инновационного научно-педагогического опыта, готового к внедрению.

Профессорско-преподавательский состав Вологодского института права и экономики ФСИН России вносит существенный вклад во внедрение инновационных технологий в образовательный процесс вуза. Результаты научных исследований также находят свое отражение в различных инновационных проектах и программах, в том числе носящих практико ориентированный характер.

В апреле 2009 г. согласно Плану НИОКД кафедры уголовного процесса и криминалистики, а также Плану работы внештатной научно-исследовательской лаборатории изучения уголовно-процессуальных, криминалистических и оперативно-розыскных проблем раскрытия и расследования преступлений в исправительных учреждениях сотрудниками лаборатории (О.А. Беловым, Р.М. Морозовым, С.В. Шакировым) под руководством заместителя начальника института по научной работе кандидата юридических наук, доцента А.А. Крымова была разработана компьютерная программа «Методика расследования побегов из исправительных учреждений».

Данная программа включает в себя алгоритм действий следователя и оперативного сотруд-

ника при расследовании побегов осужденных из исправительных учреждений, а именно:

1) порядок осуществления следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий в различных следственных ситуациях;

2) выдвигаемые следственные версии;

3) особенности тактики отдельных следственных и иных действий (осмотра места происшествия, задержания, допросов, назначения судебных экспертиз и т.д.);

4) особенности взаимодействия следователя и оперативных сотрудников исправительного учреждения;

5) типовые планы расследования по уголовному делу в различных следственных ситуациях (с возможностью их корректировки под конкретную ситуацию);

6) электронные бланки процессуальных документов;

7) иллюстрационный материал по данной тематике (фотоматериалы, таблицы статистики, видеосюжеты);

8) перечень учебной и учебно-методической литературы по проблемам расследования побегов.

Компьютерная программа проста в использовании, не требует больших системных ресурсов персонального компьютера. Кроме того, при наличии локально-вычислительной сети возможны ее установка на сервер учреждения и одновременное использование неограниченным количеством пользователей.

В данный момент работа над программой «Методика расследования побегов» закончена. Программа внедрена в учебный процесс ВПЭ ФСИН России (при преподавании таких дисциплин, как «Криминалистика», «Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений ФСИН России») и кафедры уголовного права и процесса Академии Комитета уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Республики Казахстан, а также в практическую деятельность УФСИН России по Вологодской области.

Кроме того, компьютерная программа была направлена для ознакомления в оперативное

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

управление ФСИН России. Руководство и сотрудники управления дали положительную оценку результатам работы лаборатории и поддержали идею авторского коллектива о необходимости внедрения программы в учебный процесс юридических вузов ФСИН и МВД России, а также в практическую деятельность заинтересованных правоохранительных органов.

В мае 2009 г. по согласованию с организационно-научным отделом института и заместителем начальника института по научной работе А.А. Крымовым сотрудники внештатной научно-исследовательской лаборатории представили программу на общероссийский конкурс инновационных технологий «Зворыкинский проект», организованный под эгидой Федерального агентства по делам молодежи Российской Федерации. В первом (региональном) туре программа набрала необходимое количество баллов и вошла в перечень 500 лучших инновационных проектов России.

В июне 2009 г. оргкомитет конкурса предложил авторскому коллективу принять участие во втором (общероссийском) туре, на котором планировалось отобрать 100 лучших инновационных проектов для участия в финале конкурса посредством проведения федеральной экспертизы проектов.

Главной целью участия авторского коллектива в данном конкурсе явилась презентация программы широкому кругу участников: авторам всевозможных инновационных проектов и программ, независимым экспертам, руководителям высших органов государственной власти страны.

По результатам проведенной экспертизы компьютерная программа «Методика расследования побегов из исправительных учреждений» получила высокую экспертную оценку. Кроме того, в рамках второго тура авторский коллектив принял участие в грантовом конкурсе по поддержке молодежных проектов в сфере инноваций на форуме «Селигер-2009», а также в презентации программы перед инвесторами в проекте «Startup Point».

Участие в конкурсе не прошло безрезультатно. Инновационным проектом заинтересовались работники высших учебных заведений и правоохранительных органов. Был заключен ряд соглашений о продвижении программы с сотрудниками Ивановского института государственной противопожарной службы МЧС России и другими заинтересованными лицами.

В 2010 г. авторский коллектив внештатной научно-исследовательской лаборатории, учитывая все замечания и пожелания экспертов конкурса, планирует совместно с оперативным управлением ФСИН России разработать аналогичный программный продукт по методике расследования дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

26–27 ноября 2009 г. в соответствии с п. 11.1.1 Плана организационно-практических мероприятий ФСИН России на второе полугодие 2009 г. в институте прошла международная научно-практическая конференция «Цели и средства уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних».

Организаторами конференции выступили: Федеральная служба исполнения наказаний, Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Научно-исследовательский институт ФСИН России, Российское научное пенитенциарное общество, Общественный совет при ФСИН России, международная неправительственная организация «Международная тюремная реформа» (PRI), Вологодское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России».

Работа конференции проходила в рамках пленарного заседания и четырех круглых столов: «Уголовный закон как инструмент реализации современной уголовной политики в отношении несовершеннолетних», «Цели и средства уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних», «Социальное и психолого-педагогическое обеспечение работы с несовершеннолетними правонарушителями», «Историко-правовые, социокультурные и философские аспекты формирования уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних».

В конференции приняли участие свыше 320 чел. Среди них ведущие ученые научных и образовательных учреждений ФСИН, МВД, Генпрокуратуры, Минобрнауки России (Л.И. Беляева, Б.Я. Гаврилов, З.С. Зарипов, В.И. Зубкова, Ю.А. Кашуба, Л.Л. Кругликов, В.Б. Малинин, Т.Н. Москалькова, Э.Ф. Побегайло, В.М. Поздняков, В.И. Селиверстов, Б.А. Спасенников, С.А. Старостин и др.), руководители и сотрудники центрального аппарата и территориальных органов ФСИН России, органов внутренних дел, работники суда, прокуратуры, представители общественных организаций, представители пенитенциарных систем и образовательных учреждений Беларуси, Украины, Казахстана, Германии, Норвегии, Швейцарии, профессорско-преподавательский состав и курсанты института.

Открывая конференцию, начальник института кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист России генерал-майор внутренней службы В.В. Попов отметил, что «особая

значимость проводимой конференции обусловлена необходимостью научного обеспечения и выработки мер по реализации задач реформирования УИС, поставленных министром юстиции Российской Федерации А.В. Коноваловым и директором ФСИН России А.А. Реймером, изложенных в частности на научно-практической конференции 10 сентября 2009 г., а также обозначенных в проекте Концепции развития УИС на период до 2020 г.». Проводимые в настоящее время преобразования должны основываться на четком и ясном понимании того, каких изменений в состоянии уголовно-исполнительной практики можно будет добиться, совершенствуя соответствующие институты и нормы уголовно-исполнительного законодательства, практику их применения. Иначе нельзя исключить возможность осложнения обстановки в УИС, вызвать рост рецидивной преступности и отрицательно повлиять на состояние правопорядка.

В.В. Попов обратил внимание участников конференции на важность выработки мер, направленных на создание на государственном уровне единой системы профилактики преступности несовершеннолетних; развития ювенальной юстиции как основы социальной политики государства в отношении несовершеннолетних; совершенствования действующего законодательства; социального сопровождения подростков на всех стадиях расследования преступления, в ходе судебного разбирательства, а также на этапе исполнения наказания и в постпенитенциарный период; организационно-правового совершенствования деятельности учреждений, работающих с несовершеннолетними, совершившими преступления, в том числе исправительных учреждений для несовершеннолетних; внедрения эффективных форм и методов работы с данной категорией лиц, основанных на личностно ориентированном подходе, приоритете воспитательных мер над репрессивными.

После открытия конференции ее участникам были представлены приветствия председателя Совета Федерации Российской Федерации С.М. Миронова, заместителя председателя Государственной Думы Российской Федерации А.М. Бабакова, директора ФСИН России А.А. Реймера.

От имени органов законодательной, исполнительной и судебной власти Вологодской области с приветственным словом к участникам конференции выступили председатель Законодательного собрания Вологодской области Н.В. Тихомиров, вице-губернатор Вологодской области Н.В. Костыгов, председатель Вологодского областного суда В.С. Шепель.

Начальник Научно-исследовательского института ФСИН России доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации В.И. Селиверстов, выступая с приветственным словом к участникам конференции, отметил значимость и своевременность

ее проведения, подчеркнув, что «данная конференция является важной составляющей в решении задач, поставленных перед уголовно-исполнительной системой Президентом Российской Федерации и министром юстиции Российской Федерации на заседании Президиума Государственного совета 11 февраля 2009 г.».

С основным докладом по теме «Реформирование уголовно-исполнительной системы и реализация уголовной политики в отношении несовершеннолетних: основные тенденции, задачи и перспективы развития» выступил хорошо известный в России и за рубежом ученый, один из основных разработчиков уголовного законодательства – заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Института гуманитарного образования и информационных технологий (г. Москва) доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик РАЕН Э.Ф. Побегайло. Кратко охарактеризовав состояние дел в уголовно-исполнительной системе, ученый отметил, что российское уголовное и уголовно-исполнительное законодательство нуждается в дальнейшем совершенствовании. При этом особое внимание должно быть уделено вопросам дифференциации уголовной ответственности и наказаний несовершеннолетних.

Освещая проблемы, связанные с гуманизацией уголовного и уголовно-исполнительного права, и одобряя в целом реализацию курса на декриминализацию уголовного законодательства, Э.Ф. Побегайло подчеркнул, что «гуманизация – это в том числе защита законопослушного населения от преступных посягательств». Поэтому, по мнению докладчика, нельзя декриминализировать деяния, направленные на умышленное причинение вреда жизни и здоровью человека. Вместе с тем некоторые составы преступлений целесообразно декриминализировать и перевести в разряд административных проступков. При этом Э.Ф. Побегайло обратил внимание на то, что, декриминализируя противоправные деяния, необходимо помнить о целях общей и специальной превенции, а освобождение от уголовной ответственности и наказания должно быть исключением из правил, поскольку за любое преступление должно следовать наказание.

В продолжение дискуссии по вопросу гуманизации уголовных наказаний профессор кафедры уголовного права Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова доктор юридических наук, профессор В.И. Зубкова сделала доклад на тему «Проблемы декриминализации деяний и некоторые особенности уголовной ответственности несовершеннолетних». Особое внимание в докладе было уделено анализу причин, влияющих на увеличение преступности несовершеннолетних. По мнению В.И. Зубковой, уголовная и уголовно-исполнительная политика в отношении несовершеннолетних «должна быть программной, она должна

быть частью государственной молодежной политики». Акцентируя внимание на социально-экономических проблемах как факторах, влекущих увеличение преступности несовершеннолетних, докладчик констатировал, что «при формировании основных положений уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних нельзя абстрагироваться от таких социальных явлений, как бедность и бездомность многих подростков, бродяжничество, алкоголизм и наркомания, сексуальная распущенность и вообще отсутствие элементарных конструктивных начал в их поведении». Наряду с другими выступающими В.И. Зубкова считает проводимую в стране политику декриминализации преступлений своевременной и необходимой. При этом, как полагает ученый, «позиция о гуманизации имеет право не только на существование, но и на реализацию», одним из вариантов решения задач гуманизации выступает принятие специальной федеральной целевой программы, рассчитанной на несколько лет, а также совершенствование уголовного законодательства в отношении несовершеннолетних.

Большое впечатление на участников конференции произвело содержательное выступление профессора кафедры уголовно-правовых дисциплин и организации профилактики преступлений Академии управления МВД России доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста России Л.И. Беляевой. В своем выступлении на тему «Воспитательная колония как вид исправительного учреждения» она отметила, что формирование системы ювенальной юстиции является одним из развивающихся направлений уголовной политики. Воспитательные колонии представляют собой особое звено в этой системе, поэтому «их было бы целесообразно исключить из перечня исправительных учреждений». По мнению Л.И. Беляевой, «духу времени, идеям гуманизма соответствовало бы введение в УИК РФ самостоятельной главы «Исполнение наказаний в отношении несовершеннолетних», где следовало бы сосредоточить нормы, регламентирующие порядок и условия исполнения всех наказаний; закрепляющие основные средства воспитания несовершеннолетних осужденных и особенности их применения; определяющие особенности организации обучения, труда, досуга, взаимодействия с органами местного самоуправления в вопросах ресоциализации и устранения причин и условий, способствующих совершению преступлений, и пр. При этом следует исходить из того, что забота общества, учреждений, с которыми соприкасается несовершеннолетний, состоит в обеспечении развития его личности в направлении социализации».

В докладе профессора кафедры криминологии и организации профилактики преступлений Академии ФСИН России доктора юридических наук, профессора З.С. Зарипова на тему «Новые подходы к ресоциализации личности несовер-

шеннолетнего осужденного» основное внимание было уделено анализу причин, факторов и условий, способствующих совершению несовершеннолетними преступлений и иных правонарушений.

В числе наиболее значимых факторов, детерминирующих правонарушения несовершеннолетних, ученый называет несовершенство отечественного законодательства и правоприменительной практики. К условиям, способствующим совершению несовершеннолетними правонарушений, по мнению докладчика, относятся недостатки в деятельности правоохранительной системы, здравоохранения, обучения и воспитания, которые формируют особенности и возможности реализации свойств и качеств личности конкретного человека, заложенные на генетическом уровне и приобретенные от родителей и предшествующих поколений, выработанные в процессе воспитания и приобретенные в процессе научения и образования.

Большое внимание в докладе было уделено анализу причин, негативно влияющих на ресоциализацию осужденных. По мнению З.С. Зарипова, решение проблем ресоциализации осужденных возможно через реализацию Концепции воспитательной работы, которая предусматривает:

- внедрение прогрессивной системы отбывания наказания, расширение рамок полусвободного отбывания наказания (отпуска, свидания и т.п.);
- систему психологической поддержки (включая нетрадиционные методы), изменение функций начальников отрядов, сокращение численности осужденных в отрядах, введение должностей психологов и социальных работников, усиление психолого-педагогической подготовки сотрудников пенитенциарных учреждений.

Значительный интерес среди участников конференции вызвали выступления зарубежных коллег. Координатор международной программы в сфере уголовного правосудия Министерства юстиции, занятости и европейских дел земли Шлезвиг-Гольштейн (Германия) В. Готтшальк представил опыт Германии в области уголовного правосудия в отношении несовершеннолетних. Советник Министерства юстиции и полиции Норвегии Марте Хамран выступила с презентацией российско-норвежского проекта в Мурманской области, направленного на реабилитацию несовершеннолетних преступников. Первый заместитель начальника Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь Ю.А. Баринков сделал доклад на тему «Практика назначения и исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних в Республике Беларусь», начальник кафедры общей и специальной психологии и педагогики Академии Комитета УИС Минюста Республики Казахстан кандидат юридических наук В.А. Брылевский выступил на тему «Уголовно-исполнительная

система Республики Казахстан в отношении несовершеннолетних: новые подходы».

Актуальные вопросы реформирования практики исполнения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних осужденных были также затронуты в выступлениях представителей правового управления ФСИН России; управления организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, ФСИН России; управления социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными ФСИН России.

Особое внимание в работе конференции было уделено вопросам сокращения количества осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях, в том числе воспитательных колониях; расширения применения в отношении несовершеннолетних наказаний и иных уголовно-правовых мер, альтернативных лишению свободы; создания и функционирования воспитательных центров для несовершеннолетних; совершенствования форм и методов психолого-педагогической и социальной работы с несовершеннолетними осужденными; развития системы социальной профилактики преступности несовершеннолетних; оптимизации структуры и повышения качества подготовки специалистов в образовательных учреждениях ФСИН России, а также изучения зарубежного опыта по данным проблемам.

Участники конференции единодушно отметили, что уголовная и уголовно-исполнительная политика в отношении несовершеннолетних должна опираться на богатый отечественный и зарубежный опыт работы с несовершеннолетними, преступившими закон, учитывать требования международных правовых документов в указанной сфере. Противодействие преступности несовершеннолетних должно быть частью сильной и сбалансированной социальной политики государства, ориентированной на восстановление ранее апробированных и развитие новых институтов, форм и методов профилактики, расширение влияния общественных формирований и восстановление роли трудовых коллективов в работе с несовершеннолетними правонарушителями, повышение статуса семьи, поднятие уровня образования, здравоохранения и социальной защиты, проведение профориентационной работы среди подростков и их патриотическое воспитание. Пристальное внимание должно быть уделено выработке долгосрочной государственной концепции, определяющей цели и средства уголовной политики в отношении несовершеннолетних, направления развития законодательства и правоприменительной практики в сфере противодействия преступности несовершеннолетних, предусматривающей снижение уровня уголовной репрессии и расширение альтернативных мер воздействия на данную категорию правонарушителей. Введение новых видов уголовных наказаний и мер уголовно-правового характера, а также мер,

альтернативных уголовной ответственности, в отношении несовершеннолетних должно сопровождаться расширением полномочий уголовно-исполнительных инспекций в части дифференциации мер принудительного воздействия в рамках вынесенного приговора либо решения суда.

По мнению большинства участников конференции, политика государства в сфере противодействия преступности несовершеннолетних в настоящий момент требует существенной корректировки. Это обусловлено сохраняющимися негативными тенденциями преступности несовершеннолетних, сложившимися противоречиями между отдельными положениями и направлениями уголовной политики в отношении несовершеннолетних, недостаточным вниманием к проблемам и особенностям лиц, не достигших 18-летнего возраста.

Особую актуальность, по мнению участников конференции, приобретают задачи выработки концептуальных основ развития действующего законодательства в области противодействия преступности несовершеннолетних, повышения эффективности функционирования всей системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Требуются совершенствование каждого из направлений уголовной политики, касающихся несовершеннолетних, обеспечение их единства, сближение с иными направлениями правовой и социальной политики государства в отношении несовершеннолетних. Эти процессы в конечном итоге должны обеспечить формирование единой ювенальной политики.

В ходе дискуссии выступающие признали необходимым создание единой государственной системы непрерывного социального сопровождения несовершеннолетних с девиантным поведением. Такая система должна представлять единую сеть учреждений, действующих на уровне субъектов Российской Федерации, муниципальных образований и осуществляющих социальную помощь несовершеннолетним, преступившим закон, в том числе на стадиях предварительного расследования, судебного разбирательства, в период отбывания наказания или исполнения иной меры уголовно-правового характера, а также в постпенитенциарный период.

Участники конференции обратили внимание на необходимость дальнейшего совершенствования исполнения наказаний в отношении осужденных, содержащихся в воспитательных колониях, их дифференциации по уголовно-правовым признакам и создания условий для раздельного содержания лиц, совершивших особо тяжкие преступления, осужденных за умышленные преступления, совершенные в период отбывания лишения свободы, и ранее отбывавших лишение свободы от других категорий. В связи с этим были положительно оценены намеченные Минюстом и ФСИН России планы

по преобразованию воспитательных колоний в воспитательные центры. Создание воспитательных центров, включающих в себя участок колонии общего режима для осужденных, достигших 18 лет, помещение, функционирующее в режиме следственного изолятора, и социально-реабилитационный центр (льготные условия отбывания наказания), позволит:

- оградить несовершеннолетних от влияния со стороны взрослых преступников;
- обеспечить непрерывность воспитательной, социальной и психологической работы с несовершеннолетними в рамках одного учреждения;
- повысить эффективность работы по ресоциализации осужденных, их подготовке к освобождению.

Преобразование воспитательных колоний в воспитательные центры должно быть соединено не только с изменением их структуры, но и с перестройкой методов и форм воспитательной, психологической и социальной работы с осужденными, приоритетом воспитательных мер воздействия над принудительными, реализацией комплексных программ социально-психологической реабилитации несовершеннолетних, охватывающих не только период содержания в учреждении УИС, но и периоды до осуждения и после отбытия наказания. Основой эффективной ресоциализации осужденных должно стать стимулирование их личного участия в процессе решения собственных проблем, развитие качеств субъектной личности.

Учитывая важность обеспечения научной обоснованности планируемых преобразований, участники конференции посчитали целесообразным поручить Вологодскому институту права и экономики ФСИН России (в качестве головной организации) разработку модели воспитательного дома.

По мнению выступающих, для обеспечения специальной подготовки персонала к работе с несовершеннолетними осужденными необходимо организовать более углубленное обучение

специалистов данного профиля путем введения новых ведомственных специализаций в рамках имеющихся направлений и профилей подготовки, а также введения программ дополнительного профессионального образования.

Участники конференции поддержали выработанные Минюстом и ФСИН России предложения по изменению действующего уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, реформированию УИС, считая, что они приведут к положительным результатам в сфере противодействия преступности несовершеннолетних. В то же время вопросы развития уголовной политики в отношении несовершеннолетних требуют всестороннего рассмотрения и тщательной проработки.

Основные выводы, полученные в ходе работы конференции, нашли свое отражение в рекомендациях, которые направлены для рассмотрения директору ФСИН России, в НИИ ФСИН России и Государственную Думу Российской Федерации.

В целях освещения в СМИ основных результатов состоявшегося научного мероприятия была организована пресс-конференция, в которой приняли участие начальник информационно-правового отдела правового управления ФСИН России В.Ф. Немченков, начальник НИИ ФСИН России В.И. Селиверстов, начальник ВИПЭ ФСИН России В.В. Попов, начальник УФСИН России по Вологодской области А.Б. Петренко, представители зарубежных делегаций, ведущие ученые. Представители СМИ были ознакомлены с пресс-релизом и проектом рекомендаций конференции. Информация размещена на областном телевидении, радио и в прессе.

До начала конференции был издан сборник тезисов основных докладов и выступлений. В первом квартале 2010 г. будет издан сборник дополнительных материалов конференции.

Участники конференции отметили высокий уровень подготовки и проведения мероприятий конференции, слаженность работы ее организаторов.

НАШИ АВТОРЫ

Лев Леонидович Кругликов – профессор кафедры уголовного права и криминологии Вологодского института права и экономики ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Лев Леонидович Кругликов родился 11 января 1940 г. В 1965 г. окончил юридический факультет Томского госуниверситета, работал в прокуратуре Омской области сначала следователем, затем прокурором. С 1969 по 1971 г. обучался в аспирантуре Свердловского юридического института (ныне – Уральская государственная юридическая академия). После досрочной защиты в 1971 г. диссертации на тему «Способ совершения преступления (вопросы теории)» занимался преподавательской работой в Ярославском госуниверситете в качестве старшего преподавателя и доцента. После защиты в 1986 г. докторской диссертации по теме «Уголовно-правовые средства обеспечения справедливости наказания в процессе его индивидуализации» работал профессором кафедры уголовного права и процесса ЯрГУ, с 1987 г. по настоящее время является заведующим этой кафедрой. С 1990 по 1993 гг. избирался депутатом и председателем Ярославского городского Совета народных депутатов.

Профессор Л.Л. Кругликов – известный российский ученый, крупный специалист в области уголовного права, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член двух академий – РАЕН и МАН ВШ. Он является родоначальником и руководителем научной школы дифференциации ответственности и законодательной техники в уголовном праве и процессе. В результате многолетней научной работы им были заложены основы теории дифференциации ответственности: определено понятие данного явления, выявлены его принципиальные отличия от процесса индивидуализации ответственности и наказания, определен круг средств дифференциации в Общей и Особенной частях уголовного права, выработаны пра-

вила оптимального применения данных средств законодателем, высказаны конкретные предложения по совершенствованию норм уголовного закона. Занимаясь разработкой теоретических основ законодательной техники в уголовном праве, Л.Л. Кругликов определил понятие данного явления, решил вопрос о круге средств и приемов данной техники. Им внесены предложения по улучшению качества отечественного уголовного закона, ряд которых нашел отражение в УК РФ 1996 г.

За достижения в учебной и научной деятельности Л.Л. Кругликов Госкомитетом по образованию награжден нагрудным знаком «За отличные успехи в работе», в 1995 г. ему было присвоено звание «Почетный преподаватель ЯрГУ». Он ведет активную научную и общественную жизнь: является членом диссертационного совета Казанского государственного университета, регулярно выступает оппонентом при защите кандидатских и докторских диссертаций, входит в Президиум уголовно-правовой секции Учебно-методического объединения университетов России. Около 35 его учеников защитили кандидатские и докторские диссертации.

Л.Л. Кругликов – автор более 450 научных работ. В среде ученых-правоведов широко известны его книги: «Смягчающие и отягчающие обстоятельства в уголовном праве» (Воронеж, 1985), «Квалифицирующие обстоятельства: понятие, виды, влияние на квалификацию преступления» (Ярославль, 1989), «Проблемы теории уголовного права» (Ярославль, 1999), «Презумпции в уголовном праве» (Ярославль, 2000), «Проблемы дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания» (Караганда, 2001), «Экономические преступления (дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания)» (Ярославль, 2001), «Дифференциация ответственности в уголовном праве» (СПб., 2003), «Юридические конструкции и символы в уголовном праве» (СПб., 2005), «Унификация в уголовном праве» (СПб., 2008) и др.

С 2006 г. Л.Л. Кругликов является профессором кафедры уголовного права и криминологии Вологодского института права и экономики ФСИН России. Под его руководством успешно защитили кандидатские диссертации начальник кафедры уголовного права и криминологии В.Ф. Лапшин, начальник кафедры уголовно-исполнительного права А.Л. Санташов, а также старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминологии Л.А. Колпакова. Среди адъюнктов и соискателей института сегодня успешно обучаются В.Н. Некрасов, Е.С. Почеткова, М.В. Истомина, Р.Н. Лаврив, Е.В. Нечаева.

Профессорско-преподавательский состав и сотрудники института сердечно поздравляют Льва Леонидовича Кругликова с наступающим 70-летием, желают ему крепкого здоровья и новых творческих свершений на ниве юридической науки.

ОБЗОР ДИССЕРТАЦИЙ

Одним из важнейших направлений деятельности института является научно-исследовательская работа, неотъемлемая часть которой – проведение диссертационных исследований и защита диссертаций сотрудниками института.

В четвертом квартале 2009 г. сотрудниками института защищено 3 диссертации на соискание ученой степени кандидата наук. С авторефератами диссертаций можно ознакомиться в специальной библиотеке института.

Ефремов Роман Станиславович, начальник финансово-экономического отдела.

Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 — Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (научный руководитель — доктор юридических наук, профессор Плешаков В.А.) состоялась в диссертационном совете при Академии права и управления ФСИН России 8 октября 2009 г. **Тема: «Уголовно-правовые меры противодействия нецелевому использованию бюджетных средств».**

Целью диссертационного исследования являлся анализ и разрешение проблем, связанных с установлением, дифференциацией и реализацией уголовной ответственности за нецелевое использование бюджетных средств, предоставленных на безвозмездной и кредитной основах, а также определение перспективных направлений совершенствования уголовного законодательства об ответственности за нецелевое использование бюджетных средств.

В ходе исследования автором решен ряд важных задач. Определено соотношение составов преступлений, предусмотренных ст. 285.1 и ч. 2 ст. 176 УК РФ, основание уголовное ответственности за нецелевое использование бюджетных средств, критерий разграничения преступного и неправомерного нецелевого использования бюджетных средств.

Практическая ценность работы заключается в том, что полученные результаты, теоретические выводы и предложения могут быть использованы в законотворческой работе при совершенствовании уголовного законодательства, разработке нормативных правовых актов бюджетного законодательства России, регламентирующих вопросы целевого использования бюджетных средств, а также в научно-исследовательской деятельности при изучении преступлений, посягающих на отношения, регулируемые бюджетным законодательством.

Смирнов Александр Михайлович, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии.

Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 — Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право (научный руководитель — доктор юридических наук, профессор Б.А. Спасенников) состоялась в диссертационном совете при Тамбовском государственном университете им. Г.Р. Державина 29 октября 2009 г. **Тема: «Длительные сроки лишения свободы в отношении осужденных мужчин (уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты)».**

Целью диссертационного исследования является повышение эффективности практики реализации длительных сроков лишения свободы в отношении осужденных мужчин, отвечающей современным тенденциям развития уголовной и уголовно-исполнительной политики государства.

В ходе исследования автором решен ряд важных задач. Сформулировано современное научно обоснованное определение понятия «длительные сроки лишения свободы», выявлены закономерности возникновения, развития и перспективы законодательного совершенствования рассматриваемых правовых проблем, составлена характеристика лиц мужского пола, отбывающих длительные сроки лишения свободы.

В результате исследования разработаны критерии оценки эффективности действующих норм уголовно-исполнительного законодательства, регламентирующих участие общественности в работе учреждений и организаций, исполняющих уголовные наказания, и практики их деятельности при взаимодействии с общественностью. Результаты исследования могут быть использованы при дальнейшей разработке теоретических и практических вопросов реализации общественных начал в деятельности УИС и в учебном процессе вузов в курсе уголовно-исполнительного права. Автором проведен социально-правовой анализ порядка исполнения и условий отбывания длительных сроков лишения свободы мужчинами, выявлены и изучены проблемы в организации и осуществлении исправительного процесса, разработаны предложения и рекомендации по совершенствованию действующих норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, способствующие достижению целей уголовного наказания в более короткие сроки.

Смелова Светлана Владимировна, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии.

Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 — Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (научные руководители — доктор юридических наук, профессор Б.А. Спасенников)

наук, профессор **Зубков А.И.**, доктор юридических наук, профессор **З.С. Зарипов**) состоялась в диссертационном совете при Академии права и управления ФСИН России 12 ноября 2009 г. **Тема: «Уголовная ответственность за превышение должностных полномочий».**

Целью диссертационного исследования является изучение теоретических и практических проблем квалификации превышения должностных полномочий и разработка на этой основе предложений и рекомендаций по совершенствованию действующего уголовного законодательства и практики его применения.

В ходе исследования автором решен ряд важных задач. Изучены исторические аспекты развития нормы об ответственности за превышение должностных полномочий в российском уголовном законодательстве и праве; проведен сравнительный анализ и выявлены особенности регламентации ответственности за превышение должностных (служебных) полномочий в уголовном законодательстве государств-участников СНГ, стран Балтии; охарактеризованы объективные и субъективные признаки превышения должностных полномочий по УК РФ; рассмотрены квалифицирующие признаки превышения должностных полномочий по УК РФ; показано соотношение состава превышения должностных полномочий с составами иных преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, а также преступлений против правосудия; проанализированы опубликованная практика Верховного Суда Российской Федерации, следственно-судебная практика некоторых субъектов Российской Федерации и результаты опроса практических работников по вопросам квалификации превышения должностных полномочий, обозначены проблемы правоприменения; сформулированы предложения по совершенствованию уголовного законодательства об ответственности за превышение должностных полномочий и рекомендации по обеспечению эффективности применения в следственно-судебной практике уголовно-правовой нормы, предусмотренной ст. 286 УК РФ.

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на монографию А.Н. Сирякова «Правовое регулирование воспитательной работы с осужденными к лишению свободы: исторические аспекты и современность»

М.Г. ДЕТКОВ – доктор юридических наук, профессор

Монографическое исследование, предпринятое А.Н. Сиряковым, представляет собой попытку комплексного исследования вопросов содержания, организации и правового обеспечения воспитательной работы как одного из основных средств исправления осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы.

Следует признать, что в науке уголовно-исполнительного права проблеме правового и организационного обеспечения осуществления воспитательной работы с осужденными в исправительных учреждениях не уделялось должного внимания, и только в последнее время к ней начинает проявляться определенный интерес. Осуществленные автором обобщение и анализ опыта правотворческой и правоприменительной деятельности в названной сфере, выработка предложений по совершенствованию организационно-правовых вопросов воспитательной работы, несомненно, актуализируют монографию А.Н. Сирякова, позволяют считать ее востребованной как в теории, так и в практической деятельности.

Основу проведенного исследования составляют труды известных отечественных ученых – юристов, педагогов и психологов, о чем свидетельствует значительное количество библиографических источников, а также ссылок на них, содержащихся в тексте работы. В этом отмечается стремление автора к глубокому теоретическому анализу рассматриваемых в монографии вопросов. Обращает на себя внимание и солидная эмпирическая база исследования. Она включает в себя результаты опросов и анкетирования около 400 сотрудников воспитательных аппаратов учреждений, исполняющих нака-

зания в виде лишения свободы, ФСИН России в различных регионах страны. Все это указывает на большой объем исследовательской работы, осуществленной автором.

Теоретическая значимость исследования обусловлена необходимостью дальнейшей теоретической разработки и осмысления опыта правовой регламентации и организации воспитательной работы с осужденными к лишению свободы. Практическая значимость рецензируемой работы заключается в возможности использования основных выводов исследования в процессе совершенствования уголовно-исполнительного законодательства в части регулирования основных средств исправления и практической организации воспитательной работы с лицами, осужденными к лишению свободы. Материалы исследования могут быть также использованы в учебном процессе.

Новизна исследования подтверждается полученными научными результатами.

Так, в первой главе формулируется понятие воспитательной работы с осужденными к лишению свободы, определяются задачи воспитательной работы, систематизируются ее принципы. Автором предлагается также свое видение содержания и форм воспитательной работы с лицами, осужденными к лишению свободы.

Вторая глава представляет собой попытку характеристики формирования института воспитательной свободы с лицами, лишенными свободы, как единого процесса, изменения в котором напрямую зависели от требований государства о направленности формирования личности. В связи с этим автором предлагается три периода, соответствующих развитию отечественной государственности.

В третьей главе предложена классификация подзаконных нормативно-правовых актов, обеспечивающих проведение воспитательной работы с осужденными к лишению свободы, проанализирована деятельность субъектов, осуществляющих воспитательный процесс, сгруппированы функции начальника отряда осужденных как основного организующего воспитательную работу в местах лишения свободы субъекта. В монографии также указаны основные пути совершенствования уголовно-исполнительного законодательства в названной сфере. Также указывается на отдельные недоработанные положения УИК РФ, выработаны и обоснованы соответствующие предложения по его совершенствованию. Автор предлагает внести ряд изменений и дополнений в действующее законодательство.

Таким образом, представленная рукопись монографии позволяет сделать вывод о ней как о завершеном исследовании актуальной проблемы, которое предназначается для специалистов в области организации и проведения воспитательной работы в местах лишения свободы, а также всех тех, кто интересуется проблемами уголовно-исполнительного права.

НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ

Производство неотложных следственных действий оперативными аппаратами ФСИН России: Учебное пособие: Допущено Федеральной службой исполнения наказаний в качестве учебного пособия для курсантов, студентов и слушателей образовательных учреждений ФСИН России / О.П. Александрова, А.Т. Валеев, А.М. Лютынский, М.В. Молдавский. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2009. – 261 с. - **ISBN 978-5-94991-127-3.**

В учебном пособии рассматриваются основные уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты производства неотложных следственных действий оперативными аппаратами ФСИН России.

Пособие подготовлено на основе действующего уголовно-процессуального, оперативно-розыскного и уголовно-исполнительного законодательства с учетом достижений юридической науки, следственно-судебной практики, практики производства неотложных следственных действий в исправительных учреждениях.

Учебное пособие предназначено для курсантов, слушателей, студентов высших образовательных учреждений юридического профиля, адъюнктов, аспирантов, преподавателей, практических работников органов дознания, а также всех тех, кто интересуется проблемами расследования преступлений в учреждениях ФСИН России, института неотложных следственных действий, представления и использования в уголовном судопроизводстве результатов оперативно-розыскной деятельности.

Подготовлено в соответствии с п. 1.2 Плана НИОКД института на 2008 г. и перспективу.

Цели и средства уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних: Сборник материалов международной научно-практической конференции (Вологда, 26–27 ноября 2009 г.) / Отв. ред. начальник ВИПЭ ФСИН России канд. юрид. наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации В.В. Попов, начальник Научно-исследовательского института ФСИН России д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки Российской Федерации В.И. Селиверстов: В 2 ч. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2009. – Ч. 1. – 430 с. – **ISBN 978-5-94991-125-9.**

В сборнике материалов международной научно-практической конференции основное внимание уделено вопросам сокращения количества осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях, в том числе воспитательных ко-

лониях; расширения применения в отношении несовершеннолетних наказаний и иных уголовно-правовых мер, альтернативных лишению свободы; повышения эффективности деятельности органов и учреждений ФСИН России; создания и функционирования воспитательных домов для несовершеннолетних осужденных; совершенствования форм и методов воспитательной, психологической и социальной работы с данной категорией лиц; оптимизации структуры и повышения качества подготовки специалистов в образовательных учреждениях ФСИН России. Иностранцами участниками конференции был представлен зарубежный опыт работы с несовершеннолетними правонарушителями.

Судебная защита прав и свобод лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы: Сборник материалов межвузовского научно-практического семинара / Под ред. канд. юрид. наук, доцент М.М. Попович, Е.В. Вальковой – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2009. – 158 с.

В сборник вошли статьи профессорско-преподавательского состава образовательных учреждений, практических работников УФСИН по Вологодской области, Республике Карелии, сотрудников иных ведомств и курсантов, выступивших на семинаре, который состоялся 10 июня 2008 г. в ВИПЭ ФСИН, организованном кафедрой гражданско-правовых дисциплин.

Семинар проводился в целях определения основных направлений дальнейшей работы кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН по исследованию проблем правового статуса лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, совершенствованию преподавания курсов «Гражданское право», «Гражданский процесс», «Жилищное право», а также приоритетных тем и научных разработок в части совершенствования деятельности в подразделениях ФСИН России.

Сборник подготовлен в соответствии с п. 1.1 Плана НИОКД кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России на 2008 г.

Информационные технологии в управлении, обучении, правоохранительной деятельности: Сборник материалов международной научной on-line конференции / Под ред. канд. пед. наук А.А. Бабкина. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2009. – 144 с.

Сборник посвящен актуальным вопросам применения новых информационных и компьютерных технологий в деятельности УИС и других правоохранительных органов, управлении социально-правовыми, социально-экономическими и техническими системами, а также математическим основам функционирования вычислительной техники.

Конференция была проведена в соответствии с п. 4.1 Плана НИОКД кафедры информатики и математики на 2008/2009 учебный год и перспективу.

Антропологические и аксиологические ориентиры формирования уголовной и уголовно-исполнительной политики государства: Сборник материалов научно-практиче-

ского семинара / Отв. ред. канд. философ. наук, доцент Л.В. Фивейская. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2009. – 89 с.

В сборнике освещаются философские аспекты формирования системы современного права, рассматриваются культурно-исторические, антропологические и нравственные предпосылки правосознания, анализируется роль СМИ в формировании правового умонастроения граждан.

Издание предназначено для курсантов, слушателей заочного отделения, преподавателей, адъюнктов, практических работников, может быть использовано в рамках служебной подготовки сотрудников ФСИН России.

ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ

Основные требования к статьям, публикуемым в журнале института

1. Условия опубликования

- Актуальность, новизна представляемой для публикации статьи. Наличие в ней постановки задач (проблем), описания основных результатов исследования и выводов.

- Соответствие правилам оформления. Статьи, не соответствующие предъявляемым требованиям к оформлению, к рассмотрению не принимаются.

- Содержание статьи должно носить открытый характер. Наличие информации ограниченного распространения в статье является основанием для отклонения материала от открытой публикации.

- Решение о публикации статьи принимается редакционной коллегией журнала. Корректуры авторам не высылаются, присланные материалы не возвращаются.

- Статьи принимаются по установленному графику:

- в № 1 (март) — до 1 января текущего года;

- в № 2 (июнь) — до 1 апреля текущего года;

- в № 3 (сентябрь) — до 1 июля текущего года;

- в № 4 (декабрь) — до 1 октября текущего года.

- Плата с аспирантов (адъюнктов) и соискателей за публикацию статьи в журнале не взимается.

- Статьи направляются в редакцию журнала по адресу: 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, д. 2, каб. 316 б, адрес электронной поч-

ты: vestnikvipe@mail.ru (тел. 8 (817-2) 51-82-50, 51-46-12, 53-60-79).

2. Правила оформления статьи

• Статьи предоставляются в электронном и печатном виде (по 1 экз.). Файл со статьей может быть представлен как на диске, так и вложением файла в письмо, отправленное по электронной почте. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением .rtf. В имени файла указывается фамилия автора. Печатный вариант статьи должен полностью соответствовать электронному.

• Все аббревиатуры и сокращения расшифровываются при первом употреблении в тексте.

• Нумерация страниц обязательна. Абзацный отступ – 1 см. Межстрочный интервал – полуторный.

• Параметры страницы: формат – А4, правое и левое поле – 20 мм, верхнее и нижнее поле – 20 мм.

• Шрифт – Times New Roman, обычный. Размер кегля (символов) – 14 пт.

• Максимальный объем статьи – 1 печатный лист.

• Сноски на литературу (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5.-2008) выполняются в автоматическом режиме текстового редактора Microsoft Word. Маркер сноски – арабская цифра.

• Рисунки, схемы, диаграммы, фотографии, используемые в тексте, должны быть продублированы отдельными файлами (рисунки, схемы, фотографии должны быть сохранены в формате *.tif; диаграммы выполнены в программе Microsoft Excell). В тексте статьи следует дать ссылку на конкретный рисунок, например: (рис. 2). Названия и комментарии к ним размещаются под рисунком.

• Текст статьи должен быть вычитан и подписан автором, который несет ответственность за научно-теоретический уровень публикуемого материала.

3. Сопроводительные документы к статье

• Лицензионный договор о предоставлении автором статьи для публикации.

• Сведения об авторе (авторах). Указывается фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность и место работы (место учебы или соискательство), контактные телефоны, факс, e-mail, почтовый индекс и адрес.

• Аннотация и ключевые слова. Объем аннотации – до 10 строк, начинается с названия статьи и фамилии автора.

• Рецензия, подписанная рецензентом и заверенная печатью учреждения, где работает рецензент, предоставляется по желанию автора. В рецензии отражается актуальность раскрываемой проблемы, оценивается научный уровень представленного материала и дается рекомендация об опубликовании статьи в журнале.

• В случае предоставления материалов аспирантами, адъюнктами и соискателями наличие рецензии или отзыва научного руководителя является обязательным условием принятия материалов к опубликованию.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аккулев А.Ш. – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Евразийского гуманитарного института (г. Астана), кандидат юридических наук. E-mail: shayhmet@mail.ru

Белов О.А. – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: belov_oleg@mail.ru

Горяинов К.К. – главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки России. E-mail: niifsin@mail.ru

Данилова Н.А. – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, советник юстиции. E-mail: tnd@mail.ru

Денисова Т.Н. – заведующая кафедрой практической психологии Вологодского государственного педагогического университета, кандидат психологических наук, доцент. E-mail: tnd@mail.ru

Иванчин А.В. – доцент кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: ivanchin@univ.uniyar.ac.ru

Каплин М.Н. – доцент кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, кандидат юридических наук. E-mail: mnkaplin@mail.ru

Колодин Р.В. – преподаватель кафедры боевой и тактико-специальной подготовки Вологодского института права и экономики ФСИН России. E-mail: rukolodin@yandex.ru

Колосков А.М. – начальник кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России. E-mail: koloskov888@mail.ru

Кузнецов А.П. – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Института ФСБ России

(Н. Новгород), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации. E-mail: romirka@list.ru

Лунеев В.В. – главный научный сотрудник сектора уголовного права и криминологи Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации. E-mail: LuneevVV@yandex.ru

Мытник П.В. – заместитель начальника кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: pmytnik@yandex.ru

Николаева Т.Г. – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, советник юстиции. E-mail: serowa@yandex.ru

Первушина А.А. – адъюнкт кафедры уголовного процесса и криминалистики ВИПЭ ФСИН России. E-mail: peard@rambler.ru

Почеткова Е.С. – адъюнкт кафедры уголовного права ВИПЭ ФСИН России. E-mail: rochetkova@mail.ru

Селиверстов И.В. – главный специалист Аппарата Уполномоченного по правам человека в Московской области, аспирант Современной гуманитарной академии. E-mail: zibel@mail.ru

Середа С.П. – старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: sta-sereda2006@yandex.ru

Смирнов А.М. – преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Вологодского института права и экономики ФСИН России. E-mail: vipe_urk@mail.ru

Спасенников Б.А. – профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор. E-mail: boris@spasennikov.ru

Хомяков О.В. – старший преподаватель кафедры боевой и тактикоспециальной подготовки ВИПЭ ФСИН России, кандидат философских наук. E-mail: okhomyakov@yandex.ru

Челышева О.В. – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор. E-mail: serowa@yandex.ru

Чирков А.М. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор медицинских наук. E-mail: Chiralex35@yandex.ru

Штефан Е.Ф. – преподаватель кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук. E-mail: e-shtefan@yandex.ru

ANNOTATIONS OF ARTICLES AND MATERIALS

Akkulev A.Sh., associate professor of the state-legal disciplines department of the Eurasian Humanity Institute (the town of Astana), Candidate of Law Science. E-mail: shayhmet@mail.ru

Some certain issues on the protection of human rights according to the criminal and the criminal-executive legislation of the Republic of Kazakhstan

The article discloses different aspects of penal policy mitigation in the Republic of Kazakhstan, i.e. the following issues are under consideration: the abolition of capital punishment, the introduction of some new criminal penalties which are alternatives to the deprivation of liberty, the reduction of a punishment for some sorts of crimes, adjusting the prison conditions in accordance with the international standards. Besides that the certain criminal procedure institutions such as the termination of criminal proceeding for reconciliation of the parties, the actual repentance and the remedial justice.

Key words: the Republic of Kazakhstan legislation; protection of human rights; humanization of the criminal and the criminal-executive policy; capital punishment; torture.

Belov O.A., assistant professor at the chair of Criminal Process and Criminalistics at the Vologda Institute of Law and Economics of the Penal service of Russia, a candidate of Law. E-mail: belov_oleg@mail.ru

About improving the communication system maintenance in solving and investigating penitentiary crimes

The author considers modern communication system maintenance in solving and investigating penitentiary crimes. The article draws the reader's attention towards possible ways of improving communication system as well as problems of interaction within the framework of communication exchange existing in practical activity of agencies and institutions of the Russian Penal system and internal affairs bodies.

Key words: criminologically important information; information maintenance; program units; automated investigator's and operation worker's place; electronic data; interaction.

Goryainov K.K., a leading researcher of the Scientific Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Doctor of Law, professor, honored scientific researcher of Russia. E-mail: niifsin@mail.ru

About the Application of Results of the Operative Detective Activity in Proving

The author analyses the regulations of present procedural criminal legislature and the Federal Law "About the Operative Detective Activity" regulating the issues connected with the possibility to apply results of the operative detective activity in proving criminal cases. The attention is also paid to the collisions of norms the article 89 of the Procedural Criminal Code of the Russian Federation and the article 11 Federal Law "About the Operative Detective Activity" and it is offered to alter the present legislation.

Key words: procedural criminal legislature; operative detective measures; results of the operative detective activity; evidence or proof; proving.

Danilova N.A., assistant professor at the chair of Criminal Process and Criminalistics at St. Petersburg Law Institute (branch of the Institute) of the General Prosecutor's office Academy in the Russian Federation; doctor of Law, professor, counselor of justice; **Nikolaeva T.G.**, assistant professor at the chair of Criminal Process and Criminalistics at St. Petersburg Law Institute (branch of the Institute) of the General Prosecutor's office Academy in the Russian Federation; doctor of Law, professor, counselor of justice. E-mail: serowa@yandex.ru

The problems of special knowledge usage while revealing and investigating economic crimes

The article deals with the problems of special account knowledge while revealing and investigating economic crimes. In particular, the possibility of involving an inspector as a specialist in a criminal case, usage of inspection's acts as evidence, absence in the penal law mentioning towards investigator's power to demand carrying out an inspection (files checking) at the preliminary stage of investigation.

Key words: special knowledge; an inspection; a specialist; trial and account examination.

Denisova T.N., the head of practical psychology department of the Vologda State Teachers Training University, Candidate of psychological sciences, associate professor. E-mail: tnd@mail.ru

Drug addict dependents' peculiarities of referring to time

In the article the author examines the presentation (appearance) of narcotic dependence – addictive rhythm, defining the whole life activity of drug addict dependent. Concerning the three-level concept of time, suggested by the author, a subject may imagine time as dot-matrix, cyclic or global. The results of such examinations testify to the great difference in attitude to time between healthy and narcotic dependent people. The latter demonstrate the propensity for dot-matrix time while for successful and stable social work adaptation the concept of cyclic or global time is necessary.

Key words: time; drug addiction; addictive rhythm; three-level concept of time.

Ivanchin A.V., docent of the Criminal Law and Criminology chair of the Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, candidate of law sciences, docent. E-mail: ivanchin@univ.uniyar.ac.ru

A Fine for the Crime Committed: the problems of the Legislative Regulation and Practice of Penalty recovery

The article is devoted to the legislative regulation and practice of penalty recovery. The collision between the Criminal Executive Code of the Russian Federation and the Federal Law dated from October, 10, 2007 # 229-FL "About the Enforcement Procedure" are settled, some recommendations for police officers are given. Moreover, the order of bringing to account of persons who deviate from the fine payment for the crime committed is analyzed in a detailed way; its deficiency and the ways of optimization are presented. It is being proved that the enforcement order about fine payment for the crime committed is not a common or ordinary enforcement document, but the one of a specific legal regime determined by the character of the criminal executive regulation.

Key words: a fine; habitual deviation from the fine payment; enforcement order; responsibility for deviation from the fine payment; search of a debtor; a resolution about the initiation of enforcement procedure; a forced recovery of the fine.

Kaplin M., assistant professor of the chair of criminal law and criminology of the Yaroslavl State University named after P. Demichev, candidate of law. E-mail: mnkaplin@mail.ru

Criminal responsibility and punishment: correlation of the basic categories of the criminal law

In the article the author analyzes the essence of such categories as "criminal responsibility" and "punishment". Examining the way of formation of the notion "criminal responsibility" in the Russian criminal legislation, the author makes a conclusion that it is advisable to differentiate criminal responsibility and punishment, because they are equal in the legal sense.

Key words: criminal responsibility; punishment; duty to be responsible for crime; criminal capacity; measures of criminal law character.

Kolodin R.V., teacher of the exercise and special tactical training department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal System of Russia. E-mail: rukolodin@yandex.ru

On the history of making of public control over the educative colonies activity in the first years of Soviet government

A summary historical analysis of the development of the institutions of the public control over the educative colonies activity in 1920–1930-s in Soviet Russia is given in the article. It considers the peculiarities of work organization of non-governmental control subjects of the period under review: the distributing commissions, the monitoring commissions, the committees for assistance to the imprisoned and discharged persons; their differences and common features are found out in the article.

Key words: public control; monitoring and distributing commissions; educative colonies.

Koloskov A.M., the chief at the chair of Administrative and Law disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Penal service of Russia. E-mail: koloskov888@mail.ru

Specific features of the penal system's personnel disciplinary responsibility

The article is devoted to comparative analysis of disciplinary, criminal and administrative responsibility, legal consequences as well as a number of subjects plenipotentiary to bring to correspondent kind of responsibility.

Key words: discipline; disciplinary responsibility; disciplinary offence; administrative offence; administrative responsibility; administrative penalty.

Kuznetsov A.P., professor of the chair of the criminal law disciplines of the Institute of Federal Service of Security of the Russian Federation (Nizhni Novgorod), doctor of law, professor, the honoured scientist of the Russian Federation, the honoured lawyer of the Russian Federation. E-mail: romirka@list.ru

Responsibility for disorganization of normal activity of the institutions, providing isolation from society

The article is devoted to the characteristics of the corpus delicti in the form of disorganization of normal activity of the institutions, providing isolation from society. The author discusses elements of such corpus delicti, its qualifying features and responsibility according to the Russian criminal law. Commenting the provisions of the article 321 of the Criminal Code of the Russian Federation, the author is guided by acting penal legislation.

Keywords: disorganization of activity; correctional institutions; institutions; providing isolation from society; corpus delicti; responsibility.

Luneev V.V., head scientist of the sector of criminal law and criminology of the Institute of the state and law, the Academy of Science of the Russian Federation, doctor of law, professor, the honoured scientist of the Russian Federation. E-mail: LuneevVV@yandex.ru

Criminological, victimological and penitentiary problems of the juvenile

In the article the author points out the special features of opposition to juvenile's crime and discusses about the role of the penal system in such process. He thinks that it is impossible to decide criminological, victimological and penitentiary problems only by means of formation and realization of criminal and penal politics relating to juvenile together with reform of the penal system. The article contains the statistical data about the juvenile's crime in Russia and in the world.

Key words: juvenile; crime; opposition to the juvenile's crime.

Mitnick P.V., assistant chief of the criminal process department of the Ministry of Internal Affairs of Belarus, candidate of law sciences, docent. E-mail: pmutnik@yandex.ru

Criminal policy concerning juveniles in the republic of Belarus

In the article on the base of analyze of the normative law acts the author shows the modern criminal policy of the state regarding to juveniles, depicts its main directions. Besides the author

pays much attention to the necessity to foresee the proper discretionary

Key words: criminal policy concerning juveniles; juvenile justice; criminal and process activity as regards to juveniles.

Pervushina A.A., a post-graduate in the military institute at the chair of Criminal Process and Criminalistics at the Vologda Institute of Law and Economics of the Penal service of Russia. E-mail: peard@rambler.ru

The elements of criminalistic characteristics of economic crimes committed by people deprived of liberty

In the article the author reveals the elements of criminalistic characteristics of economic crimes committed by convicts in custody in correctional establishments (telephone fraud, extortion, thefts, etc.). In particular, the object and subject peculiarities of the crimes included in this group are considered in the article; information about people committing economic crimes during their detention; information about ways of preparing, commitment and concealing economic crimes; circumstances characterizing the situation, time and place of crime.

Key words: criminalistic characteristics; economic crimes; frauds committed by convicts; means of mobile communication.

Pochetkova E.S., post-graduate of the chair of criminal law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Russian Federal Penal System. E-mail: pochetkova@mail.ru

Terminology as the means of legislative technique by regulation of punishment in the form of fine

Key words: legislative terminology; period to voluntary execution of the punishment in the form of fine; fine; executive effecting.

Seliverstov I.V., head specialist of the Administration of the Human Commissioner in Moscow region, post-graduate of the Modern Humanitarian Academy. E-mail: zibel@mail.ru

To the problem of the social – legal purpose of the institute of amnesty

The article is devoted to the questions of the social – legal purpose of the institute of amnesty. The publication contains description of the scientific approaches to the institute of amnesty, definition of the aims and essence. According to the research the author formulates the suggestions, making to achieve the purposes of amnesty in the Russian Federation.

Key words: criminal politics; amnesty; imprisonment; release of punishment.

Sereda S.P., a senior researcher of the scientific laboratory of the organizational scientific department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, candidate of law sciences. E-mail: sta-sereda2006@yandex.ru

The Peculiarities of Imprisonment Sentences Regarding the Offenders Having Committed a Crime while being minors

The article is devoted to the pressing problems concerning the execution of imprisonment

sentences regarding juveniles. The author investigates the factors influencing in a negative way on the correctional process of juvenile offenders. Some probable ways of legislative development that regulate the activity of educational colonies are discussed and offered in the article. The author considers the issues connected with the transformation the educational colonies into the educational centers.

Key words: educational colony; educational center; juvenile offender; deprivation of liberty; correctional institution; re-socialization.

Spasennikov B.A., professor of the Criminal Law and Criminology chair of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Doctor of Law, Doctor of Medicine, professor. E-mail: boris@spasennikov.ru;
Smirnov A.M., teacher of the Criminal Law and Criminology chair of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, candidate of law sciences. E-mail: vipe_upk@mail.ru

The Correction of Male Offenders in Serving of Long term Sentences

The attention is paid to the comprehension of the concept and content of offenders' correction in prison. The authors define the possibility of correction of male offenders who serve long term sentences in isolation from the community in the correctional institutions using such factors as an attitude to labour and some educational measures, support of socially useful contacts, recidivism after release. In addition the analysis of the influence of long isolation from the community upon personality of male offenders.

Key words: the aims of punishment; deprivation of freedom for specified time; long term imprisonment sentences; male offenders; recidivism; the effectiveness of criminal sanctions.

Khomyakov O.V., senior teacher of the exercise and special tactical training department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal System of Russia, Candidate of Philosophy Science. E-mail: okhomyakov@yandex.ru

Social liberalization processes as a reason for toughening of criminal prosecution of an individual

The liberalization of the public conscience in Russia and its direct influence on both the initiation of destructive actions and the toughening of criminal prosecution of an individual as a consequence are under consideration in the article. The author disproves the fixed ideas about the liberal public ideal as about the universal and perfect one. The article is of great importance in connection with the last President and Government initiatives to reform the penal system.

Key words: liberalization of public conscience; social liberalization; liberalism; penitentiary policy.

Chelysheva O.V., professor of the criminal procedure and criminalistics department of the Saint-Petersburg Law Institute (Institute branch) of the Russian Federation Prosecutor General's Office Academy, Doctor of Law Science, Professor. E-mail: serowa@yandex.ru

The problems relating to the contents of the first part of Criminal science

The various approaches of the criminal law researchers to definition of the name of the first part of Criminal science "Gnosiological and methodological basic foundation of criminalistics" are under consideration in the article. In addition the author studies such concepts of the first part of criminalistics as general theory of criminalistics, criminalistics methodology and procedure and gives the author's definition of the concepts "gnosiological basic foundation of criminalistics" and "methodological basic foundation of criminalistics".

Key words: gnosiology; theory of cognition; gnosiological basic foundation of criminalistics; methodological basic foundation of criminalistics; methodology; procedure.

Chirkov A.M., the professor of legal psychology and pedagogical department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia; Doctor of medicine science. E-mail: Chiralex35@yandex.ru

Penitentiary stress

In the article the author examines the most serious questions of penitentiary stress that is the factor of psychogenic and psychosomatic disorder of convicts. Also that is the base for disadaptive behavior and crimes in penal institutions. The author explains the necessity of integral approach to the cognition of basic conformities to the developing of disadaptation of convicts on the base of profound examination of medical, psychological, social and psychobiological spheres of personality.

Key words: penitentiary stress; health; mental disorders; psychosomatic diseases; prison subculture; convicts; penitentiary institutions; re-socialization.

Shtefan E.F., the teacher of legal psychology and pedagogic department of the Vologda Institute of Law and Economics of Russia, candidate of psychological science. E-mail: shtefan@yandex.ru

Psychology correction of aggressive behavior of men convicts with long term of imprisonment

In the article there is the analyze of causes that actualize the aggressive behavior of convicts in prison with long period of imprisonment. In the article there is given the description of theories that describe the nature of aggressive behavior its forms and functions. The analyze of causes that describes the aggressive behavior lets psychology correction Influence, which includes the work of personnel directed on optimization of mutual and other social perception, and also activities the aim of which is the self-conscious of convicts as personality and adequate awareness of his/ her social peculiarities and individual peculiarities in the difference in self-appraisal and self-regulation.

Key words: aggression; instrumental aggresses; assertive behaviors; long term of imprisonment; frustration situations; motivation of aggressive behavior; social status in criminal area; psychocorrection and self – regulation.

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ·НАКАЗАНИЕ·ИСПРАВЛЕНИЕ

Выходит четыре раза в год

Учредитель:

ВИПЭ ФСИН России

Главный редактор:

В.В. Попов

Ответственный секретарь:

А.Л.Санташов

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-36704
ISSN 2076-4162

Распространяется
в высших учебных заведениях
и практических органах
уголовно-исполнительной системы

Все права защищены.

Перепечатка материалов только
с разрешения редакции журнала.
Авторские материалы рецензируются
и не возвращаются.

Редакция сохраняет за собой право
производить сокращения
и редакционные изменения рукописи

Адрес редакции:
160000, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Телефоны:
(8172) 51-82-50
(8172) 53-60-79
(8172) 51-82-48 факс

E-mail:

vestnikvipe@mail.ru

© ВИПЭ ФСИН России

Подписано в печать 30.12.09

Формат 60х90/8. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 12. Заказ № 2846

Тираж 1000 экз.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакционная коллегия выражает уверенность в том, что журнал уже в недалеком будущем займет достойное место среди ведомственных периодических изданий.

Наша готовность освещать актуальные проблемы уголовно-исполнительной системы и других правоохранительных органов, материалы на историческую тему, вести дискуссию по наиболее актуальным вопросам в области юриспруденции, социальной работы, пенитенциарной педагогики и психологии, обсуждать практические вопросы деятельности пенитенциарных учреждений расширит ряды авторов и читателей.

В дальнейшем планируется включение журнала в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Мы готовы принять к публикации ваши материалы при их соответствии тематике журнала и требованиям в оформлении.

Решение о публикации материала принимает главный редактор или его заместитель.

Основные требования и порядок предоставления материалов для